

НИКОЛАЙ ГОМОЛКО

ЛЕСНАЯ КРЕПОСТЬ

НИКОЛАЙ ГОМОЛКО

**ЛЕСНАЯ
КРЕПОСТЬ**

ПОВЕСТЬ

Перевод с белорусского
М. ДОЛОТЦЕВОЙ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ ”
1982

84Бел7
Г 64

Г $\frac{4702120200-136}{078(02)-82} 254-82$

© Перевод, оформление. — Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алесь бежал изо всех сил. Фашисты были совсем рядом, за молодым густым ельником, что остался позади. Ясно слышалось их дикое гиканье и выкрики. Трещали автоматы, где-то в стороне глухо рвались гранаты. Алесь знал, что это партизаны не дают покоя фашистам, забрасывают их гранатами.

А вот здесь, на лесной поляне, некому встретить врага с оружием в руках, остановить, не пустить его в глубь болотной глухомани, которую люди издавна называют Комар-Мох.

Враги окружили болото железным кольцом. По приказу Гитлера сюда стянуты отборные фашистские части. Больше десяти дней идут кровопролитные бои. Каждый шаг дорого обходится фашистам: партизаны бьются не на жизнь, а на смерть — необходимо во что бы то ни стало прорвать кольцо блокады.

Там, где прошли карательные отряды, горят села, поднимаются виселицы, растут на полях курганы — братские могилы расстрелянных людей.

Жители кинулись в леса, к партизанам, забирая с собой оставшуюся живность: коров, свиней, гусей... Все надеялись переждать, пока смогут вернуться в свои дома, но враги плотно окружили леса и болота и методично продвигались вперед, неся смерть и разрушение.

Самолеты бомбят села, и лесные дебри, и болотные топи, повсюду рвутся артиллерийские снаряды... Фашисты хотят взорвать, сжечь, стереть с лица земли этот партизанский край.

Командир карателей полковник Носке уже представлял себе, с какой гордостью доложит он самому фюреру об успешном окончании столь важной операции!

Несомненно, после этого на многих офицерских мундирах появятся Железные кресты, а особо отличившимся солдатам будут обещаны отпуска домой, в родной фатерланд. Но пока полковнику Носке нечего докладывать Гитлеру, надо действовать.

Самолеты сбрасывают не только бомбы: весь лес усеян фашистскими листовками, в которых господин пол-

ковник распинаятся в своих самых добрых чувствах — смотрите, мол, вот каков наш немецкий гуманизм: всем, кто добровольно сдастся в плен, гарантируется жизнь и «гражданская неприкосновенность». Но кто же поверит фашистам?

Родное село Алеся Сырой Бор совсем разорено. Сырборцы, как только услышали про карателей, бросились в лес. За одну ночь опустело село. Люди прошли лесом километров десять и стали лагерем: построили шалаши, кошары для коров и овец. И стали жить в лесу.

Дымили костры, возле них бегали дети, пахло горячей пищей, духом человеческого жилья. И Алеся был там с матерью и сестренкой Анятой.

Но вот незадача: тетка Гануля, разбирая свой немудреный скарб, не нашла самого дорогого платка, который подарил ей сын, когда приезжал последний раз из Минска. Когда уходили из села от немцев, старая недоглядела, видно, впопыхах и оставила сыновний подарок где-то в хате. Чуть не заплакала тетка Гануля от досады. А под вечер, никому ничего не сказав, отправилась знакомой лесной тропинкой в село.

Там, в родной хате, ее и схватили фашисты. Может, и обошлось бы все, да на грех зажгла она лучину, чтобы получше осмотреть все закутки. Платок тетка Гануля нашла в сундуке, но тут же в хату на огонек ворвались солдаты:

— Хенде хох!

Гануля плакала, валялась в ногах у фашистов, просила, чтобы отпустили ее, старуху...

А потом стояла она ни жива ни мертва перед молодым офицером в новом щегольском мундире. Как улыбался он, этот офицер, тетке Гануле, как говорил ласково. А узнав, каким образом схватили ее солдаты, даже разгневался на них:

— Мы ваюйт не с фрау и киндер! Мы ваюйт с красными бандитами! — закричал он и выгнал солдат вон, а тетке Гануле сказал: — Вы свободны как птичка.

Обрадовалась Гануля, поклонилась низко — и к порогу.

Офицер остановил ее:

— Куда пойдет фрау? В лес?

— В лес... — и тут же замолчала: поняла, что проговорилась. Ну, подумала, теперь уж ей не вырваться отсюда. Но офицер как будто и не понял ничего. Сказал только:

— В лес? Зачем в лес? Иди в свой хаус и живи. Тебя никто не тронет, слово чести немецкого офицера. Никто не обидит ни тебя, ни твоих односельчан. Где они? В лесу? Испугались нас? Иди скажи им — партизаны нарочно их запугивают. А у нас приказ — всех, кого поймает в лесу, — расстреливать, поняла? Пусть возвращаются в свои дома. Немецкая армия берет их под свою защиту. Ну, шнеллер, иди!

Офицер махнул рукой и опять улыбнулся.

Тетка Гануля спешила как на крыльях. Ее и вправду нигде не задерживали.

В Сыром Бору хозяйничали фашисты. Они заняли клуб и две самые большие хаты. Неторопливо расхаживали по селу и горланили песни.

Никто и не посмотрел в сторону тетки Ганули и на ее платок не позарился, не сдернул с плеч. Другими глазами глянула она тогда на вражеских солдат, подумала: «Эти вроде какие-то совсем другие, веселые... Может, и не все немцы звери?..»

А потом прибежала в лес, рассказала односельчанам все, как было, и решительно заявила: «Вы как хотите, а я натерпелась в этом комарином пекле. Пойду назад, в родную хату».

Ее уговаривали, убеждали, но она стояла на своем. Забрала двух малых внучат и коровенку — и домой.

Увидев такое дело, женщины подняли гвалт: «Гануля, мол, не глупа, знает, что говорит. Немцы окружили леса со всех сторон, не сегодня-завтра и сюда доберутся. Куда тогда нам податься с малыми детьми, где спастись?» И потихоньку-полегоньку с детворой да со скотинкой — в дорогу, вслед за теткой Ганулей. Мужчинам пришлось смириться — не оставишь женщин с ребятами без защиты. И потащились все назад, под родные крыши, хоть и тревожно было, и не верилось благим посулам врага.

И вот уже Алесь с Анютой сидят на возу, а мать с соседской Параской идут рядом, тихо переговариваются, тревожась о том, что ждет их дома...

Оккупация! Это ведь страшно подумать!.. Враг вон как лютует! Прочесывает лес, забрасывает бомбами, минирует поля... Может, и правильно они делают, что возвращаются домой? Смотри, Гануля побывала у немцев — и ничего, жива осталась...

Поначалу все было хорошо. Вернулись люди в село, в свои хаты. Старики упали на колени под образа —

молились, благодарили бога, что услышал их, взял под свою защиту.

А наутро проснулись сыроборцы под солдатские крики и брань. Что случилось? Может, партизана поймали? Солдаты барабанили прикладами в двери и ворота, требуя, чтобы все на улицу выходили — и стар и млад. Мол, немецкий офицер хочет проверить, все ли жители Сырого Бора вернулись из леса.

Мать Алесь, как узнала об этом, сделалась блее полотна. Разбудила сына и дочку, тревожно зашептала:

— Бери, сынок, сестричку и быстрее за огороды. Бегите в лес. Побьют нас фашисты, чует мое сердце, побьют!

Алесь натянул штаны и куртку, шапку на голову, закинул мешочек с хлебом и салом за плечи и вместе с Анютой быстренько из хаты к хлеву, на тропку, что вела к гумну.

Но не тут-то было! За гумном, по всем дорогам и тропинкам уже вышагивали фашисты. Увидели беглецов и давай строчить из автоматов. Ребята бросились напрямик по картофельному полю. Но тут Анюта споткнулась, упала, заплакала от страха, а потом вскочила и побежала обратно, к хлеву — видно, хотела там спрятаться. Алесь даже крикнуть не успел: пули свистели над самой головой. Он скатился в картофельную борозду и пополз к лесу.

И только у лесной опушки одумался: как же он не вернул сестренку? Выходит, бросил он Анюту! Что же делать? Вернуться?..

А в сумерках взвился над селом огромный столб огня и дыма. Уже потом рассказали Алесю люди, что произошло в Сыром Бору. Враги согнали жителей села в колхозный клуб, облили его бензином и подожгли... Что случилось с матерью и сестренкой? Как узнать? Алесь не знал...

Вот уже пятый день он бродит по лесу. Ищет партизан.

Немцы теснят их все дальше и дальше в глубь болот. Куда ни глянь — частые кустарники, топи, осинники. Лишь изредка увидишь сухие островки, на которых шумят вековые сосны.

На одном из таких островков закрепилась группа партизан. Четверо их засели в окопе. С ними и Алесь. Но вот фашисты подобрались совсем близко к окопу, над головой засвистели пули, и партизаны отправили

хлопца в ельник, в более безопасное место. Как ни сопротивлялся Алесь, но пришлось подчиниться.

Почти час шел бой. Алесь лежал за вывороченным деревом и не спускал глаз с песчаного взгорка. Партизаны хорошо укрылись за высоким бруствером.

Немцы не отваживались на открытый штурм. Но и партизанам не давали поднять голову, поливали их пулеметными очередями. Со стороны казалось, что они затаились, выжидая. Может, ждали подкрепления, а может, и танкеток, которые находились где-то поблизости, — Алесь ясно слышал шум моторов. Внезапно что-то гроыхнуло, и около партизанского окопа высоко взвился столб песка.

В тот же миг до слуха донесся пронзительный свист, и в небо полетел какой-то предмет. Он описал крутую дугу и стремительно пошел вниз. Алесь похолодел, мелькнула догадка: «Мины. Немцы закидывают окоп минами!»

Снова на пригорке полыхнуло песчаное облако и глухо застонала земля. А потом наступила тишина. Партизанский окоп замолчал. Молчали и немцы.

Алесь надеялся, что партизаны используют эту передышку — выберутся из окопа и ползком начнут отходить в лес. Но никто не показывался: ни чернявый Семен, тракторист из соседнего села, ни Петро Горошченя, ни дядька Антон Булка, пожарник, с которым особенно подружился Алесь и считал его за родного батюку.

Неужели погибли?! Хотелось плакать и кричать от отчаяния, кинуться туда, к окопу...

А лес вдруг загудел пронзительными голосами. Это немцы поднялись и бросились к безмолвному окопу.

Алесь охватил страх: ведь он один среди врагов, совсем один!

Глянул по сторонам, вскочил и бросился бежать. Его заметили, и вдогонку часто застрекотали автоматы, но он бежал, не разбирая дороги, и скоро ельник остался позади. Теперь его окружали редкие кустарники и болотный купняк. Хорошо, хоть болото здесь за лето высохло — не провалишься по пояс в зыбкую трясину. Алесь мчался что было сил, за плечами у него болтался мешочек с черствым хлебом.

Неожиданно сквозь лесные заросли блеснула озерная гладь. Стрельба за спиной стихла. Алесь остановился. Справа от озера мрачно темнела прогалина, по-

росшая осокой и корявыми низкорослыми сосенками. Где это он? Может, это то самое страшное болото, которое люди окрестили Комар-Мохом? Говорят: тут не найдешь ни дорог, ни тропинок, ни бугорка, ни просто сухого местечка, где бы можно было прилечь, отдохнуть.

И вдруг снова где-то совсем рядом, вверху раздался гул моторов! Все ближе и ближе, уже совсем над головой. Да это бомбардировщики!

Вздрогнула земля, заходила под ногами, как зыбкий помост. Взрыв, другой, третий!.. Где-то совсем близко от того места, где остановился Алесь, запахло порохом и дымом.

«На кого они кидают бомбы? — подумал Алесь. — Значит, где-то тут есть еще партизаны. Эх, была бы у него винтовка, не прятался бы он, как заяц, а залег бы за первый же пенёк или камень и палил бы по врагам».

Алесь повернул к озеру. И вдруг увидел человека. Человек тоже бежал к озеру, был в гражданской одежде, с винтовкой в руках. Неужели партизан? Алесь замер, перевел дыхание, оглянулся: может, он не один? И крикнул:

— Эгей!

Человек остановился.

— Эгей! — снова крикнул Алесь. Тот бросился к нему.

— Откуда ты, хлопче?

— С той поляны, что за ельником. Фашисты наших побили, минами...

— А мы хотели прорваться. — Мужчина тяжело дышал, говорил хрипло, задыхаясь. — Пошли врукопашную — не пробились... Патронов нет, гранат нет... Двух фрицев я штыком прикончил. Думал, выскочу на волю — не удалось. Ну, мы и повернули. Нас только двое осталось — Димка Лявонный и я. Димка побежал к болоту, а я сюда, к озеру... Слушай, хлопче, немцы скоро здесь будут, надо прятаться.

— Может, в мох зароемся?

— Думал уж я об этом, но фрицы не дураки. У них овчарки, мигом найдут. И тогда нам конец... Давай к воде поближе. Укроемся под корягами — вернее будет.

И они побежали. Приминая ногами нетронутый мох, продираясь через высокую крапиву и заросли дикого малинника, короткими перебежками бросились к озеру. Оно было уже совсем близко; на его водной глади мирно отражались закатные облака и неяркое солнце,

А где-то уже вдали тяжело стонала земля: рвались снаряды, рушились вековые деревья...

Алесь с трудом поспевал за партизаном. Ныло тело, нестерпимо болели ноги. Но вот наконец и берег!

Шелестит под легким ветерком высокий лозняк и зеленая в ржавых пятнах осока, кругом темнеет стоячая вода.

— Давайте переберемся туда! — сказал Алесь. — Тут, видать, не очень глубоко.

— Пожалуй. — Партизан внимательно осмотрелся, прикидывая, какие у них шансы на спасение. — Эх, была не была! — Он махнул рукой и первым ступил на неверную почву.

Прибрежный забун упруго заколыхался, подался под ногами, угрожая проглотить смельчаков. Помогла перекладина из полусгнивших жердей. По ней наши путники и прошли к озерной протоке.

Здесь огляделись. Иссиня-серая предвечерняя мгла уже окутала даль. Снова послышался рев самолета. Алесь, не раздумывая, кинулся в тихую, масляно блестящую воду и поплыл. Партизан, опираясь на винтовку, бесшумно спустился с забуна в протоку.

Через несколько минут оба были на берегу, на опушке рощи. Не сговариваясь, бросились в самую чащу.

Но тут в зарослях густого ольшаника, что подступал к самому озеру, ударил оглушительный взрыв. Потом другой, чуть ли не совсем рядом, третий...

Мощная раскаленная воздушная волна сбила парнишку с ног, бросила на землю. В ушах Алеся зазвенело, белый свет заслонило черное облако...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первым очнулся партизан. Он открыл глаза и увидел над собой темное небо, усеянное звездной россыпью. Была ночь. Безоблачная, тихая, торжественная. На фоне неба чуть-чуть покачивались тонкие длинные камышинки. Совсем рядом, в невысоких кустах ольшаника, выводила свою негромкую песенку какая-то птица. Она чиликала долго, усердно, без передышки — предвещала скорый рассвет.

Он приподнял голову и попытался привстать. Грудь болела, не хватало воздуха. Ухватился рукой за шершавую осоку и сел. Ощупал лицо, голову. Шевель-

нул рукой и ужаснулся: нет винтовки! Он вышел из последнего боя целым, невредимым, и, хотя патроны кончились, винтовка была при нем.

Бомба упала совсем близко, взрывная волна опрокинула его на землю. Он потерял сознание и потом, видимо, проспал почти всю ночь. А где же хлопчик, с которым они спасались в камышах от немцев? Он оглянулся. Ночная мгла заметно рассеивалась, наступали предутренние сумерки. Однако где же хлопчик? Может, со страху убежал куда глаза глядят? А может, случилось самое худшее?..

Партизан стал обшаривать кусты. Там нашел винтовку. Тщательно вытер с нее грязь и повесил на плечо.

И опять отправился на поиски. В одном месте он наткнулся на вывернутый пласт зыбуна с густой гривой камыша, увидел срезанные будто ножом сосновые ветки — следы вражеской бомбы.

Неожиданно земля заходила у него под ногами. «Трясина», — догадался он и повернул сторону. И тут, в зарослях осоки, увидел темнеющее бревно... Бревно ли? Сердце ёкнуло от догадки... Он кинулся в кусты. Так и есть: мальчишка! Тихо посапывает во сне — живой!

Партизан чуть не крикнул от радости — парнишка цел и невредим. Выходит, все обошлось счастливо, спаслись они от немцев и погибать пока не собираются!

Видно, фашисты потеряли их след, а через протоку пробираться не решились. Хороший тайник нашли себе беглецы — здесь их никто не достанет. Но кто знает, что принесет новый день! Ведь опасность по-прежнему на каждом шагу, и неизвестно, в каком обличье она предстанет перед ними сегодня. Если гитлеровцы прорвались через заградительные партизанские посты, они пройдут к озеру и скорей всего прочешут и тростниковые заросли. Значит, пока не поздно, под прикрытием сумерек — скорей к своим.

Расположение главных партизанских сил он знает — это самый центр болота Комар-Мох. Ох, уж это болото, пропади оно пропадом! Скольких сожрало его ненасытное трясинное брюхо. И сейчас тысячи жизней людских зависят от него. Только страшней теперь не коварная трясина, а голод, холод и вражеские пули.

Между тем небо светлело. К одинокой певунье-птичке присоединились другие. Но голоса их совсем не меша-

ли один другому, а удивительно стройно сплетались в звонкой прекрасной песне. Так бы стоять и слушать... Но не до этого теперь...

Удобнее приладив на плече винтовку, партизан нагнулся к мальчику, осторожно тронул за плечо.

— Вставай, браток, пора!

Алесь глубоко вздохнул и приоткрыл глаза. Но тут же зажмурился, пробормотал:

— Спать хочу...

— Ого, какой пан! Не дури, браток, вставай, не то придут фашисты, мигом разбудят!

Мальчик вздрогнул испуганно, вскочил.

— Фашисты? — Он тревожно всматривался в лицо незнакомца.

— Не узнаешь?

Спросонок Алесь никак не мог сообразить, что происходит.

— Где я?

— А бомба? Помнишь, мы забежали сюда, в чашу, тут взрывом нас и накрыло...

— А-а, — протянул Алесь, — вспомнил... А вас не задело?

— Как видишь, стою на ногах. Выходит, мы с тобой в сорочках родились!

— Есть хочется, — сказал Алесь, — и пить. — Он снял с плеча холщовый мешочек. — У меня сухарь есть. Хлопцы-партизаны вчера мне отдали. Давайте съедим его! Понюхайте, как он хорошо пахнет — кленовым листом! Мама всегда сажала хлеб на кленовые листья.

Партизан протянул руку к мешку.

— Ну-ка, покажи.

— Чур, только не есть...

— Не бойся.

Партизан взял хлеб, взвесил его в руке, поднес к носу.

— И верно, душистый. — Он повертел его так и эдак. — С полкилограмма будет... — Потом сказал: — Так вот что, хлопче, на-ка положи назад в сумку. Завтрак отменяется.

— Почему? — опешил Алесь. — Я есть хочу. Кишки к хребту присохли. Вчера почти весь день не ел. Нет, давайте съедим, разделим пополам, а там, как говорят, бог — батька!

— Ох ты, какой нетерпеливый! Попал под мою команду, так слушайся. Кстати, мы даже не познакоми-

лись. Второй день вместе, а ни имени, ни роду-племени, как говорится, не знаем.

— Я из Сырого Бора, звать Алесем.

— Из Сырого Бора? Да мы почти соседи, я из Крыжовки. Учитель. Зовут меня Вадимом Николаевичем. Фамилия — Мурашко. Таких, как ты, у меня было три десятка. И мальчишки и девчонки. Учил их, а теперь вот, видишь, воюю.

— Вижу, — согласился Алесь, — так говорите, завтрак отменяется?

— Да. Мы ведь еще не знаем, что у нас впереди. Вот когда прояснится обстановка...

— Ой, когда она еще прояснится, — вздохнул мальчик. От голода, усталости и волнений последних дней он совсем сник.

— Подымайся, пойдем. Смотри, уж светает. Нам нужно выиграть время.

— Куда мы пойдем? К своим? — Алесь показал в сторону болота. — Или пробиваться будем через окружение?

— Подожди, хлопче. Я было надумал к своим. Может, ты прав? Если попробовать прорваться через окружение? Нас же только двое. Вдруг сумеем? Ты хлопец юркий, сообразительный, да и я вроде не лопух какой-нибудь. А?

— Да, хорошо бы прорваться. — В голосе парнишки была такая тоска, что Вадим Николаевич внимательно заглянул ему в лицо.

— Посмотреть бы на свое село, — продолжал Алесь, — может, кто из моих и спасся. Все село наше фашисты сожгли и людей...

— Что, каратели налетели? Партизан искали?

— Да нет, все не так было, — досадливо махнул рукой Алесь. — Тетка одна подвела. Развесила уши, наслушалась, что ей фрицы напели. Вот и... — Глаза мальчика повлажнели.

— Хватит, успокойся, хлопчик, в другой раз расскажешь... фашисты еще получают свое. Сполна. — Вадим Николаевич крепко сжал руку мальчика, помог ему подняться.

Быстрым шагом они направились к знакомой протоке, которую вчера переходили вброд. Под ногами хрустели сломанные ветки. Камыш заметно редел. Плышался легкий всплеск воды. Вадим Николаевич схватил Алеся за плечо:

— Ничего не понимаю! Мы же не туда вышли! Вокруг вода. А берег вон где. — В голосе его были удивление и досада.

— Как не туда? Кажется, мы вот здесь влезали в камыш. Вот, он тут примят...

— Кажется... — перебил Вадим Николаевич. — Плохо, что нам с тобой все кажется. Давай-ка быстрее отсюда. Ночь на исходе, а мы... Эх, недотепы!

Они повернули назад.

— Смотрите, глядите, бомба ил разворотила и камыш поломала, — сокрушался Алесь.

Учитель молчал. Он шагал медленно, руками раздвигая заросли. Штык винтовки, что торчал за его плечом, цеплял за стебли камыша, а некоторые и отсекал, как бритвой.

Алесь подхватил на ходу срезанный стебель, бережно расправил в ладонях длинный узкий лист и стал разглядывать. Теперь, осенью, он стал шершавым и ломким.

Под босыми ногами беглецов хлюпала вода — была она мутной, холодной. Алесь позавидовал учителю: вон в каких сапогах. В таких везде пройдешь! Он с содроганием подумал о том, что придется опять лезть в протоку, а там вода по самую шею, а то и глубже.

Вдруг Вадим Николаевич остановился как вкопанный, будто наткнулся на какую-то преграду.

— Опять вода, опять озеро...

— А где же протока? Где болото?

— Убей меня гром, ничего не понимаю! Смотри, Алесь, вокруг вода. Мы же были в камышах, возле берега...

— Были, — подтвердил мальчик.

— В чем же тогда дело?

— Может, вода в озере поднялась, и берег затопило?

— Глупости! Ночью дождя не было.

— Не было, — опять подтвердил Алесь.

— Тогда, выходит... — размышлял Вадим Николаевич.

— Мы на острове! — подхватил Алесь.

— Возможно, и на острове... Черт побери. Неужели на острове? Как же это случилось?

— Может, бомба все наделала, — предположил мальчик. — Рванула — и отсекала наш зыбун от суши.

Вадим Николаевич засмеялся:

— А ты догадливый хлопец.

Алесь покраснел от смущения.

— Какой класс закончил?

— Восьмой, Вадим Николаевич, если б не война...

...Они стояли и смотрели на широкую озерную равнину. Одна половина ее тускло мерцала в предрассветной мгле, зато другая розовела, наливалась яркостью наступающего утра. Резкие голоса чаек вспугивали тишину. Поднялся ветер.

— Мы же плывем, Вадим Николаевич! — крикнул Алесь и подбросил вверх свою перепачканную грязью старенькую кепку со сломанным козырьком. — Значит, мы уже вырвались на волю! Ура!

— Вырвались, вырвались... однако...

— Теперь-то уж не догонят нас фашисты с овчарками! И из автоматов не обстреляют! Знаете, Вадим Николаевич, я уж думал, что мы погибнем, я только вам не говорил!.. А теперь давайте отметим нашу победу!

— Отметить победу? Чем же это? — Учитель явно не разделял восторга мальчика.

— Очень просто! Съедим сухарь! — Алесь схватился за сумку.

— Ты снова за сухарь! — покачал головой Вадим Николаевич. — А ну не тронь. Какая же это победа? Нас вынесло в озеро, вокруг вода. Не погибли под пулями, погибнем здесь. Берега-то вон как далеко.

Алесь сразу сник.

— И то верно... Но есть-то хочется!.. — оправдывался он.

— Ну хорошо, съедим твой сухарь, а дальше? — рассудительно сказал Вадим Николаевич. — Давай уж будем приучаться к дисциплине.

— Приучаться голодать? — пробурчал Алесь. Учитель не ответил. Он сосредоточенно осматривал берега, потом снял с плеча винтовку и прислонил ее к коряге, а сам тяжело опустился на кочку.

— Мы и тут партизаны, пойми это, партизаны.

Партизаны, которые отвоевались.

— Ой не то говоришь, хлопче, не то.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Оба путника замолчали и задумались. А восток между тем заалел, предвещая стремительное наступление нового дня. Первые лучи солнца высветили на небе кудрявые облака, и они засверкали, заискрились.

Но ни Алесь, ни Вадим Николаевич не радовались наступлению утра. Темная ночь укрывала их от врага, оберегала от шальных пуль, а днем всюду подстерегала опасность — ведь теперь они отрезаны от земли. Вплавь до берега добраться невозможно, а когда их плавающий остров пристанет к суше — неизвестно.

Со стороны болота слышались глухие взрывы.

Алесь вздохнул:

— Начинается...

Учитель молча кусал былинку. Лицо у него было строгое и печальное.

— Что будем делать? — спросил он как бы сам себя.

Алесь вытащил содержимое мешочка.

Вадим Николаевич махнул рукой:

— Давай! Что будет, то будет!

— Пополам?

— Ни в коем случае. По строго отмеренной порции. — Вадим Николаевич аккуратно разломил сухарь на две части, а потом каждую еще на две и протянул кусочек мальчику.

Как ни старался мальчик подольше продлить удовольствие, сухарь был съеден в одно мгновение. Алесь вопросительно посмотрел на Вадима Николаевича. Тот развел руками:

— Дисциплина!

— Ладно, — буркнул Алесь, — пусть уж остается в мешке, авось подрастет!

— Давай обследуем наши владения. Во-первых, выясним, плывем мы или нет.

— Кажется, плывем. Только очень медленно.

— А может, зацепились и стоим на месте? Нужно палку опустить в воду, и тогда все станет ясно.

Алесь поднялся на ноги, оглянулся вокруг и увидел мохнатую сосновую ветку. Он показал ее учителю.

— Бомба подкинула нам, — сказал Алесь и стал обламывать тяжелые хвойные лапы.

Вадим Николаевич как-то безучастно следил за стараниями мальчика.

— Думаю: ветка коротка — здесь глубоко.

Так и оказалось: до дна ветка не достала.

— Если глубоко, значит, плывем. И нас несет ветром вон в ту сторону!

— К Лиховичам, — уточнил учитель.

— А до Лиховичей километров, километров...

- Считай, все двадцать.
- Если в сутки по километру...
- Через двадцать суток...
- Так мы же погибнем, Вадим Николаевич!
- А мы будем сопротивляться.
- У нас же есть нечего, и холода скоро настанут.

Вон как зябко сегодня. До костей пробирает. Давайте построим шалаш.

- Шалаш?.. Надо подумать.

— А что думать? Наломаем жердей, поставим пирамидкой, обложим камышом — вот и дом.

— Ух ты, какой скорый. Нужно, хлопче, прикинуть, чтобы демаскировки не было. Вдруг глянут фашисты в бинокль, увидят: шалаш! И примчатся на катере или лодке — будет нам с тобой тогда...

- И правда!

— А мы все же плывем, Алесь, — сказал спокойно учитель. — Я слежу за тем берегом, за желтым пригорком. Видишь, он хоть и медленно, но движется в сторону.

— Там, за пригорком, Сырой Бор, — вздохнул Алесь.

- Расскажи-ка мне все по порядку, хлопче.

Алесь понурился:

— Не умею я рассказывать, Вадим Николаевич. — Однако тут же заговорил: — Как я ненавижу фашистов! Сколько горя они принесли, проклятые! — Алесь стиснул кулаки. — Слышите выстрелы? Опять они...

— Да, только уж пора бы нам привыкнуть. Ну я слушаю тебя, хлопче.

И Алесь понемногу разговорился и рассказал учителю о родном селе...

Сырой Бор — село немаленькое. Хорошим шагом с одного конца до другого добрых полчаса топать. Тянется оно по обе стороны большака. Большак ведет в районный центр, мчатся по нему грузовые и легковые машины и телеги, запряженные лошадьми. Сырборцы давно привыкли к шуму моторов и пронзительным гудкам. Раньше, бывало, парни-подростки, уцепившись за борта машины, лихо проносились вдоль села, а самые отчаянные залезали в кузов.

Теперь только старожилы помнят, как в селе был организован колхоз, как открылся клуб, магазин, а в самом центре села выросло новое красивое здание — сельсовет. А потом и очень полюбившаяся сырборцам

общественная баня: на песчаном островке, что находился посреди пруда, поставили дом под черепичной крышей. Каждую субботу собирались здесь люди с мочалами да вениками, перебрасывались шутками, обменивались новостями...

А вскоре появилось в селе невиданное доселе чудо — радио.

Но особой гордостью села была школа. На широком школьном дворе, обсаженном старыми липами, целый день звенели веселые голоса ребятшек...

Кажется, так недавно все это было.

Сейчас Сырой Бор захвачен врагом. Тревога и отчаяние охватили сельчан. Как теперь жить? Что будет дальше? Как одолеть врага и освободить родную землю? Так думал каждый, видя, как хозяйничают в селе гитлеровцы.

Фашисты облюбовали себе самое красивое здание — школу и разместили там комендатуру. На школьном дворе поставили походную кухню на толстых резиновых колесах.

Ранним утром в село отправлялся наряд из трех вооруженных солдат. Один из них, самый здоровенный детина, нес большой мешок. С громким гиканьем вваливались они в первый же двор и начинали «боевую операцию»: автоматными очередями расстреливали всю дворовую живность, попавшуюся на глаза. Хозяйка причитала, кляла на чем свет стоит непрошенных гостей. А те невозмутимо запихивали в мешок кур и гусей. Довольные удачной охотой, громко хохоча, солдаты уходили, а хозяйка еще долго посылала им вслед проклятья.

Немцы нагнали с каждым днем, «реквизировали» и коров, и овец, и свиней...

Алесь рассказывал, как однажды к ним во двор зашел тот самый детина, которого люди прозвали «мешочником». Он был почему-то один, с автоматом и в железной каске. Как-то раз он уже побывал у них, и после этого в хозяйстве осталось только две курицы да голенастый петух, спасшийся от немецкой пули благодаря своим мощным крыльям и петушину уму. Услышал стрельбу и, отчаянно заголосив на весь двор, перелетел через забор да на огороды. А там скрылся в свекольной ботве и просидел аж до самой ночи.

Сейчас петух важно шествовал впереди несушек, не подозревая, что над его головой опять нависла беда.

Отец Алеся, Прокоп, был в это время в хлеву, укреп-

лял подгнившие бревна. Он первый услышал, как скрипнула калитка. Выглянул наружу: гитлеровец с мешком стоял посреди двора.

Прокоп отложил топор и потихоньку прикрыл дверь. «Забирал бы уж последних курей, — подумал он, — только бы овцу не тронул».

Немец увидел петуха с несущками, кинул под ноги мешок и почему-то остановился в нерешительности. Автомата с плеча не снял. Неужели услышал блеяние овцы?

Тяжелые сапоги застучали по направлению к хлеву. Солдат остановился у самых дверей, прислушался и потом громко замолотил по ним сапогом.

Прокоп затаился в темном углу. Мелькнула мысль — пристукнуть немца топором. Но немец был осторожен. Он снова ударил сапогом в стенку, потом сунул дуло автомата между створками дверей, открыл их.

— Кто тут есть?! — громко крикнул он и шагнул вперед.

— Ах ты гад, что тебе надо? — прошептал с ненавистью Прокоп, однако отступил и опустил топор.

— Ты хотел делать капут? Э? — спросил немец, щуря глаза. — О, меня ниht обманывать. Вы не любите нас. Натюрлих. Но я есть твой камрад, ниht фашист.

— А кто же ты? Все вы черти из одного болота. Зачем пришли к нам? Что вам у нас нужно? — Прокоп совсем осмелел: — А ну, сказано: поворачивайся и чеши к своим гансам, пока цел.

— О! Ты грозишься. Некорошо, русский хозяин. Говори руих, а то нас услышат.

— Пускай слышат. Я ничего ни у кого не украл.

— Рихтиг. Ты есть короший русский человек.

— Ты мне зубы не заговаривай. Зачем пришел? Курей похватал, теперь овцу хочешь в мешок затолкать? Думаешь: мы так и будем молчать? Говоришь, потише! Да тут на весь свет надо кричать!

— Ну покричи. А я, как это, садиться около тебя. — Немец по-хозяйски потрогал укрепленный Прокопом столб и прислонился к изгороди, предварительно оглядев овечий закуток.

— Ты что, издеваешься? Бери все, что хочешь, только душу не трогай! — Прокоп со злобой плюнул себе под ноги, заткнул топор за пояс и хотел было выйти из хлева.

— погоди, камрад! Разве ты не есть коммунист?

— Тьфу! Прилепился как смола!

— Рот фронт! — выкрикнул внезапно немец. — Русский, ты понимайт: Рот фронт!

Прокоп, услышав знакомые слова, которые на время вычеркнула из памяти война, насторожился всерьез и еще раз недоверчиво окинул взглядом стоящего перед ним немца.

— Говоришь «Рот фронт», — проворчал он, — а на грудь нацепил автомат. Вранье все. Вам бы нажраться да погулять. Вот и весь ваш «Рот фронт».

На ломаном русском языке немец шепотом продолжал убеждать Прокопа.

— Ты не веришь, русский камрад? А я пришел к тебе с добром!

— Пришел — так говори!

— Посмотри, никого там нет?

Прокоп приотворил дверь. На дворе тишина, было еще слишком рано.

— Никого. — Прокоп тоже перешел на шепот. Обстоятельства складывались совсем не так, как он мог предположить.

— Я долго искал встречи с вашими люди, — начал немец, с трудом подбирая слова, — не спал ночей, мучился, думал, кому рассказать о себе, где найти камрада? Ты меня хотел убить? — Он покачал головой: — Не меня надо убивать, не меня. Фашистов! А я честный немец. Мой камрад — Тельман. Я хочу, чтобы и ты был мой камрад... Понимайт? Понимайт?

— Чего тут не понять! — хмуро отозвался Прокоп. — Ободрал как липку, а теперь друг-камрад. Если уж ты мой друг, отдай мне вот эту цацку.

— Автомат? О найн, найн...

Прокоп усмехнулся, сказал с издевкой:

— Кончай, браток, свою лесню, не городи огород!

Немец наклонился к Прокопу:

— Слушай, камрад, я должен сказать. Некорешее.

— Ну? Что еще?

— К нам в комендатур ходит с деревня Ляховичи один человек. Толстый, голова большой. Нос такой, как это.. — немец приплюснул себе нос, — вот такой. Приносит папир. Там коммунистен, комсомол. Тебе надо знайт этот человек. Это я должен сказывать тебе. Фашисты — враги, а ваш человек — предатель. Вы ему должны за это, как у вас говорят... по рукам. Ему нужно голову так... — Немец провел рукой по шее. — Ты

приходи к нам, к школе. Он будет там восемь, абенд, вечер... это рихтиг, совсем правильно. Абер, — он погрозил указательным пальцем, — надо идти очень тихо и молчать. Тс-с-с...

Солдат поправил каску, остановился около дверей: — Мы еще встретимся. Рот фронт! — Он поднял кулак и вышел во двор.

Прокоп был в полной растерянности. Верить или не верить этому немцу? В дверную щель он стал наблюдать за ним. Тот не спеша прошелся по двору, поднял с земли свой мешок и, не глянув даже в сторону петуха с несушками, вышел за калитку.

Отец все еще стоял неподвижно. Вот так встреча в собственном хлеву! Ай да немец! Вот тебе и мешочник! Оказывается, у него проснулась совесть. Надоела охота на кур, потянуло в другую сторону, кажется, ищет связи с партизанами?

Не очень-то верилось в это — уж слишком непохож был немец на друга Тельмана. Однако то, что он рассказал, похоже на правду. Нужно было проверить эти сведения.

«Сегодня вечером...» Кто же ходит из Ляховичей в комендатуру? Что это за продажная шкура?

Весь день Прокоп был сам не свой. Жена заметила это, спросила:

— Не заболел ли часом?

Он буркнул что-то, взял лопату и отправился в сад окапывать деревья. Алесь побежал ему помогать. Стоял сентябрь — воздух был настоен на антоновке, на грибной прели. На солнце посверкивали легкие серебристые нити паутины.

Прокоп был озабочен и угрюм: «...Случается же такое, решил было трахнуть немца по башке, рисковал жизнью, а гляди, как оно повернулось!.. Необходимо сегодня же опознать предателя!»

Неожиданно на тихой сельской улице раздался громкий бабий плач. Это билась в горе Марина, сестра Прокопа. Немцы схватили ее сына-комсомольца и увезли в райцентр, в Митковичи. Марина прибежала к Прокопу.

— Ой, братик, ой, родненький, выручай! — голосила она. — Убьют Аркадия фашисты.

Ее утешали: мол, выпустят хлопца, вернется он домой. Видно, по доносу взяли...

Прокоп сжал кулаки. Еще одного погубил предатель.

«Ну, держись, бандит! Все силы приложу, а узнаю, чьих рук дело».

Убитая горем Марина побрела в свою опустевшую хату.

Прокоп неторопливо поднялся с порога и кивнул сыну. Алесь понял, что отец хочет поговорить, и тоже поднялся, пошел следом. В саду гулял уже по-осеннему свежий ветер, хотя полуденное солнце еще припекало. Стаи скворцов деловито разгуливали по сжатому полю.

Отец побрел в самый дальний угол сада, к старой груше, опустил там на землю. Алесь присел рядом.

— Видишь, сынок, что делается на свете, сколько горя принесла нам вражья свора.

— Аркадия, верно, убьют, — сказал Алесь.

Отец подозрительно посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь?

— Он ходил в лес, копал нашим солдатам-окруженцам землянки.

— Вот оно что! И мать ничего не знала?

— Нет.

— А как ты дознался? Он тебе открылся? А может, и ты был с ним вместе?

— Нет, тато, Аркадий не такой, чтобы открываться. Он мне ничего не говорил. Я сам однажды увидел, куда он ходит. И позавчера рано утром я за ним следом, следом... В лесу все и увидел...

— Ну если ты увидел, значит, и кто-то другой мог видеть. Тогда Аркадьевы дела — дрянь. Могут хлопца расстрелять. А если он часом не выдержит и откроется, схватят и тех, что в лесу, — окруженцев...

— Могут... — сказал Алесь.

— Нужно... предупредить — ты знаешь, где их землянки, ты это и сделаешь. Только смотри, чтоб ушки на макушке.

— Понимаю.

— Это одно, а другое... — Отец как-то замялся, коротко вздохнул. Совсем рядом с дерева упало на землю спелое яблоко. Где-то в конце села хрипло, яростно брехала собака. — Вот, сынок... Еще для одного дела требуются хорошие глаза и уши.

— Ну говори. Какое дело?

— Видишь ли, сынок. — Отец умолк, стал разглядывать свои большие руки. Потом сказал: — Дело для настоящего разведчика.

— Пошли меня, тато, — загорелся Алесь.

— Ишь какой быстрый, — недовольно буркнул отец. — Запомни, нельзя рисковать впустую. Нужна осторожность, терпение...

— Будет все как надо. Увидишь...

...Остаток дня Алесь провел на лужке, за селом. Выгнал туда пеструю и тощую свинью, лег под кудрявой вербой и стал издали наблюдать за всем, что происходит возле школы.

Вот над селом пролетели два бомбардировщика. Алесь знал — это «юнкерсы». Он следил за ними и про себя загадывал: вот бы они взорвались и рухнули на землю. К сожалению, желания его не обладали такой волшебной силой.

Несколько раз подбегал мальчик к ограде из колючей проволоки, садился рядом, делал вид, будто рвет щавель, а сам тем временем зорко изучал размещение немецкой комендатуры. Отсюда он видел полевую кухню в облаке густого серого дыма и толстого повара в белом колпаке, который стоял на подставке и мешал половником в котле. В стороне от кухни какой-то незнакомый дедок колот дрова. А из хлевушка, где до войны школьники держали кроликов, доносился визг собак. Немцы привезли их с собой, чтоб ловчей и быстрее ловить тех, кто будет им сопротивляться.

Были во дворе и постовые. Один стоял в воротах — это там, на противоположной стороне ограды, а другой прохаживался по всему двору, бдительно наблюдая, чтобы никто не пробрался через проволоку.

Алесь так загляделся, что и не заметил, как рядом появились два солдата. Он испуганно вскочил на ноги.

— Малшик. Ты карош малшик! — Один из немцев схватил Алесь за шиворот. — Пошелъ к нам. На кухня. Надо помогайт!

— Я не могу. Я пастух, — отговаривался Алесь, — свинья зайдет в школу, мне попадет.

— О! Свинья. Швайн. А где твой свинья? Гут, гут. Хороший свинья!

В планы Алесь совсем не входило показываться на глаза немцам, а уж тем более помогать на кухне. Он всячески отнекивался, даже пробовал заплакать, но фрицы не слушали его отговорок, обещали хорошо накормить и показать собак-волкодавов.

— А свинья заберет твой мамаша, — захохотал немец. — Карашо будет. А ты у нас в комендатуре. А ну, пошелъ!

Делать нечего, Алесь побрел за солдатами на кухню. Повар хотел было накормить паренька, но солдат замахал руками: обед нужно еще заработать!

Его завели в боковушку, усадили у большого ящика с картошкой и дали нож.

Вот они какие, фашисты, думал Алесь, яростно срезая картофельную кожуру. Попробуй заартачиться — поставят к стенке. И с Аркадием, видно, так случилось... Парень он смелый, на язык острый, небось не стерпел, нагрубил немцам, его и схватили. Неужели мы никогда больше не встретимся с ним, не услышим его голос, такой веселый, насмешливый...

Через узкое оконце Алесь видит только часть школьного двора: около длинного стола, сбитого из досок, стоят два солдата в майках, разбирают автоматы, чистят шомполами стволы, о чем-то переговариваются, смеются.

Заурчала машина, остановилась у ворот. Стукнули дверцы, послышалась громкая ругань. «Привели кого-то», — догадался Алесь.

«А вдруг Аркадия? — Он бросил недочищенную картошку и выглянул за дверь. — Нет, не Аркадий. Какой-то дядька, полный, без кепки, с лысоватой головой. Руки закручены назад. Хоть бы Аркадия привезли в комендатуру, — вздохнул Алесь. — И люди кругом свои, и мать рядом, может, и придумали бы, как спасти хлопца...»

Солдаты толкнули дядьку прикладами в спину, тот упал, громко застонал от боли. Алесь невольно сжал кулаки. Он вернулся к своему ящику, взял нож, но не работалось... В боковушку заглянул тот немец, что привел его на кухню.

— Надо делать работа! Арбайтен! — погрозил он пальцем. — Надо скоро, скоро. Понимайт?

— Понимайт, пан, понимайт, — хмуро отозвался Алесь и старательно заработал ножиком. Немец стоял за его спиной, наблюдая. Потом, видя усердие мальчишки, ушел, громко топая сапогами.

Алесь остался один. Больше всего он боялся, что, занятый чисткой картошки, не увидит нужного человека и задание отца останется невыполненным.

Наступил вечер. Пришел повар принимать работу.

— Гут! Гут! — Он забрал ведро с картошкой, похлопал Алеся по плечу и кивнул ему, чтобы шел следом.

Как изменился двор родной школы! Физкультурной площадки не было. От кряжистого клена, на котором с

весны до осени гомонили птицы, остался только высокий пенёк, на нём сушились солдатские портянки. В углу двора свалены обломки парт, видно, немцы растапливают ими печи.

Все выглядело унылым и заброшенным. Но больше всего угнетал вид тройной колючей проволоки, которой был обнесен весь двор. Алесь тихонько вздохнул... Сколько здесь было когда-то солнца, простора, радости! Ребячий смех катился во все уголки звонким обручем — ему и целого двора не хватало...

— Юнге, ком цу мир! * — позвал повар. Он наливал из котла суп. Хотя Алесю и расхотелось есть, котелок он все же взял — была причина подольше здесь задержаться. Отойдя в сторонку, мальчик присел на чурбачок.

Запах курятины ударил в нос.

«Все наше, деревенское, — подумал он, — чтоб вы подавились, фрицы проклятые!»

По двору промаршировал строй солдат. Они вернулись откуда-то запыленные и усталые. Офицер остановил их, что-то крикнул, потом взмахнул рукой, и солдаты разошлись кто куда.

Через ворота тем временем прошли три полица. Один старый, с усами, и два молодых. Они подозрительно оглядели Алесю. Он хотел показать им дулю, но сдержался: знал этих немецких прихвостней — бывшего кулака и его племянников. Немало кровавых дел натворили они по селам. Недаром люди обходили их, как чумных.

Полицаи вошли в комендатуру. Прошло, наверное, не меньше часа, а толстый, с приплюснутым носом человек не появлялся. Суп давно был съеден, но мальчик все совал ложку в котелок, делая вид, что занят едой.

Солнце уже почти скрылось за лесом, позолотив на прощание небосклон; тени деревьев и телеграфных столбов, что стояли вдоль дороги, неправдоподобно вытянулись.

Пока все шло неплохо, как по плану. Правда, Алесь рассчитывал следить за комендатурой из канавы у изгороди, а вышло совсем иначе, но гораздо удобнее: попал в самый стан врага, в самое звериное логово. И вот сидит себе на чурбачке — вокруг него ходят фрицы, ба-

* Мальчик, подойди ко мне! (нем.).

лабонят по-своему, гогочут, — а он хоть бы что, будто и не замечает их.

Нужно во что бы то ни стало опознать того человека из Ляховичей. Правда, отец не рассказал ему, зачем это надо, но Алесь понимал: если этот человек связан с комендатурой и немцами, значит, он плохой человек, опасный и занимается недобрыми делами. Из Ляховичей Алесь мало кого знает, бывал там редко, всего раза два на праздники, — у брата матери, дядьки Макара Цап-ка. Дядька работал в сельмаге, жил хорошо, богато. В селе его не любили, люди говорили: нечист на руку, самовольно цены завышает, керосин недоливает, продукты недовешивает. Но странное дело, растрат у него не было и документация всегда в порядке. А ревизоры из Ляховичей уезжали не с пустыми руками — везли домой и свинину, и круги колбасы, крепко поперченной и подсушенной на сквозном ветерке. Когда Алесь с отцом и матерью заходили к дяде, тот ставил на стол целую тарелку конфет-подушечек. Парнишка накидывался на конфеты, наедался до того, что потом и смотреть на них не мог.

— Хорошо ты живешь, Макалочка! Хорошо! — говорила мать брату.

— Уметь нужно, — отвечал Макар с хитрой усмешечкой. — Ты ведь знаешь, заработок у меня невелик... Но вот выкручиваюсь. Не хуже других...

— Ох, жили бы все, как ты, Макалочка, — кротко замечала мать и бросала выразительный взгляд на сына. — У моего-то хлопца и носить нечего: ни ботинок, ни штанов. Никак не заработаем, копеечки лишней нет.

— Разве я не понимаю? Оно, известно, тяжело... — вздыхал Макар.

Алесь видел — мать осторожно намекала брату, что при такой его раскрепасной жизни можно и о родной сестре побеспокоиться, подкинуть ей что-нибудь. Но Макар такие разговоры всякий раз сводил к какой-нибудь шутке.

Гостеванье заканчивалось, и мать, грустная, возвращалась домой. Но странно, она никогда не осуждала брата. Считала, видно, что это не по-родственному.

Еще запомнился Алесю в Ляховичах дед. Косматый, с рыжей бородой. Первый плясун на селе. Алесь и сейчас усмехнулся, вспомнив, как, бывало, дед козлом скакал под звуки гармошки.

...Стало смеркаться, повеяло вечерней прохладой. Пора было отправляться домой — вот и повар уже помахал Алесю рукой: мол, давай котелок да выкатывайся.

Делать нечего. Алесь отдал повару пустой котелок, покорно выслушал его наказ явиться завтра помогать на кухне, согласно кивнул и направился к выходу. И тут увидел незнакомца, вернее, его спину. Незнакомец поднимался на крыльцо комендатуры. Он или не он?

В воротах солдаты тщательно ощупали мальчика. Алесю противно было видеть так близко лицо фашиста, ощущать прикосновения его волосатых рук. Но что делать? Надо и это перетерпеть... Зато солдаты привыкнув к нему и, может, не будут следить за каждым его шагом. Он отошел немного от дороги, присел на пень и сделал вид, что переобувается.

Наконец незнакомец появился за воротами, но, вместо того чтобы идти по дороге, свернул на глухую боковую тропинку.

Человек был высок, плечист, в потертой вислоухой шапке. Он слегка сутулился и шел быстрым дробным шагом. Алесю показалась эта походка знакомой.

Увидеть бы его лицо!

Может, забежать вперед? Но кругом открытая местность с огородами, обнесенными ветхими заборами. Начнешь перелезать, спугнешь незнакомца. Алесь пошел вслед за мужиком.

Ничего, он придумает что-нибудь потом, в лесу. Спрячется в кустах при дороге и разглядит лицо того дядьки. А если не узнает? Придется идти за ним через весь лес, до самых Ляховичей. Конечно, страшновато отправляться в такой путь на ночь глядя. Да еще с глазу на глаз с немецким прихвостнем. Если он заметит, что за ним следят, пощады не жди.

Алесь струхнул не на шутку.

Человек шел быстро, почти бежал, потом неожиданно останавливался и тревожно оглядывался. Алесь тоже останавливался, неслышно пригибался или успевал

юркнуть за ближайшее строение или дерево. Огороды кончились: теперь по обе стороны тропки расстилались поля. У низины, заросшей ольшаником и мелким осинником, человек неожиданно свернул с дороги и направился к лесу.

Алесь недолго колебался. Он кинулся со всех ног, только ветер загудел в ушах. У леса он остановился затаив дыхание, потом осторожно начал пробираться вглубь по узеньким извилистым стежкам. Сбоку хрустнула ветка. Послышался приглушенный кашель. Направление известно, расстояние тоже, а это главное. Алесь нырнул глубже в ольшаник, выбрался на прогалину и мигом повернул обратно в кусты.

Совсем рядом, у высокого полусгнившего пня, темнела широкая спина незнакомца.

Алесь затаился в траве ни жив ни мертв.

Между тем незнакомец достал из-под пня какой-то сверток и развернул его. «Револьвер! — Сердце у Алеся забилося сильнее. — Значит, кого-то боится, если оружие понадобилось, — размышлял парнишка. — Кого же ты боишься? Мести людей?»

Незнакомец засунул револьвер в карман, воровато обернулся: оплывшее лицо, утиный нос. Алесь опешили чуть не вскрикнул. Да это же Макар Цапок! Дядька! И какую, смотри, одежду на себя напялил, издали ни за что не узнаешь — старая ушанка, рубаха длинная, крестьянская. Да он никогда раньше и не ходил так! Одевался по-городскому, другой раз и шляпу надевал — знай, дескать, наших...

Как же такое случилось, дядька Цапок?

Хотелось выскочить на прогалину, открыться дядьке, сказать ему — мол, одумайся! Что делаешь? Но разум подсказывал — пусть будет так, как есть, пусть Макар ничего не знает.

Дядька Макар как-то странно повел плечом, будто сбрасывая с себя какую-то непомерную тяжесть, и понуро поплелся назад, на дорогу.

Алесь еще долго лежал в траве, не решаясь выбрать из леса. На душе было страшно и тревожно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Солнце поднималось все выше и выше и, казалось, медленно уменьшалось, будто таяло от собственного тепла и света. Налетел ветер, вздыбились, зашумели вол-

ны, и легкая подушка пльвуна, сотворенная за десятки лет из листьев, трав и корней, закачалась под ногами.

Вадим Николаевич и Алесь сразу почувствовали упругие толчки. На кромку пльвуна набегали волны, топили ее шипучим молоком пены. Было видно, как покачивается на середине редкий лозняк. Стрельба в окруженном фашистами районе не прекращалась. Громыхали пушки. В лесу что-то горело, вверх поднимался сизо-черный дым, похожий на косматую конскую гриву.

«Как там наши?» — с тревогой думал каждый из путников.

— Давайте обследуем пльвун, — прервал молчание Алесь, — тут теперь все наше: и лозняк, и камыш с аиром и кочками.

— Эх, вот ведь что получается! Там будут считать, что нас убило или что мы в плен попали. А мы тут загораем...

— Нас прибьет к берегу или к острову, что на озере. Это ясно.

— К острову нежелательно бы, — сказал Вадим Николаевич. — Там мы ничего хорошего не найдем. Он же пустынный, безлюдный.

Отсюда остров выглядел очень красиво, казался сплошь заросшим могучими вековыми деревьями.

В мирное время сюда нередко приезжали жители Митковичей, небольшого местечка, расположенного в нескольких километрах.

Назывался остров красиво и загадочно: Черный Дуб.

— Конечно, хорошо бы обойти его, — сказал Алесь.

— Да, пожалуй, туда нам попадать незачем. Но уж теперь что будет, то будет. Если вынесет на остров...

— А мы возьмем власть в свои руки, — перебил Алесь.

— Это как же?

— Сделаем плот и поплывем куда надо!

— Пожалуй, это идея! — усмехнулся Вадим Николаевич. — Но вот вопрос: из чего?

— Из камыша, из лозняка. Вон сколько этого добра!

— Камыш подойдет, а лозняк сыроват. Да и срезать его надо. А чем? Вот, брат, и проблема. Как ни крути, а мы с тобой, как греческий Прометей, прикованы к скале!

— Давайте я промеряю пльвун вдоль и поперек, — не унимался Алесь, — будем знать хоть, какой кусок суши у нас под ногами!

Парнишка поднялся с кочки-бугорка и вошел в камыш, руками разгребая его в стороны.

Вадим Николаевич вышел к берегу пльвуна, разделся по пояс и ополоснул озерной водой лицо и грудь. Сразу задышалось легче и на душе вроде посветлело: даже их с Алесем положение не казалось уже таким безнадежным. Судьба свела его с неплохим хлопцем. Сколько он хлебнул горя, а держится стойко, мужественно. И какая воля к победе! А это совсем не мало!

Итак, идет первый день их вынужденного странствия. Вадим Николаевич огляделся, поискал глазами свою винтовку — вот она, у орешинки, и это деревце умудрилось прижиться на пльвуне. Хорошая винтовка, добрая винтовка! Шестеро врагов уложила навечно в землю, а двух в рукопашной прикончила острым штыком!

...Хорошо они сейчас поговорили с Вадимом Николаевичем, думал Алесь. Вроде военного совещания. Условились, как нужно при случае действовать, что делать.

Вот рядом шелестит ветвями молоденькая ива. Алесь замирает у деревца, вскидывая вверх голову. Взобраться посмотреть? Может, уже откуда-то приближается опасность?

Недолго думая, Алесь цепко охватил руками кривой корявый ствол и стал взбираться вверх. В грудь ударил упругий свежий ветерок. Алесь огляделся. Сначала решил осмотреть контуры пльвуна. Отсюда он хорошо просматривался. Южная его часть — закругленная, северная — с заостренным мысом. Бока изрезанные, неровные. Видно, как ходят ходуном берега пльвуна, особенно северная сторона, откуда дует ветер и набегают крутые волны.

Что же, даже и на маленьком куске пльвуна, как на льдине, можно передвигаться, хоть и рискуешь перевернуться.

...Над низеньким ивняком то и дело вспархивали птицы — не покинули полюбившееся родное место. А это, кажется, подала голос утка. Так и есть. Вот их целая стайка на воде. Подбить хотя бы одну — была бы добыча. А как? Винтовка бездействует. Может, лук смастерить? Это не так сложно. Матузок он найдет, а за пружину сойдет ивовая ветка. Вот и будет у них хоть какое-то оружие. И конечно, стрелы нужно изготовить. На солнце хорошо их подсушить.

Алесь улыбнулся своим мыслям. Напрасно они гоневали! Не пропадут, что-нибудь да придумают!

...Озеро расстилается перед ним во всю ширь, кажется огромным-огромным. Все в гребнях волн, сверкает, переливается на солнце. Нигде не видно ни лодки, ни челна. Раньше в такое время, наверно, и не сосчитать было рыбаков. А сейчас пустынно вокруг: людям не до рыбалки.

Вот бы на снопиках из камыша добраться до берега. Конечно, страшно оказаться один на один с этим огромным озером. Сейчас оно тихое, спокойное, а как налетит ветер, поднимутся волны, зашумят, зарокочут... Только держись!

Глаза дозорного внимательно вглядываются в водный простор. Опасности пока не видно. Враги все силы бросили на болото. Вон куда они добрались — до прибрежной деревни Сорочаны. Там что-то горит. А может, еще и не добрались — может, это пожар от разорвавшейся мины или от снаряда.

Эх, если бы прилетели наши самолеты да сбросили партизанам ящики с патронами, гранатами, автоматами. Ведь патронов не хватает, с каждым днем им все труднее отбиваться от врагов. Однако не видно наших самолетов... Освободить народных мстителей из вражеского кольца могли бы и соседние партизанские соединения, что действуют на Любоньщине. Но здесь нужно ударить по врагу одновременно с фронта и с тыла. А как это сделать в таких сложных условиях? Кабы был Алесь там, среди партизан, обязательно попросился бы у главного командира дядьки Андрея стать связным. Взял бы пакет и гранату, заткнул в карман — и сквозь лесную глухомань пробивался бы через блокадное кольцо! Где полз бы ящерицей, где прятался за деревьями — словом, постарался обойти опасные места, как-то выбраться на волю. И тогда...

В одну из темных ночей загремел бы большой бой. Немцы не успели бы прийти в себя, как из «мешка», уже, казалось, туго завязанного, высыпалась и исчезла бы такая желанная для фашистов добыча.

* * *

Тревожно зашуршал камыш, и тотчас выскочил из зарослей запыхавшийся, перепачканный Алесь.

— Вадим Николаевич! Там, понимаете... там. — Он показал рукой назад, в камыши.

— Да говори же! — встревожился учитель. — На гадюку, что ли, напоролся?

— Да нет, какая гадюка! — с досадой перебил Алесь. — Там... Там слышится какой-то непонятный голос.

— Не птица ли?

— Я тоже так думал, но не птица это. Я плывун промерял, шуршал осокой, а там и загукал кто-то. Пойдем посмотрим!

— Ох, испугал же ты меня, парень. Может, тебе почудилось?

— Почудилось! Как бы не так, «почудилось»... Говорю: что-то у коряги зашевелилось и вроде как застонало.

— Даже зашевелилось? Тогда, брат, идем!

Алесь побежал вперед, осторожно раздвигая камыш руками и оглядываясь по сторонам. Вадим Николаевич шел позади. Внезапно до его слуха долетели необычные звуки. То ли плач, то ли еще что...

— Слышите? — прошептал Алесь. — Кто-то стонет.

Учитель наклонился к самому уху мальчика:

— Тише!.. Подожди, я сам посмотрю.

Вадим Николаевич выбрался из камыша и направился прямо на голос. Следом за ним крался Алесь: приказ учителя не смог удержать парнишку на месте. Неужели на их маленьком плывуне люди? Кто они? Много ли?.. Так они миновали мшистую полянку. Вот и берег. Сквозь редкие заросли лозняка просматривается синева озера. И тут совсем близко раздался слабый, жалобный плач ребенка. Еще несколько шагов... Стоп. Что это? У трухлявой коряги лежала неподвижно, широко раскинув руки, молодая женщина в темной одежде, в пестром платочке на голове. Около нее копошилась совсем маленькая девочка, она дергала мать за рукав и жалобно тянула:

— Ма-а-а!.. Ма-а-а!..

Увидев незнакомых людей, девочка испуганно замерла.

Вадим Николаевич наклонился над женщиной, приложил ухо к груди — дыханья не было. Он с трудом оторвал девочку от матери. Она забилась в его руках, заплакала.

— Не бойся, маленькая, не бойся! — говорил учитель. — Лучше бы меня шарахнуло бомбой, чтобы не видеть такое...

Алесь возмущенно перебил:

— Зачем вы так, Вадим Николаевич? Мы должны выжить! Кто же тогда будет воевать с фашистом?

— Да, да, ты прав, Алесь. Прости. Видишь, нервы сдали. Никак не привыкну к горю людскому. Посмотри на нее — совсем кроха... Ведь пропала бы без нас!

Девочка между тем никак не хотела сидеть на руках учителя: всхлипывала, вырывалась изо всех сил. Ей было на вид не больше полутора лет. Одета по-деревенски — в длинную, до пят, полотняную рубашку, с непокрытой головкой, босая. На щеках грязные разводы от слез.

— Не плачь, маленькая, — утешал ее Вадим Николаевич. И все гладил, гладил ее мягкие русые волосы. Но та плакала и тянулась к матери.

Вадим Николаевич передал девочку Алесю, а сам склонился над женщиной, потрогал холодный лоб. Большие рыжие муравьи ползали по лицу и шее женщины. Остекленевшие глаза, казалось, недоумевали, пристально вглядываясь в высокое голубое небо. Кто она? Откуда?.. Теперь не узнать. Ага, вот какая-то тряпица, желтый платок и бутылочка. Видно, для маленькой. Это пригодится. Он осмотрел голову женщины. Она была убита осколком бомбы — молодая совсем еще...

Алесь шмыгнул носом, отвернулся, отошел в сторонку.

Вадим Николаевич позвал его:

— Ты иди отсюда, Алесь, на прогалинку, на солнышко, возьми девочку. А я мать похороню... Пусть земля ей будет поухом.

Алесь, как сумел, обмотал девочку тряпицей и понес ее на поляну. Девочка уже не плакала, а только всхлипывала. Шмыгал носом и Алесь.

День разгорался. Ветер шевелил чубатый камыш, раскачивал тонкие верхушки лозняка. Озеро мельтешило мелкой рябью.

Вдали, на северной стороне, гремели, не умолкали пушки... А скольких же и там хоронили, оплакивали, опуская в сырую землю, и там сейчас всю хозяйничала смерть...

У невысокого холмика Алесь остановился. Он поставил девочку на землю, а сам сел рядом.

— Вот и пришли! Ну, успокойся, не плачь. — Алесь заглянул в бледное личико девочки. — Мы с тобой сей-

час погуляем. Ну-ка вставай на ножки. Умеешь сама ходить?

Девочка покачнулась и села. Алесь сорвал травинку.

— Видишь, какая хорошая? Хочешь, сорву еще? А может, тебе птичку поймать?

Из чащи камыша вышел Вадим Николаевич.

Алесь похвастался:

— Смотрите, привыкает. Я уже поговорил с ней.

— Думаешь, она может ходить? Ну ставь ее на ножки.

— Ставил. Как же! Да она сразу села. А ну-ка встань, — Алесь подхватил девочку под руки. — Топай ножками, топай, — и отодвинулся в сторону. Девочка молча смотрела на Алеся синими глазами и не двигалась.

— Дода, — прошептала она.

— Что такое Дода? — засмеялся Алесь.

— Это она тебя так называет.

— Вот придумала! Я не Дода, а Алесь.

— Дода! — стояла на своем девочка.

— Перекрестила, ну что ты будешь делать — перекрестила... А как тебя зовут?

Девочка внимательно посмотрела на Алеся, смешно заморгала.

— Ты скажешь, как тебя зовут? — Алесь шутя ткнул пальцем ей в грудь. Девочка крепко ухватилась за палец, покачнулась и... пошла.

— Родная ты моя! — обрадовался учитель. Он взял ее за ручку. — Ты меня не боишься? А ну пойдем к озеру. Я тебя умою. Пойдешь?

Девочка подняла вверх головку и вдруг решительно сказала:

— Тата!

Вадим Николаевич улыбнулся.

— Ну вот, видишь, признала. Так я твой папа. А вот, — показал он на Алеся, — твой Дода.

— Дода! — убежденно повторила девочка.

— Ну, Алесь, теперь попробуй отделаться от этого имени, — засмеялся учитель.

— А как ее зовут, не говорит, вот хитрая.

— Ну, милая, — наклонился Вадим Николаевич к девочке, — пошли к озеру. Пошли!

— Па-ашли! — повторила та неуверенно. И они втроем направились к озеру. Шли медленно, не спеша. Спра-

ва от девочки Вадим Николаевич, слева — Алесь. Они внимательно следили за ней.

Оба понимали — и без того сложное положение, в какое они попали, теперь еще больше усложнилось.

Девочка, наступая на колючки, морщилась и всхлипывала.

— Что, больно? — сочувствовал Алесь. — Привыкай, привыкай. Это не большая беда.

Вблизи озеро испугало девочку, она боязливо прижалась к Вадиму Николаевичу.

— Это вода, детка, вода. Вот постой, мы тебя немного ополоснем. И ножки, и ручки, и лицо. И ты у нас будешь красивая-красивая.

— Ка-си-вая, — как эхо, повторила девчущка и улыбнулась. Алесь зачерпнул кепкой воду и подсел к ней поближе. Она испуганно захныкала, потянулась к Вадиму Николаевичу.

— Скажи, какая неженка! Холодной воды не терпишь! Давай скорей умоемся.

— Тата, Дода! — сказала девочка.

Вадим Николаевич и Алесь переглянулись: что она хочет? Но девочка сама ответила на этот вопрос:

— Тата, дай-дай, — и засунула в рот кулачок.

— Видишь, она хочет есть, — Вадим Николаевич вздохнул. — Чем же, детка, мы тебя накормим?

Но тут же вспомнил:

— А ну, Алесь, тащи сюда свой сухарь.

Увидела девочка хлеб, заплакала и потянулась к нему.

— Во какая голодная. — Алесь отдал сухарь Вадиму Николаевичу.

Учитель размочил сухарь, завернул его в тряпочку и завязал сверху узелком. Получилось подобие соски, он протянул ее малышке и сказал Алесю:

— Пусть сосет — ей надолго хватит, голод пока хоть не так будет донимать. А там что-нибудь придумаем.

Потом он достал из кармана желтый платок и старательно повязал его на голову девочке.

— А это мама тебе передала. Просила, чтобы росла ты большая-пребольшая!

Девочка сосала свою «соску», громко сопела и причмокивала.

Держа в руке остаток сухаря, приметно уменьшившегося за утробу, Вадим Николаевич сказал:

— Мы, Алесь, теперь на сухарь никакого права не имеем!

— Ясно, — согласился мальчик. — Разве не понимаю?

— Держи его у себя в сумке. Будешь кормить девочку.

Алесь кивнул.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Теперь нас трое, — задумчиво сказал учитель, — видишь, хлопек, что делает война. Еще совсем недавно жива-здоровая была мать этой девочки. Куда-то хотела убежать с дочкой, пряталась в лесу и очутилась вот так же, как мы, на плавуне... Потом шальной осколок — и вот у нас на руках сирота... Давай-ка подумаем вместе, с чего начать нашу новую жизнь.

Весь район болота Комар-Мох, в том числе и это озеро, в блокадном кольце. Значит, и сюда могут заглянуть враги. Поэтому прежде всего решаем: лишний раз на берегу не торчать, малышку от себя не отпускать ни на шаг. Любой солдат случайно наведет бинокль на плавун — и пожалуйста, — мы на мушке...

— Все правильно, — вздохнул Алесь. — Увидят и забросают нас минами. Тогда конец. А как быть с девочкой?

— Каким-то образом переправить на землю. Но пока еще об этом рано думать. Надо осмотреться. Не исключена возможность высадки врага на плавун...

— Я буду драться до конца! — твердо сказал Алесь. Учитель покачал головой:

— Это уж оставь на самый крайний случай. А пока надо наблюдать не только за немцами, но и за девочкой. Не успеешь оглянуться, она уже на берегу — и бултых в воду! — Вадим Николаевич повернулся к девочке: — Что ты нам на это скажешь? А?

— До-да! — протянула девочка, будто поняла, что говорят о ней. Она жадно жевала соску и чмокала от удовольствия.

— Вот тебе и Дода! Будь умницей, мы тебе шалашик сделаем. Станешь спать в нем и от дождя прятаться.

— А вы говорили, Вадим Николаевич, что нельзя построить на плавуне домик...

— Это было раньше, хлопец. А теперь обстоятельства не те. Наша барышня в два счета простудится.

— Давайте тогда сегодня и начнем, — обрадовался Алесь. — Правда, топора нет, да и нож бы пригодился.

— А про штык ты забыл? Но первая проблема на сегодня — это еда. А то волками взвоем от голода.

Алесь нерешительно предложил:

— А если рыбы попробовать наловить? Ее в озере небось много. Или птичьих яиц насобирать.

— Ну уж ты это фантазируешь! — засмеялся учитель. — Эдак я, пожалуй, захочу, чтобы манна небесная нам на голову посыпалась! Так и ты с птицами. Сейчас осень. Откуда же яйца?

— А может, какие несутся и осенью?

— Таких, брат, я не знаю. Конечно, неплохо насобирать яиц да угостить нашу красульку. — Учитель наклонился к девочке: — Любишь яички, маленькая?

— Кока! — встрепенулась девчушка.

Алесь показал ей пустые ладони.

— Нет коки, нет. Вот я поищу. Может, его птичка потеряла.

— Дай, дай! — закричала девочка и заплакала. Соска вывалилась у нее изо рта.

— Смотри-ка, — растерялся Вадим Николаевич. — Ухватила за слово. Дай, и все тут!

Алесь поднялся с кочки.

— Пойду в лозняк. Гляну туда-сюда. Может, что и отыщу...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Казалось, день никогда не кончится. Вадим Николаевич и Алесь не отходили от девочки. Она плакала до хрипоты, иступленно звала мать. Не помогали ни уговоры, ни сказки про репку, курочку-рябу и про страшного пуха, который завелся у бабки в огороде...

— Может, у нее что-нибудь болит?

Вадим Николаевич раздел девочку, осмотрел ее. Только ножки были в синяках и ссадинах, но не могут же так болеть синяки. Видно, это желудочное. Может, от соски — от черного сухаря.

А девочка не успокаивалась, кричала, вырывалась из рук.

Вадим Николаевич не на шутку встревожился. Если ребенок захворал, то как и чем лечить его?.. Черт за-

нес их в эти камыши, досадовал он, нашли бы другое место, и не было бы хоть этой заботы! Но тут же мысленно одергивал себя: «Солдат, партизан, где твоя выдержка, терпение, мужество? Нужно трезво поразмыслить. Плачет девочка. Но жара у нее нет, скорей всего этот плач временный и случайный... на то и ребенок, чтобы плакать».

Алесь заметил, что в камышах малышка успокаивается. Пришлось по очереди таскать ее на руках вдоль камышовых зарослей. К вечеру оба ног под собой не чували. Когда начало темнеть, девочка внезапно смолкла и уснула. Она ровно дышала, даже сладко почмокивала во сне.

— Утомилась, бедняга, — сказал Вадим Николаевич. — Сама себе небось не рада была! Ну, пусть спит, во сне все болезни пройдут. Проснется здоровой.

— День прошел, а мы ни с места. Я спать хочу, есть хочу, с этого проклятого пловуна сбежать хочу, — признался Алесь.

Вадим Николаевич усмехнулся невесело:

— Много ты, хлопче, чего захотел! А получить можешь пока только одно — сон. Выбирай себе место и укладывайся. А я уж побуду с малышкой.

Уснул Вадим Николаевич глубокой ночью. Под боком теплым комочком мирно посапывала девочка. Где-то рядом громко вздыхал во сне Алесь. «Семья-то моя растет», — засыпая, подумал учитель.

Первым проснулся Алесь. Солнце уже поднялось, по-осеннему неяркое, ласковое. Волны света затопили землю. Не хотелось шевелиться, опять ощущать разбитость во всем теле — хотелось подольше продлить состояние этого блаженного покоя.

Пловун, казалось, не двигался. И ветер не обдувал лицо. Кругом тишина. Алесь поднялся, лениво потянулся и осмотрелся. Поспать бы еще, но голод давал себя знать.

На пригорке, на камышовой «постели», крепко спал Вадим Николаевич. Малышка сквозь сон что-то бормотала, над зареванным личиком кружились мухи. Алесь вспомнил вчерашний день — нечего сказать, веселый был денек! Хорошо помотались они вдоль берега! Измерить бы, сколько это выходит километров. Ай да малая! Задала им страху! А теперь вот спит спокойно и

даже улыбается во сне! Наверно, снится что-то хорошее, может, с мамой играет в лесу! Ой, хоть бы не разбудить. А то опять начнется!

Осторожно, на цыпочках мальчик ушел с полянки. Повернулся и ахнул. Совсем рядом, с южной стороны, за стеной камыша темнел густой лес. Неужели берег, суша? Сердце заколотилось от радости. Скорей будить Вадима Николаевича!

Но когда Алесь внимательней пригляделся и увидел вековой дуб со сломанной верхушкой, все сразу прояснилось: они пристали к острову Черный Дуб. Это самая что ни на есть середина Буян-озера. Неожиданное открытие взволновало Алесь. Он забыл и про голод, и про усталость. Скорей, скорей обследовать сушу, остров, посмотреть, что на этот раз их ожидает.

Алесь проворно зашагал к берегу. Вот и заросли камыша остались за спиной. Впереди темнела узкая полоска воды, отделяющая плывун от острова. Алесь закатал штаны повыше и вошел в воду. Было неглубоко, но ил засасывал до колен. Несколько шагов, и вот под ногами упруго закрипел песок.

Как же здорово здесь, на острове! И воздух пахнет не болотной сыростью, а нагретой смолой и прелыми листьями.

Алесь стоял не шевелясь, зачарованный, одурманенный вековым лесом. Он не думал даже: хорошо это или плохо, что плывун прибило к острову. Он просто радовался этому как нежданной доброй встрече со старым другом. Конечно, лес — их друг! Ведь он спрячет их от врага, накормит их, укроет от непогоды... И теперь они не будут больше зависеть от плывуна. Но сначала надо обследовать остров.

Сторожко, бесшумно мальчик зашагал по тропинке в глубь леса. Он внимательно оглядывал каждую лощинку, не миновал даже пригорка и крапивных зарослей.

Пахло грибами, но где они? Попадались лишь мухоморы да поганки. А вот вроде бы настоящий белый гриб стоит, этакий крепыш в коричневой шапочке, но Алесь знал, что гриб этот только прикинулся белым, а на самом деле он-то и есть самый ядовитый... Хоть бы сыроежку найти! Стоп! Вот в стороне рябина среди молодых дубков. Такая красавица! Ветки прямо-таки сгибаются под тяжестью спелых ягод.

Алесь не удержался — сорвал темно-красную тяже-

лую гроздь. Понюхал, отщипнул несколько ягод, кинул в рот. И даже засмеялся от удовольствия. Хоть и горькие, да вкусно! Все-таки еда. Малышке пока — сухарик, а там, глядишь, и она привыкнет к лесному угощению! Минутное дело — сорвать с плеча и набросать в сумку спелые рябиновые гроздья. Вот уж удивится Вадим Николаевич и обрадуется! Это ведь первый дар лесного острова.

Может, пора назад вернуться, на плавун?.. Но что-то удерживало мальчика, тянуло его вперед, манило неразгаданными тайнами. Хотелось глянуть и на ту веселую пеструю полянку, что так заманчиво просматривалась сквозь частокол деревьев, да и мелкий осинник, росший вдоль берега, как не проведать.

Алесь старательно обследовал каждый уголок острова. Осмотрел пни с давними пожелтевшими срезами. Подошел к разошедшей сосенке, около которой возвышалась целая горка шишек — хорошо поработал мастер-дятел. Где-то он теперь? Остался здесь или полетел на поиски новой «столовой»?.. Алесь наклонился и поднял шишку. Была она сухая, легкая, тщательно обработанная мощным клювом. Мальчик размахнулся и бросил ее. Задел за верхушки молоденьких низеньких сосенок.

И сразу же где-то там, за сосенками, на дубах что-то — швырк! — зашуршало и полетело. Мелькнуло перед глазами и исчезло. Алесь бросился сквозь чащу к полянке. Остановился, прислушался, задрал голову, увидел высокое неяркое небо с кучерявыми облаками, бледно-желтое солнце. И вдруг на самой верхушке елки заметил рыженького зверька. Белка! Вот так встреча! Выходит, и зверюшки на острове живут. Алесь взмахнул сухой веткой, и белочка в мгновение ока — только хвост мелькнул — перелетела на другое дерево, притаилась там, замерла. Раз белка здесь живет, значит, и орехи на острове должны быть. И ягоды.

Алесь метнулся в одну сторону, в другую и, перескочив через гнилую колоду, побежал к поляне. Там, впереди, торчал широкий раскидистый куст орешника. Запыхавшись, Алесь рухнул в траву.

Над самой его головой склонилась лещина. Вон орех, вон целая гроздь, вон еще... А выше, вверху... И не считать! «Спасибо белке, — подумал Алесь. — Теперь с голоду не умрем».

Он встал и уже совсем по-хозяйски, не спеша огля-

дел куст. Потом принялся рвать орехи, набивать ими сумку, да и в рот не забывал сунуть вылущенное ядрышко.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первой увидела Алесь девочка. Она рванулась из рук Вадима Николаевича и закричала:

— Дода, Дода!

Оба с улыбкой наблюдали, как она вперевалку заковыляла навстречу «Доде» и уткнулась ему в ноги.

— Смотри-ка, заскучала без тебя, — усмехнулся учитель. — А ты откуда явился? Мы-то совсем заспались.

— Вы ничего не замечаете? — сказал Алесь, с трудом скрывая радость, — ничего-ничего?

— А что такое? — забеспокоился Вадим Николаевич.

— Мы же больше не двигаемся. Стоим на крепком приколе!

— Как стоим? На каком приколе? — Учитель поднялся с земли, оглянулся и увидел прямо перед собой лесную чашу.

— Мамочка родная! Земля! Мы на острове. Вот это новость!

— Новость первого класса! — уже не сдерживая своей радости, во все горло закричал Алесь. Малышка, крепко вцепившись в его ногу, тоже затопталась на месте, поглядывая то на одного, то на другого.

— Ты, конечно, не утерпел, уж там побывал?

— Еще бы!

— Ну и?..

Алесь пожал плечами:

— Остров как остров. Конечно, не то, что этот болотный плывун! Земля, воздух и простор! Даже стежки есть!

— Значит, так: объявляется пересадка на остров Черный Дуб. Интересно, очень интересно, я и не думал, что за полтора суток мы пройдем столько километров.

Он торопливо стал натягивать сапоги. Рядом, в сторонке копошилась девчушка. Когда ей удавалось встать, ковыляла кое-как, бормоча что-то себе под нос. Этот детский лепет, ласковое солнышко, теплота пригожего осеннего утра вселяли в душу мир и покой. Не верилось, что где-то рвутся снаряды, летят бомбы, льется кровь людская...

— Ну, подойди ко мне, переступи кочку! — Алесь протянул руки к девочке. Она, однако, не отважилась на такой опасный путь, села на землю и осторожно переползла преграду-кочку, лишь тогда снова поднялась на ножки.

— Дода? — сказала девочка, глядя на Алесь.

— Какой я тебе Дода? Я Алесь. А-лесь. Ну, повтори: «А-лесь». А я тебе что-то дам за это.

Девочка лукаво улыбнулась и упрямо повторила:

— До-да!

Вадим Николаевич усмехнулся:

— Теперь уж ее не переучишь. И не купишь ничем. Дода, и все.

— А вот куплю! — Алесь снял с плеча сумку. — Ну-ка скажи: «А-лесь», я тебя угощу чем-то вкусным!

— А ну, хвались, что ты насобирали? Грибов, ягод? Мальчик покачал головой.

— Грибы искал, но не нашел.

— Это, братец, погано...

— Погано, да не совсем. Зато мы имеем на сегодня... — Алесь засунул руку в сумку, вытащил гроздь рябины и протянул малышке: — На, держи! — Потом повернулся к учителю: — Вадим Николаевич, зажмурьте глаза, пожалуйста.

— Показывай, показывай, не тяни!

— Ага, не хотите зажмуриться? Думаете, я шучу, покажу какую-нибудь дребедень. Вот вам! — И Алесь раскрыл ладонь. На ней лежали орехи, крупные, спелые, в гладкой коричневой скорлупе.

— Где ты их нашел? Неужели на острове есть орешник? — обрадовался Вадим Николаевич. — Ну, хлопец, теперь мы живем!

— Знаете, Вадим Николаевич, у нас и население прибавляется.

— Ты что? — остолебенел учитель. — Какое еще население?

— Да я тут с одной белкой успел познакомиться, — с нарочито серьезным видом рассказывал Алесь. — Она и показала мне орешник.

«Самостоятельный хлопец, — подумал Вадим Николаевич. — Все успел разведать, осмотреть, отыскать. Молодец. И не хвастун. Дельного товарища послала мне судьба».

Учитель надел на плечо винтовку, подобрал с земли девочкины пожитки, подал Алесю.

— Это тебе, а я понесу девочку.

И дружная семейка побрела через камыши кострову.

Первым шел Алесь, показывая дорогу. Утро уже было в самом разгаре. Свежий северный ветерок круто поднимал рябь на озере. Алесь поднял голову: по небу плыли светлые легкие облачка. И на душе было легко и радостно, как не бывало уже давно...

Протоку между плывуном и островом перешли вброд. Учитель даже не снял сапог. Правда, сделал он это зря: правый сапог промок — видно, не заметил учитель, как зачерпнул воды.

Вот и берег, отлогий, травянистый, с небольшой низинкой у самого леса.

Вадим Николаевич остановился, опустил девочку на землю, а сам снял шапку и, зачарованно вглядываясь в лесную чащу, сказал:

— День добрый! Принимай, лесной остров, неожиданных гостей!

Алесь повторил вслед за ним:

— День добрый!

И девочка бормотала что-то свое, может, тоже здоровалась по-своему с лесом.

Алесь показал на орешник.

— Смотрите, Вадим Николаевич, орехов-то! Видали вы когда-нибудь столько?

— Нет, хлопче, не видел, гляди, какой урожай. Как будто нас ожидал... Коли так, мы его весь и соберем. А ну, Алесь, обходи куст, начнем.

Девочка сидела в траве, Алесь накидал ей в подол орехов, и она играла с ними.

— Глянь-ка, браток, — сказал Вадим Николаевич. — Как там на озере? Спокойно?

Алесь взобрался на толстый сук лещины, поправил кепку, которая съехала на макушку, и замер. Потом, как настоящий дозорный, доложил:

— На этой, правой, стороне все чисто аж до самого берега. Вижу наш плывун. А другие стороны, сами знаете, не просматриваются.

— Ну если все спокойно, то и хорошо. Можем работать. Вон видишь ту ветку, совсем согнулась от тяжести.

Алесь рвал орехи и засовывал за пазуху. Потом их очистили от скорлупы и ссыпали в сумку. У беглецов появилась надежда, что лес их прокормит.

— А теперь куда? — спросил Алесь, закидывая потяжелевшую сумку на плечо.

— Как куда? Нужно ведь еще шалаш нашей красавице построить. Хоть и есть для нее дерюжка, а шалаша ничем не заменишь.

Тут же, на поляне, стали совещаться, где его поставить. Конечно, хорошо бы в низинке, на зеленом лужке, открытом солнцу, но это опасно. Придется искать совсем другое место, в лесу, в глубине острова, под деревьями.

Тропинка вывела их через заросли ежевики и рыжего папоротника на ровную поляну, поросшую редкими деревцами. Между ними поблескивало озеро. Вадим Николаевич остановился, опустил на землю девочку, огляделся.

— По-моему, неплохо. Тут и разместимся. И вода близко, и строительный материал под рукой. Годится? Тогда, хлопче, забивай колышек — начнем строиться.

Алесь старательно, со строгим и торжественным лицом исполнил символический ритуал закладки их лесного жилища.

— Колышек на месте. — Алесь разогнулся, вытер пот с лица. — Что дальше?

— Задача такая: шалаш должен быть хорошо замаскирован. Поставим небольшой каркас, на него накидаем валежника с обеих сторон, придавим его тонким слоем дерна, а сверху снова накроем ветками и папоротником. И получится у нас отличный шалаш.

— А залезать в него будем на животе, как ящерицы?

— Неудобно, конечно, — заметил Вадим Николаевич, — но основательный дом нам строить ни к чему.

— Может, все-таки и повыше надо бы. Девочке чтоб легко было проходить... Для нее ведь строим, — не унимался Алесь.

— Ничего, приспособится. Главное, чтобы внутри держалось тепло, чтобы укрыться можно было от дождя и ветра... У меня все. Что-нибудь хочешь добавить?

— Пусть все останется так, Вадим Николаевич, — согласился Алесь.

Ему не терпелось приступить к делу, соскучились руки без работы, он ведь вырос в деревне. И сейчас в нем проснулся крестьянский парнишка, привыкший помогать взрослым по хозяйству. И в самом деле, когда стали расчищать площадку под шалаш, Алесь дал немало ценных советов. Неспешно и ловко делал он свое дело. Работа шла споро, Вадим Николаевич поставил несколько длинных жердей и укрепил их. Шалаш должен был

получиться не такой уж низкий, в нем можно будет свободно сидеть.

— Смотри-ка, маленькая, — Алесь наклонился к девочке, — какой у тебя будет домик. Здесь я тебе сказки буду рассказывать...

— Дода! — закивала девочка. — Дода.

— Опять заладила! — Алесь присел рядом и спросил:

— А как тебя зовут?

Девчушка молчала и внимательно смотрела на Алеся.

— Может, Маринка?.. Или Алена?..

— Ала, — вдруг выпалила девочка.

— Как? Алла? — встрепнулся Алесь и обернулся к учителю: — Слыхали, что говорит. Она Алла.

— Аллочка, — ласково позвал Вадим Николаевич, — иди ко мне, иди, Аллочка.

Девочка оживилась, состроила лукавую рожицу, шагнула раз, другой и упала, споткнувшись о сучок. Губы ее сморщились, однако она не заплакала.

Алесь подхватил девчушку на руки, отнес в сторонку, усадил на пригорке и набросал ей шишек в подол.

— Посиди тут, поиграй, а то не успеем сделать для тебя дом. Поняла?

Вадим Николаевич отомкнул от винтовки штык и пошел в осинник «заготавливать древесину». А Алесь отправился поближе к берегу за дерном.

Солнце уже поднялось высоко. Было тепло, но не жарко. Над озером носились чайки... С тревожным криком «Пи-и-ть, пи-и-ть!» пролетели под облаками кани. Это верная примета: значит, жди дождя, говорят в народе.

Правда, на небе ни тучки, но долго ли им появиться? Вылезут из-за горизонта, растянутся во все стороны, и смотришь, все уже стало другим: и небо потемнело, нахмурилось, и ветер откуда ни возьмись налетел, закрутил, завертел палую пожелтевшую листву, всколыхнул спокойную воду в озере.

Хоть бы успеть до дождя построить шалаш!

И Алесь старался изо всех сил, даже в пот его бросило. Дерн снимался трудно, не хотел расставаться с землей, с трудом открывал под собой крепкие узлы корней, муравьиные гнезда и норки. Попадались и дождевые черви. Эх, был бы кусок проволоки! Нацепил бы

Алесь на нее червяка — и в воду! Смотришь, и попалась бы какая-нибудь глупая рыбешка! Алесь считался неплохим рыбаком в селе. Однако ловля рыбы — это потом. Не все сразу. Сейчас главное — шалаш! Наконец Алесь нарезал целую горку дерна — пришлось-таки ему попотеть. Вадим Николаевич уже вбил в землю колышки и теперь сооружал каркас.

— А мы с тобой, хлопец, про одно дело забыли, не догадываешься?

Алесь сложил свою ношу на землю, отряхнул грязь с рук, задумался.

— Небось колышки нечем стягивать?.. Так я быстро. Лыка здесь хватает!

— Вот, вот, брат. Лыко нужно позарез!

Алесь взял штык и отправился через заросли лозняка на северную сторону острова.

Вадим Николаевич вытер взмокший лоб, посмотрел вслед Алесю. Все больше и больше нравился ему этот хлопец. По-крестьянски спокойный и неторопливый, скупой на слова, а такой сноровистый в деле. Другой бы на его месте мог и растеряться. А он все: и горе и трудности — переносит терпеливо, мужественно, как настоящий солдат.

Когда Алесь вернулся, с плеча у него свисали длинные желтоватые плети. Они пахли свежестью и почему-то медом.

Наконец каркас шалаша был готов. Теперь в ход пошли и сосновые ветви, и елочный лапник, и рыжий папоротник. Шалаш обретал форму. Обозначился уже круглый вход. Алесь не утерпел и несколько раз примерялся, удобно ли в него залезать. Потом принес девчушку.

Вместе они забрались в сумрачную глубь шалаша. Там было тепло и сухо, под ногами шуршали листья.

Вадим Николаевич стоял в сторонке и придирчиво рассматривал их сооружение. Хорошее место они выбрали для шалаша — только уж очень зоркие глаза могли его заметить издалека.

Работы на доделку шалаша хватило до самого вечера. Потом под собственной крышей собрались все вместе и слушали, как шумит лес, как совсем рядом плещется вода...

Решено было отметить окончание работы «праздничным ужином». Аллочка получила кусочек сухаря, размоченный в самодельной берестяной кружке. И еще растертые ореховые ядрышки.

Вадим Николаевич и Алесь утолили голод орехами и рябиной. Хотя они порядком устали, настроение у всех было отменное! Аллочка повеселела, раскраснелась, то и дело дергала Доду за ухо, звала поиграть. От вчерашних слез не осталось и следа.

Перед заходом солнца все вместе отправились к Черному Дубу. Это был настоящий лесной великан. Корявый ствол его в несколько обхватов, окруженный тяжелыми узловатыми ветвями, казалось, подпирал небо. На ветках то тут, то там виднелись коричневые желудевые спинки. Самая вершина дуба издали казалась срезанной: то ли молния сожгла ее, то ли буря сломала. С восточной стороны на боку великана у самого основания чернела борозда. Видимо, огонь костра отметил дерево на всю жизнь.

— Ну и высота! — удивился Алесь, задрал голову. — Аж шапка падает.

— А ты раньше здесь не был?

— Никогда.

— Я тоже. Только собирался своих ребят свозить сюда. Дуб действительно чудо! Хотя и нелегко, но, пожалуй, полезу на него, осмотрю сверху остров.

— И я с вами!

— Нет, нет, ты после. Аллочка будет плакать. Одну ее оставлять нельзя!

Вадим Николаевич подошел к стволу, ухватился за выступы коры и полез. На самом верху он уселся поудобнее на толстый сук и повернулся лицом на восток. Тихо пробегали волны по серо-голубой озерной глади. На горизонте ни точки, ни черточки. Вадим Николаевич посмотрел в северную сторону и помрачнел: над болотом черными змеями вились дымы — это рвались гранаты и артиллерийские снаряды. Значит, партизаны продолжали сражаться с врагом не на жизнь, а на смерть.

С юга, из-за горизонта, огромным черным клином выползала туча. Она шла против ветра, и это было верной приметой, что будет гроза. И вскоре засверкали молнии. «Ну вот и выпросили кани водички! — подумал учитель. — Близится ненастье...» Ну что ж! Теперь им не страшны ни ветер, ни дождь — стены шалаша должны выдержать.

Стоило Вадиму Николаевичу спуститься на землю, Алесь не утерпел — тут же полез на дуб.

— А остров наш не такой уж и большой! — кричал он сверху. — В длину метров четыреста и в ширину

метров двести. И поляны есть — вон одна, а вон другая... На южном берегу почти нет леса, одни кусты.

Пора было возвращаться к шалашу. Там Вадим Николаевич стал укладывать девочку спать. Она поплакала немного, но быстро уgomонилась. Когда прикрыли дерюжкой вход и в шалаше сразу стемнело, девочка утихла и заснула.

Алесь и Вадим Николаевич пристроились рядом и молча вспоминали события прошедшего дня. Алесь решил, что учитель спит, но Вадим Николаевич зашевелился и шепотом сказал:

— Слушай-ка, Алесь, а что же было с твоим дядькой? И с тем немцем-антифашистом, который к вам заходил?

— С дядькой?..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Эх, дядька, дядька! До такого докатился! Пусть бы уж торговал в магазине хомутами, селедками да халвой — хорошо ли, плохо — не так уж важно, главное — за человека тебя считали! А теперь? Людей продаешь! И много же ты хотел заработать — не только собственный покой, а еще тебе подавай и уважение фашистов. Но не всегда бывает как задумывается.

...Возвратился Алесь домой ночью. Отец не ложился, стоял в воротах, ждал сына. И только мелькнула на улице знакомая фигура, заранее открыл калитку.

— Ну и клял же я себя! — говорил он шепотом. — Чего только не передумал! Ночь, а тебя все нет и нет.

Отец и сын вошли в сени, остановились. У стены стоял топчан, покрытый рядном. Алесь присел на краешек, вздохнул, вытер рукавом взмокший лоб.

— Лучше бы не ходить туда, тато...

— Почему, сынок? Неужели на беду напоролся? Мне передали, что немцы заставили тебя работать на кухне. Я даже порадовался — это на руку будет.

— На руку, на руку... — тихо проворчал Алесь и замолк: не знал, как и приступить к рассказу. А отец не отставал:

— Так ты выследил того негодяя? Или впустую убил время?

— Дядьку встретил, Макара Цапка, — совсем тихо произнес Алесь.

— Что ты мелешь? — не понял отец. — Ну встретил,

и черт с ним. Ты мне про доносчика расскажи. Видел его? Приходил?

— Дядька тот доносчик... Дядька Макар.

— Ну ты! — Хоть в сенях было темно и Алесь не видел отцовского лица, но представил, как сдвинул он сейчас брови. Отец схватил сына за плечи. — Брось свои шутки! Дело говори.

— Не шутки это, тато... Правда. Это он приходил в комендатуру, когда за вечерело, он...

— Не может быть! — повторил отец. — Не может этого быть. Как же так?.. Этого еще не хватало! — Он повернулся к Алесю и положил руку ему на плечо: — Говори, как было, может, ты все-таки ошибся!

Алесь рассказал по порядку, со всеми подробностями, как провел день.

Отец молчал. Оба сидели, словно окаменев. Только за стеной в хлеву тяжело вздыхала корова, да где-то в сенцах от ветра поскрипывала дверь.

— Эх, сынок, лучше бы ты не ходил на это задание, не первый бы узнал недобрую весть. Макар — предатель! Кто бы мог подумать? Ну, зряшный был человек, так мало ли на свете таких!.. Но чтоб предатель!.. И револьвер, говоришь, при нем?.. Ну так как же нам теперь быть? Ведь все же какой-никакой, а родственник!

— В комендатуру привезли каких-то людей. Я видел: их по двору вели, били прикладами...

— Добре, сынок. Про то, что ты знаешь, молчок. Не дай бог...

— Понимаю, тато.

— Матери тоже не говори.

— Ладно, тато.

Они еще долго молча сидели в темных сенях, лишь изредка перекидываясь словами.

...Дядьку Макара больше не вспоминали, не говорили о нем. Но Алесю захотелось во что бы то ни стало заполучить дядькин револьвер. Даже ночью ему снился этот револьвер. Хотел было посоветоваться с отцом, как ловчее завладеть заветным оружием, но, помня, что тот тяжело воспринял недобрую весть о свояке, пока не решился.

Ложбинка с ольховой рощицей со следующего же вечера была взята Алесем под наблюдение. Уже два дня подряд, как только смеркалось, Алесь бросал все дела и, перескочив через шаткую изгородь, выбирался на

тропки, что за гумном. Они и приводили его к лошадке.

Третий день выдался дождливый, и Алесю расхотелось идти. Он подумал, что и дядька вряд ли вылезет в такую пору из своей хаты. Но в последний момент Алесь все же решился. Накинув на плечи курточку, он тихо вышел из дома. Все небо было обложено тучами, накрапывал мелкий, но спорый дождь. Перепрыгивая через лужи, Алесь побежал напрямик, через картофельное поле. Мокрая ботва хлестала его по ногам, дождь сеял не переставая. Алесь досадовал на себя — ну кого понесет нелегкая в такое ненастье? Наверняка и эта вылазка ничего не даст.

Однако все получилось не так, как думал Алесь. Он запустил руку в знакомое дупло и почувствовал холод металла. Сердце заколотилось. Скорей, скорей! Вот он, револьвер! Ага, дяденька Макар! Теперь ты обезоружен! Алесь засунул револьвер за пазуху и что есть духу помчался домой. Остановился передохнуть он только в поле. Достал оружие, осмотрел: дуло с мушкой на конце, барабан с вырезами на боках, в барабане патроны.

Не верилось Алесю, что стоит он с револьвером в руках. Интересно, где дядька раздобыл его? Носил, конечно, для храбрости, как говорят, на всякий случай.

...Дома Алесь спрятал находку в хлеву на чердаке, под соломенной крышей. Теперь-то уж он потренируется в лесу, поучится меткой стрельбе!..

И тут пришла беда.

Самое страшное и неожиданное началось с кражи этого проклятого револьвера. Позарился на него, а что с отцом стало?!

...Не найдя револьвера в потаенном месте, Макар Цапок кинулся в кусты, обшарил их, надеясь еще увидеть и схватить вора, может, тот не сумел далеко уйти? Тем временем Алесь уже сидел на чердаке и примеривался, где бы получше спрятать в сене револьвер.

Кто-то выследил его, рассуждал Макар, это значит: его хождения в комендатуру кому-то известны... При этой мысли лоб у Цапка покрылся холодной испариной.

И другое понял Макар: кража револьвера не самая худшая из бед. Теперь жди другую, более грозную. Узнают обо всем односельчане — разделаются с ним.

Испугался Цапок, сжался в комок от предчувствия опасности. И первым делом кинулся за помощью к немцам: так и так, мол, возьмите под охрану, ведь служу

вам верой и правдой. Комендант выслушал Макара, заверил, что ничего с ним плохого случиться не может, а полицаи будут наготове. Пусть только знак подаст.

...Отец Алеся в эти дни тоже был в тревоге. Как поступить? И какой же дьявол подтолкнул под ребро свояка, полез к немцам, как та муха в смолу. Неужели не понимает, что в беду попал? После долгих раздумий решил Прокоп не открывать пока позорной тайны людям, пойти самому к Макару и там по-свойски, откровенно обо всем поговорить.

Сказано — сделано. Выбрал свободный день — как раз была суббота — и после полудня отправился в Ляховичи. Алеся в это время не было дома, он собирал бобовник на болоте. Вернулся с тяжелой вязанкой. Узнав от матери, где отец, мальчик встревожился не на шутку. Понимал: не получится у отца с дядькой свойского разговора.

Быстренько переоделся он в чистую одежду и, сунув револьвер в карман, выскочил на дорогу, что вела в Ляховичи.

Но парнишка опоздал. Там уже разворачивались такие события, что земля ходила ходуном.

...Прокоп увидал свояка во дворе. Тот обтесывал большую колоду, собирался, видно, менять в хате нижний венец сруба.

— Здорово, Макар!

Макар искоса глянул на гостя, хмуро кивнул:

— Здорово, Прокоп. — Он отложил в сторонку топор, присел на колоду. — Садись, свояк. Правды в ногах нет.

Макар предложил отцу закурить, насыпал в закрутку мелкой отборной махорки.

— Еще наша, советская? — спросил Прокоп.

— Кончается, — не поднимая глаз, буркнул Макар. — Что тогда в кисет насыпать? Черт его знает. Хоть суши ольховые листья...

— Ой не прибедряйся, свояк, — пошел напрямик Прокоп. — Всегда-то ты ноешь. Все тебе мало.

Макар недобро посмотрел на Прокопа, ухмыльнулся в усы, проворчал:

— Не учи меня. И свои подковырки оставь!

— Авось, свояк, и поучу. Уж ты не сердись, что скажу правду. Нельзя так жить, как ты живешь. Опомнись...

— Что-о? — взъерился Макар. Руки его затряслись,

табак просыпался. — Так это ты за мной следишь? И теперь пришел выведывать? Гад ты, гад подколенный. А ну выметайся с моего двора!

Макар вскочил и бросился к топору.

Прокоп не ожидал, что свояк так разъярится. Он не успел отскочить в сторону — и топор врезался в каблук сапога. Если бы чуть выше — тут и сел бы отец в окровавленный песок. Но убегать, как трус, Прокоп не стал. Он подлетел к Макару, и они схватились за грудки. Прокоп подмял Макара под себя, и тот взревел, стараясь освободиться.

Из хаты выбежали два сына Макара, парни-подростки, бросились на подмогу отцу. Один из парней схватил Прокопа за ноги, другой стал молотить его кулаками по спине, по голове. Теперь отец оказался под Макаром.

— Бейте, сынки, окаянного, насмерть бейте! Теперь наша сила, наша правда. Сдохнет — туда ему и дорога! Указчик нашелся!..

Песок набился в рот и в нос Прокопа, он задыхался. Неожиданно во двор ворвались полицаи. Схватили Прокопа, связали ему руки и повели по селу.

А в это время Алесь уже был в Ляховичах. Увидел людей на улице, услышал возбужденный говор. От недоброго предчувствия ворохнулось сердце. Кинулся через чей-то незнакомый двор на середину села. Притаился у забора, лег в крапиву и стал следить, что делается на улице.

Вот появились полицаи с карабинами и повязками на руках. На головах пилотки. И среди них, задыхаясь и кашляя, медленно брел отец. Голова его низко опущена, лицо окровавлено, все в грязи, новая сатиновая рубаша разорвана.

Алесь заплакал. «Что я наделал? Зачем взял револьвер, зачем?» — корил он себя. В голове одна мысль: «Что будет с отцом?» Так пролежал Алесь в траве до самого вечера — показываться здесь ему сейчас небезопасно.

Дома Алесь ничего не сказал матери про беду. Думал: лучше после, может, еще что изменится, может, отец убежит от полицаев или его отпустят.

Но на завтра уже весь Сырой Бор гудел новостью: Прокоп Каляда арестован!

Подробностей никто не знал. Говорили: вина, мол, его небольшая — со свояком подрался. С кем не бывает. За это немцы карать не будут. Подержат день-два в остроге и выпустят. А Алесь понимал: Макар не пощадит отца, не пощадят его и немцы.

На третий день мать отправилась в Митковичи, где помещалась местная тюрьма, понесла мужу передачу. Низко кланяясь, милостью божией просила охранников передать ему какой-никакой деревенский харч.

Передачу охранники взяли, а через полчаса оповестили, что Прокопа Каляды в остроге нет.

— Как нет? — не поняла мать. — Разве его выпустили?

— Сказано — нет, значит — нет, — развел руками полицаи.

Мать было обрадовалась: может, муж уже дома? Велика вина — подрался со свояком. Она уже собралась возвращаться, но тут какой-то парень — тоже, видно, как и она, пришел с передачей — шепнул ей: «Горе у вас, женщина, горе. Прокопа Каляду сегодня ночью расстреляли». Мать так и привалилась к стенке, в глазах потемнело, ноги ослабли.

...Долго не верилось Алесю, что так нелепо мог погибнуть его сильный, добрый, ласковый отец! Алесь все ждал: вот-вот придет он, появится на шляху, завернет к дому, крикнет с порога: «Сынок!..» Корил себя, что позарился на этот проклятый револьвер...

Позже Алесь многое понял. И в соседних селах хватали людей, вешали, расстреливали. Алесь только зубы стискивал, с трудом заставляя себя сдерживаться. Да и не в револьвере совсем дело, во всем виноваты фашисты — это они принесли на родную землю смерть и горе. Им нужно мстить за кровь безвинных людей и за отца... А Макар? Неужели он останется жить на свете? Изменник, предатель, черный человек!

Алесь было решил на самое страшное: убить Макара. Стал разрабатывать план, где и как подкараулить бандита и предателя. Но его опередили добрые люди.

Однажды спозаранок прибежала в хату Цапка сосед-

ка, всплеснула руками, заголосила: «Ах кума, кума, ты ничего не знаешь? Нет больше твоего Макара, на улице застрелили».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночью началась гроза. Молнии вспарывали ночное небо, освещая его ослепительным, праздничным фейерверком, а потом опять все погружалось в темень, еще более мрачную и зловещую. Набухшие гривастые тучи обрушивали на землю потоки дождя.

Вадим Николаевич проснулся от громовых раскатов и встревожился: а ну как размоет шалаш... Алесь и девочка спокойно спали и знай себе посапывали во сне.

Учитель выбрался из шалаша под самый ливень. Он прокопал перед входом канавку, отвел дождевую воду в сторону озера. За это время промок до нитки, но залезать обратно не хотелось: насквозь промокший, он стоял, любовался грозовой ночью. Видно, это последняя за лето теплая гроза. В ней было что-то завораживающее, что-то буйное, неукротимое, — она была необходима земле, людям... Мирной земле, мирной жизни людей. Вот если бы все изменить на эту ночь, и фейерверк молний возвестил бы победу!.. Она ведь должна прийти. Обязательно. Сейчас гитлеровцы уже катятся назад. Под Сталинградом их потрепали так, что, говорят, самого Гитлера довели до истерики.

А под Курском... Значит, победа близка... Неужели и он увидит ее... Где ты, гроза Победы?! На каких ветрах летишь?..

Вадим Николаевич смотрел в сторону болота и лесных зарослей и думал о том, как трудно там сейчас партизанам, его побратимам. А каково дядьке Андрею, он главный, он в ответе за все. Может быть, даже и теперь, в этот час, решает он, где, в каком месте прорвать блокаду. Пока все попытки кончались неудачей. Немцы легко маневрировали и поспевали вовремя ликвидировать прорывы в своей обороне. И партизаны вынуждены отходить, а стальная петля блокады затягивалась все туже. Теперь партизанские отряды контролируют только просторы зыбкого болота. Там, конечно, врагу труднее достать их. И в помощь пехоте немцы подтянули артиллерию и минометы.

«Эх, если бы дядька Андрей сейчас воспользовался непогодой и поднял своих соколов», — подумал Вадим

Николаевич. Как хотелось бы ему стоять с ними рядом, с винтовкой в руках и с нетерпением ждать команды на штурм...

И Вадим Николаевич вспоминал, как их группа на развилке дорог вела бой с гитлеровцами. Дрались яростно и упорно. Когда у партизан кончились боеприпасы, пошли врукопашную. Прорвали первую цепь, хотели вырваться дальше, но... из их группы осталось только двое: он да Марченко. Пришлось повернуть назад и скрыться в лесной чаще.

И вот он далеко от своих, от дядьки Андрея...

Гроза не унималась, непогода расходилась вовсю, на небе то и дело вспыхивали молнии, не переставая лил дождь.

Не дождавшись конца грозы, Вадим Николаевич залез в шалаш, прилег у входа и сразу заснул.

Проснулся уже на зорьке, поежился — было зябко от утренней свежести, да и одежда на нем не успела высохнуть. Повернул голову — девочка спокойно спала рядом, укрытая до самого подбородка. Но Алесь не было на месте.

Вадим Николаевич тихо, стараясь не разбудить девочку, выбрался наружу. Утро только пробивалось сквозь густой туман. Вот где-то близко пискнула пичужка, за ней другая. Поблескивала на солнце мокрая трава, с листьев скатывались тяжелые дождевые капли. Алесь стоял в стороне, у озера, совсем по-взрослому заложив руки за спину. Услышав шаги, обернулся.

— Утро доброе! — сказал Вадим Николаевич. — А ночью все ходуном ходило, гром громыхал не хуже артиллерийской канонады. А ты, хлопец, и горазд же спать, ничего не слышал.

Алесь кивнул:

— Я уже утром догадался, когда канавку у входа увидел. Спал как убитый. А Аллочку гроза не разбудила?

— Нет.

— Озеро какое спокойное... И тихо как! Даже там, — показал Алесь рукой в сторону болота.

— Ты как думаешь? Неужели наши не воспользуются туманом...

— Да, настоящая дымовая завеса, — рассудительно добавил Алесь, — сейчас только и прорываться. В пяти шагах ничего не видно. Даже нашего дуба не видать в тумане.

— Пусть бы, хлопче, улыбнулось им счастье. За нас я особенно не беспокоюсь. Как говорят, с божьей помощью...

Оба замолчали, пристально вглядываясь в далекий туманный берег.

И вдруг неожиданно со стороны болота утреннюю тишину разорвала беспорядочная стрельба: трескотню винтовок и автоматов перекрывал мощный голос крупнокалиберных пулеметов.

— Горячо началось! — прошептал учитель, прислушиваясь.

Стрельба все усиливалась. Казалось, что битва шла совсем рядом. Вадим Николаевич представлял, как ночью и ранним утром в зябкой туманной мгле готовились партизаны к прорыву блокады. Видимо, кто-то первый наткнулся на немцев, и они, чтобы остановить этот отчаянный бросок, открыли яростную стрельбу.

Конечно, туман — хороший помощник нашим бойцам, но огонь пулеметов даже вслепую может принести немало бед. Ведь враги методично бьют по ранее пристрелянным позициям... Нет, зачем думать о самом худшем. Дядька Андрей — опытный командир, бывалый воин. Он наверняка предусмотрел, проработал все возможные варианты боя.

Взошло солнце, но оно заблудилось в тумане — бледные, тусклые лучи его не могли пробиться сквозь белую кудель, сплошь затянувшую небо.

— Прорвутся! Прорвутся, — как заклинание, повторял Вадим Николаевич.

— Должны прорваться! Туман-то для них как по заказу!

В шалаше послышалась какая-то возня. Это проснулась девчушка. Она выползла наружу, поднялась на ножки и заковыляла к говорившим.

— Тата, Дода! — радостно закричала она и ухватилась за штанину Вадима Николаевича.

Учитель бережно поднял ее на руки.

— Ну, как спалось, Аллочка? Слышишь, вон там бахает! Разбудило тебя, да?

Девочка крепко прижалась к учителю. В короткой детской памяти уже запечатлелись звуки войны. Она было приготовилась заплакать, но Вадим Николаевич ласково потрепал ее волосы, и малышка успокоилась.

— Вот побьем фашистов, — сказал Алесь, заглядывая девочке в лицо. — Ты будешь нашей дочкой. Мы

построим тебе большой-большой дом. Купим красивое платье, ботиночки, и ты будешь...

— Скажи ему, Аллочка, — перебил, улыбаясь, Вадим Николаевич, — не рассказывай мне сказки. Лучше неси-ка что-нибудь поесть!

— Дай, дай! — запрыгала на руках учителя девочка.

Алесь кинулся к шалашу и взял мешочек с припасами.

— Видишь, какая у меня в руках столовая! Всех накормлю.

Девочке опять дали размоченный сухарь, толченые орехи. Сами поели горьковатые ягоды рябины и орехи. Скучную эту еду запили свежей озерной водой.

Между тем туман рассеивался. Из белесой дымки постепенно выступали деревья и кусты, засветлела озерная гладь.

Алесь встал, аккуратно одернул рубашку, смахнул песок с коленей.

— Что будем делать?

— Давай предложение. Ты же у нас скорый на выдумки!

— Предложение? Пожалуйста. Я, например, еще бы поискал орешники. Правда, надежды мало — может, тот, что мы обобрали, один-единственный на всем острове. Ну а вдруг?

— Нет, сегодня, хлопче, будем плести корзину. Иди тащи ракитник, может, к вечеру попробуем рыбки наловить.

— Нам хоть с десятков ершиков и окуньков... — вздохнул Алесь. — Жаль, огня у нас нет, испекли бы в горячей золе рыбешку. Я раньше часто пек. Бывало, пасу телят около реки, наловлю под корягой мелочи, заберну в листья — и к костру. Знаете, как вкусно!

Вадим Николаевич, казалось, не слушал парнишку. Он как-то безучастно кивал головой, и Алесь понял, что мыслями он был далеко-далеко — там, где сейчас сражались партизаны, где болотными топями пробирались они на прорыв блокады, ведя за собой окрестных жителей... В который раз! А теперь, может, в последний...

Стрельба в стороне болота не утихала, временами слышались взрывы. И трудно было понять, что же там происходит.

Вдруг возникли совсем уже неожиданные звуки — скрип весла, громкий всплеск воды. Алесь прислушался,

— Это же лодка! Наверно, какой-нибудь рыбак. И где-то близко. Давайте позовем, а?

— Может, это фашисты. Тогда...

Алесь с сомнением покрутил головой:

— Фашисты в тумане, на лодке? Вряд ли они на это отважатся. Я позову, а? Надоело сидеть здесь. Мы же голодные как бобики. Через день-два и ноги таскать не будем.

— Лодка движется параллельно острову. До нее не больше четырехсот метров... Да, это, видимо, рыболов. Позови, — разрешил он Алесю, — а потом и вместе. Может, и услышит.

Алесь сложил ладони рупором и, смешно вытянув шею, закричал что есть силы:

— Э-э! Гей! Сюда, рыбак, на остров!

Оба замерли. Но слышался все тот же равномерный скрип весла и всплески воды.

— Не слышит, — с сожалением сказал Вадим Николаевич. — Как бы мимо не проскочил. А ну-ка еще раз: эгей-гей!

А человек там, на лодке, видимо, ничего не слышал: он по-прежнему размеренно работал веслом. Может, куда-то очень спешил.

— Летит как оглашенный. Нет, это не рыболов, — решил Вадим Николаевич. — Неужели нас не слышал? Давай-ка еще разом! Ведь он вот-вот скроется.

Закричали снова. Голоса гулко раздавались над водой. Внезапно все смолкло — ни единого всплеска.

— Он повернет к нам, обязательно повернет! Возьмет нас с собой! — И Алесь в нетерпении крикнул:

— Эй, там, на лодке! Сюда, к острову! На помощь!

— Эгей! — раздался из тумана молодой звонкий голос. — Зае-еду! По-сле-е-е! Спешу-у-у!

Алесь схватил девчушку, высоко поднял ее.

— Слышишь? Там дя-дя. Там лодка! Мы уедем, и у нас будет и хлеб и воля!

— Дя-дя. О-ля! — старательно повторила девочка, словно поняла смысл сказанного.

— Нè Оля, а воля! Ну-ка повтори: «Во-ля».

— Дода! — выпалила девочка с лукавой миной.

Вадим Николаевич расхохотался.

— Видишь, не подчиняется!

— Ну тогда я тебя оставлю здесь насовсем, хорошо?

Девочка замотала головой.

— Не хочешь? Тогда слушайся меня.

...Тем временем лодка удалялась, почти скрылась из глаз.

Вадим Николаевич задумчиво сказал:

— И куда он торопился? Зачем? Сказал — спешит... Какое-то дело у человека. Поплыл туда, на север. Может, к партизанам?.. Слышишь, Алесь, уж не к партизанам ли?

— Вот это смельчак! Кто же его послал? Не сам же...

Туман между тем редел, подгоняемый ветерком.

Вадим Николаевич забеспокоился:

— Вон уж и солнце показалось, а ему еще далеко плыть.

Мысленно они пожелали смельчаку удачи. Все-таки он услышал их, обещал вернуться за ними, но когда? Уж, конечно, не днем, а ночью. Значит, этой ночью им нужно ждать гостя.

— Только бы все обошлось, — вздохнул Вадим Николаевич.

Алесь спустил девочку с рук, и она, старательно обходя бревно, заковыляла к воде.

— Не подходи близко! — крикнул Алесь. — Упадешь!..

Девочка остановилась.

И вдруг совсем близко, почти рядом, с визгом пролетели пули.

Алесь испуганно съежился и пригнулся. Вадим Николаевич бросился к девочке, схватил ее и побежал к деревьям. Девочка заплакала.

Снова засвистели пули. Нагнувшись, перебегая от дерева к дереву, кинулся в чашу и Алесь.

— Вот мы и накрылись! Услышали нас! — с досадой пробормотал он.

— Вряд ли, видать, это по тому смельчаку бьют, а попадает и нам.

На какой-то момент обстрел прекратился. Потом опять затрещали выстрелы.

Небо очистилось и синело, словно вымытое. Пахло лесной свежестью, влажной травой и цветущими верасами. Учитель с Алесем лежали за вывороченным пнем. Как все неожиданно повернулось! Надеялись, мечтали, хотели как лучше, а получается все наоборот. Их услышали враги. Как уж тут не услышать — орали во все горло!

— Сидеть бы нам тихо и помалкивать, — говорил Вадим Николаевич, — даже о ребенке не подумали.

Вадим Николаевич стал успокаивать испуганную выстрелами девочку.

— Не плачь, маленькая, не плачь и не поднимайся, лежи тихо-тихо.

Девчушка притихла. Увидев суетившихся возле пня муравьев, засмотрелась на них и понемногу успокоилась.

Вадим Николаевич взглянул в сторону озера, сказал Алесю:

— Осторожно ползи к берегу, посмотри, что там.

Но тут ударила новая автоматная очередь. С деревьев летели сбитые выстрелами ветки. Похоже, что по острову ведется прицельный огонь.

— Ах, елки-моталки! Не повезет так не повезет, — сетовал учитель. — Обстрел мы как-нибудь переживем, а вот если немцы высадятся на остров... Тогда плохо дело. Куда деваться?

Лежа за кустом, Алесь разглядывал утреннее, разбуженное стрельбой озеро. От тумана остался над водой только легкий парок. Вдали просматривался силуэт лодки. Она медленно разворачивалась под порывами ветра, а волны несли ее к острову. «Неужели смельчак убит? — встревожился Алесь. — Поздно, бедняга, вышел. Не успел, не проскочил... Что заставило его приплыть сюда, в зону блокады? Кто его послал? Зачем?»

Стрельба прекратилась. Утихла канонада, и в стороне болота наступило полное затишье. Но Алесь заставил себя лежать неподвижно. Он все вглядывался в озеро, в лодку, что осталась без гребца. Что означает эта страшная тишина? Неужели у партизан кончились патроны и фашисты опять одержали верх? А может, и некому уже отстреливаться от врагов. Нет, в это невозможно поверить. Лодку расстреляли... но там, на болоте, столько людей!.. И у каждого свои счета с фашистами.

Неужели тот, в лодке, убит? А может, он затаился, прикинулся убитым? Видит: нет дальше ему дороги, доверился волнам — пусть, мол, несут лодку, только бы подальше от берега.

Прошло еще немного времени. Лодка все качалась на волнах, поворачиваясь под порывами ветров. Гребец не поднимал головы, не брался за весло. И враги молчали. Но, видно, наблюдали за лодкой. Не упускали ее из виду.

Алесь лежал не шевелясь, притаившись, чтобы ничем не выдать свое присутствие. Теперь ясно: пули залетели сюда случайно, ведь лодка попала на линию обстрела. А если враги увидят и их троих, узнают... Об этом страшно подумать... Невеселую новость придется сказать Вадиму Николаевичу. Наверно, он и сам уже догадался, что означает этот неожиданный перерыв в стрельбе!

Алесь тихонько опустил ветки ракиты, которые мешали ему наблюдать, и отполз назад. Теперь Алесь уже вместе с Вадимом Николаевичем наблюдал с берега, что последует дальше. Скорее всего фашисты вышлют кого-нибудь вдогонку лодке. Но на том берегу по-прежнему было все тихо, не видно никаких приготовлений.

А неуправляемую лодку все ближе и ближе подгоняло к острову.

Тишину ничто не нарушало. Сияло солнце на ярко-голубом небе. И вдруг... Раздался страшный металлический вой. Алесь зажмурил глаза и припал лицом к земле. Вот оно! Вот что надумали фашисты: около лодки одна за другой плюхнулись три мины. Водяной вихрь поднял лодку на дыбы и перевернул ее.

— Кончено, — сказал учитель, — нет лодки...

— Проклятые фрицы! — сжал кулаки Алесь.

— Вот что, хлопче, пусть это будет нам наукой, — строго сказал Вадим Николаевич. — Ни при каких обстоятельствах на берег не показываться. А то и остров закидают минами.

Они побрели к шалашу, понурые и печальные, как после похорон. Так на самом деле и было: на их глазах погиб человек отчаянной храбрости... Никогда не узнают они: кто он и какое важное задание выполнял? Кто его послал к партизанам, что он должен был им передать? А может, зря старался смельчак? Может, уже опустело болото Комар-Мох? Может, там уже похозяйничали фашисты?..

В молчании подходили к шалашу, и тут Вадим Николаевич спросил:

— Подожди, а где твоя сумка?

Алесь схватился за плечо — сумки не было. Но он не встревожился.

— Она там, на дереве, около шалаша. На сучке висит...

— Думаешь, так и висит? — забеспокоился учитель. — А ну-ка заberi ее.

Учитель повернул к поляне, где стоял их шалаш. Там сквозь листву виднелось девочкино платье. Позади него раздался треск сучьев, это подбежал Алесь. Вид у него был испуганный.

— Поглядите! — Он поднял сумку, перевернул ее — она была пуста.

— Белки, окаянные белки! — задыхаясь, бормотал Алесь. — Стащили орехи. Все до одного. Дырку прогрызли... Хорошо еще, что хлеб не взяли. Аллочкин.

— Этого еще не хватало! Как же ты додумался бросить сумку на суку?

Алесь покраснел и понурился.

— Знаю, виноват. Это я побежал, чтобы лодку посмотреть, и забыл... Да я отыщу наши орехи. Посмотрю, где эти вертихвостки склады устроили...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Спать легли голодные. Девчущку хоть кое-как накормили. А самим пришлось довольствоваться рябиной. Ягоды, еще не прихваченные первым морозом, оказались горькими, но выбирать было не из чего. Теперь пустой желудок не давал уснуть, в голову лезли самые мрачные мысли.

Алесь уснул быстро — наволновался, устал. После того как он наломал прутьев раkitника для корзины, он еще долго гонялся по лесу за белками — выслеживал их кладовые. Но хитрые зверьки так ловко спрятали припасы, что ему не удалось их отыскать. Потом Алесь принялся за корзину для ловли рыбы и трудился до самой темноты. Он уж почти закончил ее. Вся надежда теперь на завтрашний улов! Эх, если б хоть что-нибудь поймать...

Голод отнимал у них силы, его было все труднее выдерживать. Правда, Алесь вел себя как настоящий мужчина — ни слова о том, что голоден, ни единой жалобы. Но больше всего тревожила девочка. Она могла захворать — совсем ведь маленькая, разве такое питание ей нужно сейчас?.. Подумалось вдруг о том, что он успел привязаться к девчущке. Она скрашивала их жизнь на этом пустынном острове. И хотя добавила забот, но порой отвлекала от печальных мыслей. Когда он брал ее на руки и, утешая, принимался рассказывать сказки или когда водил по лесным тропинкам, показывал птиц и жуков, а она заливалась звонким смехом, —

в эти минуты забывались горечь и отчаянность их положения, не верилось, что идет война, что кругом враги...

Враги! Долго ли пробраться им на остров? А могут и проще — закидать его минами. К такой беде они еще не подготовлены. Нужно, как предлагал Алесь, навязать снопы из камыша, чтобы они всегда были под рукой, — с ними можно будет держаться на воде...

Спит хлопец, намаялся. Завтра у них опять много работы, пусть набирается сил... Все допытывался, как он, Вадим Николаевич, жил при оккупации. Как жил? Тяжело вспоминать об этом. И об Оксане...

Оксана! Познакомились они с ней в Митковичах, на спортивных соревнованиях. Его ученики-десятиклассники встретились с ее классом по волейболу. Игра была трудной и затяжной. Ребята из Митковичей были уверены, что побьют своих противников с разгромным счетом. Но те неожиданно оказались сильнее, и победа осталась за ними. Сколько радости было! Ребята обнимались, прыгали, кричали «ура!». Сильные, загорелые, со счастливыми улыбками, окружили они своего учителя и тренера и подхватили на руки — качать! Он с трудом отбивался от них, но было видно, что сам не меньше радуется победе своих ребят.

Когда прошли первые минуты всеобщего ликования, к Вадиму Николаевичу подошла молодая учительница — классный руководитель побежденных митковичевцев, протянула руку:

— Оксана Рутковская, — сказала она, сдержанно улыбаясь. — Поздравляю вас с победой, коллега! Победа убедительная, мои хорошо начали, но...

— Не хватило пороха, — подсказал Вадим Николаевич. — Пусть знают: в районе у них есть серьезные противники.

— Кто мог догадаться, что именно в Ляховичах они!

Вадим Николаевич крепко пожал протянутую руку, и как-то само собой получилось — задержал ее в своей...

Хороша была Оксана! Статная, лицо белое, большие карие глаза, темные волосы до плеч. И хоть одета просто, но все казалось на ней нарядным, все шло ей.

Потом они отправились в столовую обедать. Разговаривались. Оказалось, Оксана преподает немецкий в старших классах. Конечно, нашлось много общих тем, и разговорам не было конца.

Так они подружились. Девушка пригласила Вадима к себе домой, познакомила с родителями.

Очень понравилась ему Оксана. В ней удивительно сочетались милая серьезность и рассудительность с веселостью. У нее был свой самостоятельный взгляд на многие, казалось бы, непререкаемые истины. Нередко она проявляла не женское упорство в желании докопаться до сути того или иного вопроса. Они часами могли спорить по поводу прочитанной книги или захватившего обоих кинофильма... Порой Вадим не мог сопротивляться ее доводам и доказательствам и сдавал свои позиции, что называется, поднимал руки вверх. Вот какой была эта девушка, на вид такая нежная и мягкая.

Они с нетерпением ждали лета, мечтали поехать вместе на Кавказ. Этот такой далекий от Белоруссии уголок родной земли манил их крутыми горными тропами, бурными водопадами, снежными вершинами и синими просторами никогда не виданного моря. Манила их и романтика тех мест, где бывали в свое время Пушкин и Лермонтов, Толстой и Куприн.

Уже были отложены деньги на дорогу, почти собраны вещи. И неожиданно...

Выпускной вечер кончился под утро, но расходиться ребятам не хотелось. Все отправились к озеру. В Полесье много озер, маленьких и больших, в Ляховичах тоже было свое озеро. Решили встретить на берегу восход солнца. Всем казалось, что встреча нарождающегося дня была символична. Это была встреча с их новой, самостоятельной жизнью. Ребята мечтали о том еще неведомом, новом — и трудном и радостном, — что ожидало их впереди.

Разве могли они знать, что им выпала другая судьба...

Солнце выкатилось из-за леса как-то неожиданно. Все закричали, захлопали. Кто-то даже с пафосом воскликнул: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Не ведали они тогда, что с запада тем временем наплывала на мирную советскую землю зловещая черная туча. Война!

Через месяц фашисты уже были в глубине Полесья.

Появилось непривычное, страшное слово «оккупация». По пыльным дорогам, по улицам шли, четко печата шаг, рослые солдаты в железных касках, мчались мотоциклы, громыхали танки... Люди затаились в тревоге и ожидании. Может, все это временно — на день, на неделю, на месяц?..

Но проходили дни, недели, месяцы... Минул год, дру-

гой. Вадим ушел в партизаны, думал взять с собой и Оксану, но она решила иначе.

В последнее время они виделись совсем редко, и это невольно отдалило их друг от друга.

Как-то, еще на первом году оккупации, они случайно встретились в Митковичах на центральной площади. Мимо шагали в серо-зеленых мундирах гитлеровцы, искоса поглядывали на пригожую девушку. А она, как нарочно, поддразнивала их — весело и громко смеялась.

— Ты не боишься их? — спросил Вадим.

Оксана вскинула голову:

— Пусть они меня боятся!

— Они ведь наглые и жестокие. Прошу тебя, будь осторожнее, Оксана.

— Ну, против наглости тоже есть защита.

Вадим с грустью смотрел на Оксану.

— Ты не думаешь, что нам нужно чаще видеться? А то пройдет еще время, встретимся вот так же случайно и друг друга не узнаем...

Оксана улыбнулась, покачала головой, но ничего не ответила. В глазах ее он заметил какую-то настороженность, что ли? Казалось, она вообще мало обращала внимания на окружающее. Удивительно даже, что она остановилась и заговорила с ним. Он ведь выглядел довольно странно: в старых, стоптанных ботинках, мятом пиджаке, в кепке, которая явно была ему велика. Возможно, прежнее чувство вспыхнуло в ее душе, а может, это просто девичье любопытство? Вадим вдруг подумал — неужели они настолько разные? Как же раньше он этого не видел? Сейчас перед ним стояла совсем иная Оксана: яркий маникюр, накрашенные губы и нарядные лакированные туфельки. Все это казалось неуместным на пыльной площади, да еще рядом с его нечищеными растоптанными ботинками.

— Чем ты теперь занят? — поинтересовалась Оксана небрежно.

— Школа закрыта, ты же знаешь. С отцом землю пашу. Сеем, косим... Но это не жизнь, а существование.

Она спросила его в упор:

— А если пойти в полицию?

Он оторопел:

— Что же я там буду делать?

— Как что? Форму получишь, права некоторые. Ты же неглупый человек, образованный. Неужели тебе надо подсказывать?

«Вот так совет, — чуть не крикнул Вадим. — Она что, издевается надо мной?..»

— Боишься формы?

— Я уже вижу, куда ведет эта форма...

Оксана окинула его пронзительным взглядом:

— Чудак ты, чудак! Нужно же как-то приспособляться...

— Ага, говоришь — приспособляться. — Ему вдруг показалась ненужной и мерзкой и эта встреча, и ничемный этот разговор с нею.

— Знаешь, Оксана, видно, мы перестали понимать друг друга. Скажи, пожалуйста, а откуда у тебя все это? — Конечно, он имел в виду не только ее дорогие обновки.

— Откуда? Немцы любят хорошо жить и умеют жить... Я ведь была в Берлине.

— В Берлине? — переспросил Вадим Николаевич упавшим голосом. — Кто же тебя пустил туда?..

Оксана передернула плечами:

— Я же переводчица. Дело было одно...

— Неужели все это правда, Оксана?..

И тут что-то бывшее, прежнее мелькнуло в ее взгляде:

— Вадимка, мальчик мой наивный! Оглянись, подумай... А то будет поздно.

— Если я наивный дурак, то ты обыкновенная дрянь и приспособленка! — возмущенно выкрикнул Вадим. Он плюнул ей под ноги, резко повернулся и пошел не оглядываясь.

Так неожиданно война развела их в разные стороны.

Через несколько дней, раздобыв винтовку, ушел Вадим к партизанам. Лесные братья приняли его, молодого, энергичного, с радостью и через некоторое время доверили возглавить диверсионную группу. А вскоре среди бела дня загорелась митковичская станция. Взрывчатки у партизан не было, поэтому танки, что стояли на платформах длинного состава, они облили керосином и подожгли. Партизанам пришлось как можно быстрее ретироваться. Вадим хорошо знал станцию и ближайшие прилегающие к ней дворы, это и спасло группу.

В другой раз партизаны подорвали минами железнодорожное полотно, и путь Митковичи — Калиновичи надолго вышел из строя.

Вадим воевал храбро, даже отчаянно, не жалея себя. Душевная рана, нанесенная ему Оксаной, оказалась глу-

бокой, кровоточила. Он только сейчас понял, как любил ее и верил ей, как глубоко вошла она ему в душу. Одно было непонятно: откуда же у нее это отвратительное, страшное, этот животный инстинкт приспособленчества?..

Часто ночью в партизанском шалаше вспоминал он все, что было между ними: первую встречу во дворе школы, на соревнованиях, и нескончаемые споры на лугу, что у омута... Он помнил даже все щербинки на ее крыльце, где они часто сидели, возвращаясь из кино. Вадим перебирал в памяти каждую ее фразу, припоминал выражение лица, жесты, характерную усмешку... Вспоминались капризные, бездумно-задиристые и самонадеянные слова ее и поступки. Тогда это казалось мимолетным, случайным...

И — на тебе! — минул один год войны — и Оксана совсем другая, словно ее подменили. Захотела спокойной жизни и даже бравировать новым своим положением. Немецкая переводчица! Конечно, фашисты видят ее старательность и не преминут ею воспользоваться. Даже возили в Берлин. Надо же!.. Значит, не сомневаются в ее преданности.

Он мысленно представлял, как Оксана ходит среди немцев, говорит с ними, улыбается им... Какая нелепость! Оксана, его Оксана — и предательство! Собственная беспомощность доводила его до бешенства. Он гнал и не мог прогнать Оксану из своих мыслей. Она будто стояла перед глазами — но та, прежняя, не такая, какой он видел ее в последнюю встречу на митковичской площади. Он видел ее в ситцевом сарафанчике, ласковую, милую... Его Оксану...

Как же вразумить ее? Как отнять ее у врагов? Он стискивал голову руками и ничего не мог придумать. Может, еще раз встретиться? Но это, пожалуй, трудно, особенно теперь — прорваться в Митковичи днем без аусвайса * невозможно.

Враги как огня боятся партизан, а сейчас особенно бдительны. Написать ей письмо? Может, даже пригрозить? Вадим Николаевич прикидывал и так и этак, строил самые невероятные планы.

Ночами, когда он лежал в партизанском шалаше на подстилке из елового лапника, эти планы представлялись ему выполнимыми. Но вот наступал день, и все, что придумывалось ночью, казалось глупым и несурраз-

* А у с в а й с — пропуск (нем.).

ным. Никаких писем он Оксане, разумеется, не писал, встреч с ней не искал.

Но случилось непредвиденное.

Очередное задание выйти на «железку» он самовольно, на свой страх и риск, перестроил: изменил план и маршрут похода. Часть бойцов послал на перегон между станциями Белёво и Старушки, а сам с лучшим своим другом Иваном, нагрузившись толом, решил добратъся к ночи до Митковичей.

Немецкая комендатура занимала в местечке одноэтажный оштукатуренный особняк. Там и работала Оксана. Вадим решил, что наилучшим образом он докажет ей свою правоту и силу, если взорвет ненавистное здание. Пусть доверчивая Оксана знает, какое шаткое и ненадежное положение у ее покровителей.

План решено было осуществить ночью. Комендатура охранялась часовыми с улицы, с парадного входа. Вадим уже однажды был тут и тщательно изучил все подходы к дому. Пробирались дворами и огородами. За высоким дощатым забором между деревьями угадывалось приземистое кирпичное здание. Перемахнули через изгородь, мягко спрыгнули на землю. Ступали осторожно и тихо, ни одна веточка под ногами не хрустнула. Наконец, вот они, стены комендатуры. Взрывчатку заложили под угол дома, надежно приладили бикфордов шнур, подожгли, а сами — назад, в темноту, на потайные тропы.

И внезапно зловеще и гулко раздался взрыв на всю округу.

Диверсия удалась. Но на железной дороге ребят из группы Вадима постигла досадная неудача. Они даже не добрались до рельсов — наскочили на немецкий патруль. Чудом не погибли, а двое получили ранения. Вернулись бойцы в отряд уже под утро — усталые, злые. Начальство пыталось выяснить, почему провалилась операция, но бойцы, не желая подводить своего командира, не сказали о своем участии во взрыве комендатуры.

Когда в отряде узнали о нем, партизаны удивлялись: кто же тот смельчак, что отважился на такой дерзкий шаг? Даже с подпольщиками связались, но те ничего конкретного не могли ответить. Решили, что этот безымянный герой действует в одиночку и ни с кем не связан.

Ну и струхнули немцы после взрыва! Перевернули всю округу, но храбрец как в воду канул.

Комендатуру немцы перевели в другое здание, что на самом краю Пролетарской, раньше там был детский сад. Весь двор обнесли тройным рядом колючей проволоки, построили бункеры с широкими амбразурами, на вышки поставили охранников.

Вадим живо, с удовлетворением представлял себе, как на следующее утро после взрыва пришла Оксана на работу. Вот небось испугалась, когда увидела одни развалины! Интересно, о чем она подумала в это время, что говорила? Неужели взрыв не потряс ее, не посеял в душе сомнения? Не заставил трезво и правильно оценить обстановку?..

Интересно, где она теперь, в эту ночь, в эту минуту, когда он не смыкая глаз лежит и думает о ней?.. Может, и она не спит. Может, и ей не так уж сладко жить на свете? Попала в самое логово фашистов, видит и понимает их звериное нутро, их жестокость и цинизм, но все еще держится около них, работает с ними... И снова каждое утро спешит на работу. Туда, за колючую проволоку, к фашистам. «Ох, Оксана, Оксана...» Вадим прикрывает глаза и силится заснуть.

* * *

— Вадим Николаевич! Вставайте, — слышится тревожный голос.

Ах, как хочется спать, хоть бы досмотреть удивительный сон, узнать, чем же он кончился?.. Летели кони, храпели испуганно и несли вперед седока, похожего на ребенка. Но оказалось, то был не ребенок, а Оксана. Но одета как-то необычно — в шапке, в фуфайке... Он хотел что-то крикнуть, остановить горячих коней. И тут этот голос... Ах, зачем он зовет, отрывая от любимой, а она громко хохочет ему в лицо и кидает цветы. А кони летят, летят...

Вадим Николаевич очнулся и почувствовал, как Алесь тихонько треплет его за рукав. Он открыл глаза, приподнял голову.

— Еще ведь совсем рано, зачем ты меня разбудил?

Но Алесь настойчив.

— Вставайте, вставайте! Посмотрите, что-то на озере плывет... Какое-то бревно.

Теперь Вадим Николаевич окончательно просыпается, и они выбираютя наружу.

На робком утреннем свету слабо поблескивают капли росы на траве. Они выходят на самый берег озера, останавливаются за ольховым кустом. Алесь протягивает руку:

— Вон, видите...

Вадим Николаевич всматривается в озерные просторы.

— Не обходил берег?

— А как же, — оживляется Алесь. — Ничегошеньки Я надеялся, что лодку увижу. Нет...

— Пожалуй, это бревно случайное, — решает учитель. — Зря ты...

— А если поближе посмотреть? Можно? — Алесь умоляюще заглядывает в лицо Вадиму Николаевичу

— Вода холодная. Не побоишься?

— Вот еще! — Алесь стал торопливо раздеваться.

— Только осторожно плыви, чтобы было тихо.

— Знаю. — Алесь бросил одежду на траву и, зябко поеживаясь от холода, вошел в воду. Бесшумно работая руками, быстро поплыл широкими саженками. Довольно близко от него размеренно покачивалось на волнах бревно.

Учитель посмотрел на восток, определяя, скоро ли выглянет солнце. Небо было чистым, высоким, где-то в самой его глубине уже загорелись первые лучи утренней зари. Ветер усилился, волны забились о берег.

Алесь уже возвращался назад. Его голова то поднималась, то опускалась вместе с волнами. А прямо перед ним двигался неизвестный предмет. Обломок разбитой лодки? Эх, остался бы жив тот смельчак! Авось и придумали бы что-нибудь все вместе...

Алесь уже близко. Волны напоследок ласково шлепают его по спине. Вот и песок под ногами. Алесь выбирается из воды, встряхивается, бросает на берег трофей — весло.

Вадим Николаевич внимательно разглядывает находку. Весло крепкое, с коротким древком.

— Не ошиблись мы с тобой, Алесь, — тихо сказал учитель. — Выходит, погиб человек. И лодка затонула.

— Пробивался через туман на север, — натягивая рубашку на мокрое тело, вслух рассуждал Алесь. — Значит, к партизанам.

— Ясно, к партизанам. Погиб и тайну с собой унес.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Оксана мельком взглянула в зеркало. Поправила выбившуюся волнистую прядь. Усмехнулась — недурна дивчина. Что ж, она может быть собой довольна: держится строго, острая на язык, офицеры с ней почтительны и даже пытаются ухаживать.

Работы в комендатуре немало. И с каждым днем все прибавляется. Это из-за партизан. Боятся их немцы, панически боятся. Пленных зверски истязают, таскают на допросы, стараются вытянуть сведения о численности отрядов, о предстоящих операциях...

Особенно изощряется ее шеф, комендант гарнизона Вильгельм Циммер. Он даже перед ней демонстрирует свое усердие, будто хочет доказать, как он верно служит Гитлеру и фатерланду. Каждый допрос пленных — настоящая мука для нее, тяжело ей видеть, что делается вокруг. Все труднее сдерживаться.

Сегодня она решила не выходить на работу — прикинуться больной. Но утром за ней заехал сам господин Циммер.

— Фрейлейн Оксана, ваша помощь необходима. Вчера захватили разведчика — нужно его допросить.

— Где захватили, в лесу?

— Нет, в местечке. Прошел бандит через все наши посты.

Оксана равнодушно пожала плечами:

— Может, это совсем и не разведчик, просто обыкновенный крестьянин заблудился...

— Ну, был бы обыкновенным крестьянином, не болтался бы ночью на огородах.

— Что же у него нашли?

— Ничего.

— Без оружия — и разведчик? Вы шутите, господин Вильгельм. Заставляете меня, больную, подняться неизвестно ради кого.

— Фрейлейн Оксана, не мне вас учить. Эти русские могут прикинуться кем угодно. Отсутствие оружия может быть маскировкой, на случай провала. Я считаю: всех их надо расстреливать без всяких допросов.

— Господин Вильгельм, вы очень жестоки, а это вас не украшает.

— Не будешь жестоким — проиграешь войну! Мой фюрер учит отбросить прочь химеру человечества — жалость. Чтобы господствовать над миром — а нам богом дано такое право, — нужно быть твердым и жестоким к врагам, не бояться крови и убийств. Помнить — все для рейха!

— Ну, господин Вильгельм. Как спокойно вы говорите о таких вещах. Мне делается страшно. — И Оксана передернула плечами.

— Продолжим наш разговор в машине, — непривычно сухо сказал Циммер.

В машине после неприятного разговора оба молчали. Циммер сидел впереди с подчеркнуто официальным видом. Оксана задумчиво смотрела в окно, ею овладела непонятная тревога.

Черный «опель» заскрипел тормозами, остановился. Комендант с важностью открыл дверцы кабины. Оксана молча пошла вперед, мимо молоденького часового, застывшего у входа с автоматом на груди, застучала туфельками по ступенькам высокого крыльца.

В комнате она опять почувствовала непонятное беспокойство. Что с ней? Неужели на нее так подействовал этот неприятный разговор с шефом?

Оксана сидела за отдельным столиком вместе с Лидой, секретаршей Циммера. Лида деловито стучала на машинке. Руки у нее белые, пухлые, лицо румяное — кукла, да и только. Немецкие офицеры наперебой ухаживают за ней, приглашают на вечеринки. Но Оксана знает: у Лиды только личико кукольное, а девушка она серьезная и неглупая. Лида чем-то нравится ей, есть в ней что-то настоящее.

Стенные часы пробили девять. Открылись обитые черным дерматином двери кабинета коменданта. Офицер в черном кителе подал Оксане знак рукой — мол, шеф ждет.

Оксана не торопясь спрятала сумочку в ящик стола, поправила светлую кофточку, глянула мельком в окно. На дворе в небольшом палисаднике старые яблони покачивались на ветру, трепетала листва, сквозь которую виднелись краснобокие яблоки. Совсем как когда-то, в той, довоенной жизни... Постоять бы под яблоней, послушать тишину, собраться с мыслями.

А она немало передумала за последнее время. После того как кто-то подорвал немецкую комендатуру, она вдруг ясно представила себе, что могло ожидать ее, ока-

жись она там. Шеф нередко вызывал ее на ночные допросы. А ведь партизаны могут подослать человека, который подкараулит ее и... Страшно, так страшно погибнуть от руки своих.

Может... И она вздрогнула от возникшей догадки. Может, пойманный разведчик как раз и есть тот человек, которому было поручено ликвидировать ее? Он же и те люди, что его послали, не знают, почему она пошла служить к немцам. Она должна была, обязана войти в доверие к врагу, а потом...

В доверие она вошла, а вот «потом» все еще не наступало. В чем же дело, что случилось?

...Первые дни войны.

Горят Митковичи. Жители спешат эвакуироваться со своим небогатым скарбом — много ли унесешь на себе, — пробираются к станции, боясь не успеть к эшелону, специально сформированному для беженцев. Наконец подали паровоз. Он ждет сигнала к отходу. А кругом рвутся бомбы, на речке Птичь горит переправа.

Оксана тоже решила бежать от немцев. Наскоро собрала рюкзак, схватила кошелку, кое-какие продукты и побежала на станцию. Как в тяжелом, страшном сне медленно брела она по перрону, всматривалась в раскрытые двери теплушек. Людей в теплушках — яблоку негде упасть, но беженцы все прибывают — в основном старики и женщины с детьми, — торопливо лезут в вагоны, суетятся, громко плачут детишки...

Оксана остановилась на самом краю платформы.

— Товарищ Рутковская!

Девушка обернулась на голос, увидела Рубиса, секретаря райкома партии. Она хорошо его знала.

— Иван Иванович, добрый день! И вы тут?

— Как видишь. Семью отправляю. — Он глянул в сторону станционного домика. — И чего тянут? Дождутся, что бомбами закидают.

— Ой не говорите так. Тут же дети... — Оксана смущенно улыбнулась. — Вот и мне бы надо... Только смотрю — всюду полно...

Рубис еще нестарый человек, с умными навыкаты глазами, всегда спокойный и выдержанный. Даже и сейчас, в этой людской толчее и суматохе, он сохраняет хладнокровие. На нем полувоенный френч, перехваченный ремнем, бриджи и хромовые сапоги, на голове кепка.

— Я тебя, товарищ Рутковская, признаюсь, искал. Через райком комсомола.

— Искали? Зачем?

— По серьезному делу. — Он взял ее под локоть, повел в сторону от толпы.

Пронзительно загудел паровоз.

— Иван Иванович, эшелон может уйти.

— Пусть идет!

— Так мне же нужно...

— Что тебе нужно, давай подумаем вместе. Эвакуация твоя отменяется.

— Как же так?..

— Такой приказ, товарищ Рутковская. Мой и партии нашей приказ.

Оксана молчала, все это было так неожиданно, но где-то в глубине души...

Они стояли на платформе. Мимо двигались, стучали буферами вагоны, поезд медленно набирал скорость. Горестная это была картина — провожать эшелон. Плакали, причитали в вагонах и на платформе, и уезжающие, и остающиеся — все что-то кричали, махали друг другу, о чем-то просили...

Рубис побежал за вагоном, в котором ехали его жена и дети. Увидятся ли они когда-нибудь, надолго ли это прощание?.. Но вот перед ним прогромыхал последний вагон. Грустно проводил он его глазами. Потом побрел к багажному зданию, около которого стояла Оксана.

«Только бы добрались, только бы не попали под бомбежку», — думал он.

Оксана будто прочитала его мысли:

— Скоро заведут. А ночью фашисты не летают.

Рубис с грустью покачал головой. Он повернулся к Оксане:

— Им не закажешь. Так вот, дорогой товарищ, какие у нас козыри? Пока никаких. Однако все зависит от нас. Только от нас.

— Конечно, от нас, — кивнула Оксана, поправляя рюкзак.

Рубис спросил:

— Куда ехать-то собралась?

— Вы же знаете, эшелон шел в Гомель. Значит, и я туда. А там видно было бы.

— Хорошо, что я тебя перехватил. Нам такие люди нужны. Молодые, энергичные, надежные.

— Я слушаю вас, Иван Иванович.

— Дай-ка мне твой мешок. Пойдем вместе. А то нагрузилась... — Рубис высвободил плечи девушки от лямок, снял рюкзак.

— А смогу я? Иван Иванович?

Рубис усмехнулся.

— Это как раз по твоим силам и возможностям. Слушай, товарищ Оксана. Дело это серьезное и ответственное.

...Дороги до дома Рутковской хватило, чтобы рассказать ей, что от нее требуется в этот суровый для Родины час.

Она должна была прежде всего остаться здесь, в тылу, войти в полное доверие к фашистам, пробраться в их среду. Было оговорено одно условие — решительно порвать с близкими знакомыми, чтобы ее сотрудничество с немцами выглядело естественным и логичным. Ни одна душа не должна знать правду.

— Придет час, и мы возвратимся к тебе.

Оксана молча слушала. Спросила только:

— Вы тоже остаетесь?

— Да, остаюсь. Но жить буду, конечно, не в Митковичах, в другом месте. Где — не спрашивай. А человек, что придет от нас, скажет пароль. Запомни его: «Девушка, привет от дядьки Селивона». Ответ: «Что-то он не показывается у нас. Может, болеет?» — «Он здоров как дуб». Видишь, механика несложная. Запомнила?

Оксана шепотом пересказала текст.

— Как ты должна тут жить и действовать, думай сама. Вот и все. Теперь давай прощаться. У меня еще дел невпроворот. Счастливо тебе, товарищ Оксана. — Рубис отдал Оксане рюкзак и обеими руками крепко пожал ей руку.

...С тех пор минуло почти два года. Много всякого произошло за это время, много крови людской пролилось, много слез. Но главное — это бьют фашистов! На фронте — бойцы, в тылу — лесные их братья — партизаны. Уже советские самолеты бомбят Берлин. Об этом рассказывал сам шеф.

Оксана устала ждать вестей от Рубиса. Где он, куда подевался? Почему не дает о себе знать? В чем же тогда смысл ее работы у врага? Кому нужна ее конспирация? Люди смотрят на нее с презрением и ненавистью. А Вадим... Она хорошо понимала, что ее служба у фашистов в любой момент может обернуться непоправимой бедой...

«Ну, это еще посмотрим!» — тряхнула она головой и направилась в кабинет.

— Фрейлейн Оксана, садитесь, — услышала она тихий, вкрадчивый голос коменданта. — Перед вами тот бандит, о котором я вам рассказывал. Займемся им. Мне кажется, это интересный тип.

Внезапно тишина кабинета взорвалась далекими разрывами. Зазвенели стекла в окнах.

Циммер усмехнулся, закинул ногу за ногу.

— Это «заговорил» полковник Фридрих Носке, — многозначительно кивнул он в сторону окна, — слышите, фрейлейн? Спросите этого бандита, знает он полковника Носке?

Оксана посмотрела на арестованного. В стороне, у стены стоял, опустив голову, крепко сбитый человек.

Он внезапно, как бы очнувшись, резко поднял голову и пристально взглянул на Оксану. Она не выдержала этого взгляда, отвела глаза в сторону. «Боже мой! Это же отец Алеши Годуна. Он, кажется, работал в милиции. Как же сюда-то попал?..»

Циммер начал задавать вопросы. Обычные, стандартные. Оксана старательно переводила.

Федор Годун отвечал, что никакой он не разведчик, не бандит, как его называет пан комендант, что он жил у матери в селе Липки, а когда началась блокада, вместе со всеми беглецами спрятался в лесу. Сейчас у них нет никаких припасов, начался настоящий голод, вот он и решил пройти местечко, достать у знакомых хоть немного картошки или хлеба, чтобы спасти семью.

— Фрейлейн Оксана, — с усмешкой сказал комендант. — Послушаешь его — прямо ангел! Какой же он бедный, несчастный. Только о семье думает. А кто комендатуру взорвал? Кто? Отвечай, ты-то уж знаешь, — закричал он и стукнул кулаком по столу. — И еще скажи, сколько таких, как ты, бандитов гниет заживо в болоте? Нам нужно знать точно. Понимаешь, полковник Фридрих Носке хочет это знать. А он не умеет и не хочет шутить. И Вильгельм Циммер, — комендант ткнул пальцем себе в грудь, — его старый добрый друг, тоже человек решительный. Ответишь — отпустим. Будешь молчать — поиграем с тобой, как кошка с мышкой. Ха-ха-ха! Переведите это, фрейлейн! Как кошка с мышкой, понял?

Федор Годун молчал. Ох, как тяжело было сознавать, что провалил он задание. Поначалу, казалось, все шло

гладко: продуманы и маршруты и время, до мельчайших подробностей выверена легенда. Возможно, нужно было взять с собой пистолет. Тогда не дался бы так легко в руки в стычке с немцами на огородах. Живым или мертвым должен он был передать записку Оксане Рутковской, переводчице из комендатуры. Записку Федор вовремя проглотил, а вот как передать ей содержание ее? Он-то должен был явиться к Оксане домой в поздний час, а случилось так, что вот встретился с ней в кабинете капитана Циммера. Федор вспоминал текст, мысленно повторял его. Он не терял надежды, что, может, как-нибудь все обойдется и он выпутается из этого опасного положения... Против него улики нет, документы в порядке, он без оружия... Федор лихорадочно соображал, как лучше повести себя. Водить за нос коменданта, мол, знать не знаю, ведать не ведаю, никакой я не партизан, прицепились незнамо за что к бедному человеку...

А если все обернется гораздо хуже, чем он думает, есть у него шансы на побег? Хоть бы окно оставили открытым, проклятые фрицы. Силы ему не занимать, да и ловкости хватит. Сиганул бы в окно.

Нет, это несерьезно. Комендатура надежно охраняется, капитан вооружен. Около дверей стоит солдат с автоматом.

Так неужто конец? Примириться с судьбой — что будет, то будет? А там, в лесу, ждут его с нетерпением, с надеждой. Знают, что Федор Годун — человек смекалистый. Вот тебе и смекалистый! Как подвел своих! Ведь остаются считанные часы... Надвигается на блокадников катастрофа! Фашисты никого не пощадят, да никто и не примет их пощады. Будут вешать, расстреливать, бросать живыми в ямы, давить танками... Нет, надо действовать! Только действовать. Что-то немедленно надо придумать.

Федор пристально взглянул на Оксану. Если бы она поняла его! «Меня послали к тебе с письмом. От дядьки Андрея... Мы должны поговорить. Не будь равнодушной. Посмотри мне в глаза. Почувствуй мою боль и тревогу...»

И Федор вдруг решил.

— Слушай внимательно, — твердо, с отчаянием проговорил Годун. — Привет тебе от дяди Селивона. Он приказал... Знаешь, кто? Письмо у меня к тебе..

Девушка вздрогнула: вот оно, наконец! Нахмурилась. С досадой сказала:

— Да, я учила вашего сына, хорошо с вами знакома. Но, пожалуйста, держите себя пристойно. Учтите, за вашу грубую ругань вы ответите.

Комендант обеспокоенно сдвинул брови. Оксана повернулась к нему, объяснила:

— Господин Вильгельм, этот человек напомнил мне, что я учила в школе его сына, он считает, что я обязана помочь ему, попросить милости у господина коменданта. Видали, чего захотел?

— Фрейлейн Оксана. Я же вам сказал, что это не простой тип. Чувствую, что у него найдется немало интересного для нас. Видите, какие у него глаза? Как у тигра. Так продолжим допрос. — Капитану не терпелось вытянуть хоть что-нибудь у арестованного. Тогда он сразу позвонит полковнику Носке. Они сегодня договорились собраться вечером в ресторанчике, где будут танцы под радиолу. Носке обожает вальсировать с Оксаной. Конечно, капитану не очень приятно такое внимание к его переводчице. Да что сделаешь? Носке — командир карательной дивизии. Он на хорошем счету у берлинского начальства, сам фюрер знает его. Возражать ему в чем-либо просто неразумно. Впрочем, Носке будет здесь недолго. Разгром партизан в районе Буян-озера, кажется, близится к концу. По окончании операции ожидаются награды и повышения в чинах. Носке, конечно, не должен обойти и его, капитана Циммера, доложит в ставку фюрера. И тогда Вильгельм Циммер приладит к мундиру погоны майора. А там, пожалуй, недалеко и чин полковника...

Все это, конечно, мечты. Но как они заманчивы! Будь он полковником, не сидел бы он в этой дыре, название которой и не выговорить, а вполне мог быть комендантом большого города, скажем, Гомеля или Минска.

«Комендант Гомеля полковник Циммер», — неплохо звучит. Там масштабы деятельности совсем иные. Там у него все будет иначе, с настоящим размахом. Его будет сопровождать эскорт мотоциклистов, он будет инспектировать воинские части, выступать с речами перед офицерами. Он будет чувствовать себя в какой-то мере хоть и маленьким, но фюрером...

— Хайль Гитлер! — крикнул вдруг капитан Циммер, забыв про все на свете. Солдат у дверей вытянулся в струнку:

— Хайлы!

Оксана вопросительно взглянула на взволнованного шефа. Что это с ним?.. Капитан пришел в себя, даже слегка сконфузился. И с прежней строгостью стал задавать вопросы арестованному.

А Федор тянул с ответами. Он понял, что Оксана толковала что-то фашисту про его сына. По ее лицу, правда, трудно было понять истинное ее отношение к нему, Федору, однако он приободрился — кажется, не выдала его Оксана, включилась в игру, им затеянную...

Ну конечно, она дает ему понять, что хочет узнать все. Что ж, надо и ей подыграть, чтобы сбить с толку этого фрица.

Федор, пристально глядя на переводчицу, заговорил быстро, как бы отвечая на вопросы коменданта:

— Говорю же вам, я не партизан. — И тут же, без перехода обращаясь к девушке: — Тебе приказано достать план блокады, ты сможешь. — И опять для перевода: — Я мирный человек, крестьянин. У меня же не нашли никакого оружия. Я никого не убивал. Про взрыв комендатуры первый раз слышу. — И снова перешел на свое, самое важное: — План не позже как через сутки пошли нам через моего Алешку. Скажи: его будут ждать за Буян-озером, в районе Лозовой хатки. Это приказ. Прими и выполняй. В тебя верят. Если не исполнишь... Об этом также знай: я сделал, что мог. А начальнику своему передай, ничего не скажу, потому что ничего не знаю.

Оксана спокойно выслушала Годуна. Лицо ее осталось холодным, бесстрастным, чуть-чуть только побледнело. Кивнув при последних словах арестованного, она повернулась к Циммеру.

Федор замер. Неужели он ошибся в ней? Он очень рисковал, открываясь вот так, сразу, на первом же допросе. Конечно, он знал и уважал молодую учительницу своего сына. Но то было раньше, а теперь? Что стало с ней теперь? Неужели она окажется не той, прежней? Ведь в ее руках не только судьба его, Годуна, но и сына Алешки. Узнай обо всем комендант, несдобровать парню, тут схватят его, будут бить, пытаться... Алеша, сынок... Где он теперь? Живет и не знает, какой отчаянный у него батька! «Может, отдал я его жизнь в чужие руки. Но другого выхода у меня не было... А если ошибся, простят ли меня дядька Андрей и товарищи — партизаны?..»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они все еще долго стояли на берегу. Будто ждали кого-то. Алесю казалось, что человек в лодке не погиб, что он вот-вот покажется из воды, выйдет к ним на остров. Тогда бы они узнали, куда и зачем он так торопился, рискуя жизнью. Но вокруг все было тихо, только волны неторопливо накатывались на берег. Казалось, это славное утро наступило, чтобы принести радость. Но вот на северном берегу озера раздался пушечный выстрел. За ним последовал второй, третий... Вскоре все кругом загрохотало, задрожала земля.

Алесь увидел, что высоко в небе со стороны Митковичей шел по направлению к болоту самолет.

— Фашисты, — прошептал парнишка, — не спится им, не сидится. Интересно, бомбовоз это или разведчик?

— Сейчас увидишь.

Самолет был уже над самым болотом. Издали он казался огромной хищной птицей.

— Хоть бы наши сбили его, — шептал Алесь, — небольшая ведь высота, можно и из винтовки.

Вадим Николаевич вздохнул:

— Видно, партизаны берегут патроны. Да из винтовки его, пожалуй, не собьешь. Эти «юнкеры» бронированные.

— А если в трос попасть, который хвостом управляет? Небось сразу клюнул бы носом.

— Конечно, клюнул бы. Можно сто раз целиться, а попадания не будет. Не так все просто, как кажется.

— Эх, если бы я был там, на болоте, и с винтовкой! Прицелился и как бы дал!

— Мечты, мечты... — грустно сказал учитель. — Нам много чего хочется, Алесь, да видишь, как дело-то обернулось... Ну хватит об этом! Я, к примеру, ясно знаю, чего мне хочется сейчас. Я есть хочу, у меня во рту пересохло.

— А у меня живот к спине прирос! — горько усмехнулся мальчик.

— Корзину-то закончил? Нам рыба нужна, хлопче. Хоть сырую, а будем есть.

— Осталось немного, пойду доплету, — ответил Алесь, с трудом отрывая взгляд от самолета. — Смотрите-ка, бомбы не бросает, значит, шпионит, выведывает.

— Фашисты, видимо, готовятся к решающему удару. Хотят знать, где наши главные силы.

— Может, уже наши вырвались? Сегодня ночью...

— Если бы вырвались, враги не послали бы самолет.

— Э-эх! Партизанам тяжело, и нам не легче, — с досадой махнул рукой Алесь и поплелся к дубу.

Самолет широкими кругами ходил совсем низко, над самым болотом. Казалось, искал места для посадки и не находил.

Вадим Николаевич понаблюдал за ним, а потом подошел к березе, к стволу которой было прислонено весло. Оно, легкое, с широкой лопаткой, уже почти просохло, стало бело-серым. Эх, была бы у них лодка или хоть сухое бревно... Вечером, в темноте, можно было бы переправиться на ближайший берег. Надо еще раз походить по острову, поискать подходящую колоду.

И Вадим Николаевич в который раз отправился на поиски.

Вскоре он вышел к еловой роще. Сквозь нее виднелась мощная крона Черного Дуба. На солнечной, сплошь усыпанной хвоей полянке он остановился, прислушался. Совсем рядом зашуршали кусты. Наверное, Алесь возвращается. И правда он. Над головой держит корзину.

Алесь опустил ее и взялся за сумку.

— Вадим Николаевич, находка! — Он запустил руку в сумку и достал ржавое лезвие лопаты.

— Где раздобыл?

— У Черного Дуба в песке увидел эту железяку! Правда, здорово? Я ее отчищу. Она пригодится!

— Слабовата, — потрогал руками Вадим Николаевич, — однако в хозяйстве, как говорят, сгодится. Положим ее здесь. — И он спрятал лопату под сосновый корень. Хотел приткнуть туда же и весло, но Алесь напомнил:

— А чем рыбу будем гонять? Берите с собой!

Со стороны болота опять слышались далекие взрывы. Вадим Николаевич и Алесь каждый раз прислушивались к ним. Оба молчали, не высказывали своих мыслей вслух, но каждый думал об одном и том же: неужели положение партизан еще более усложнилось?

В стороне, за густым, по-осеннему красочным ракитником, синела вода. Там была затока, к ней и повернули рыболовы. С этой, подветренной, стороны озеро спокойное, тихое.

Вадим Николаевич в который раз оглядел водную

даль: а вдруг покажется там, на горизонте, случайная лодка? Но кругом было пустынно.

Алесь, будто прочитав его мысли, сказал:

— Никого, как вымерло все. Блокада есть блокада.

— Тише, хлопче, рыбу спугнешь. В этом уголке наверняка должны быть окуни. Осторожно заходи сбоку, поставь плетенку в устье затоки, а я на тебя пойду.

Держа корзину наготове, Алесь мелкими шажками побрел по воде в конец затоки. У самого берега вспучились маленькие водяные бугорки — рыбешки уплывали, почуяв шум. Добыча уходила! Но это мелюзга, жалеть не стоит. В самом устье Алесь утопил плетенку в воду, приладил ко дну, крикнул:

— Готово!

Учитель с веслом в руках торопливо спустился к воде. Из зарослей камыша выскочили окуньки. В тот же миг возле серой осоки забурилась вода. «Вот здесь, должно быть, большая», — подумал Вадим Николаевич.

— Алесь! К тебе рыбина пошла!

Вода закипела, забурилась. Рыбина, напуганная поднявшимся шумом, метнулась назад и с размаху плюхнулась под ноги учителю. Это был сом — массивный, с широкой приплюснутой головой. Вильнув хвостом, стремительно развернулся и бросился к устью, но не рассчитал и выскочил на берег.

— Лови! — закричал Алесь и кинулся на помощь Вадиму Николаевичу.

Тот замахнулся было веслом, но Алесь его опередил — он упал на сома, стараясь прижать его, не дать ему уйти назад в воду. Но сом был сильным, он рванулся и выскользнул из-под мальчика.

— Ах ты, холера! — крикнул с досадой Алесь.

— Держи его! — Вадим Николаевич уже спешил на помощь.

Алесь хотел ухватить сома за жабры, но тот, почуяв родную стихию, плеснул хвостом, да так, что сам перевернулся, и был таков.

Вадим Николаевич попытался отрезать сому дорогу в озеро. Но тот, словно торпеда, блеснув черной глянцевиной спиной, ушел в глубину.

Алесь, кряхтя, поднимал со дна пустую корзину.

— Такая была добыча! Проворонили, — негодовал Вадим Николаевич.

— Это я виноват, — сказал Алесь. — Был у меня под животом и, скажи, ушел...

— Оба мы зевнули, браток. Я не успел кинуться в воду. А тебе нужно бы сразу хватать его за жабры! За жабры!

— Я же хватал. Разве не знаю. Но он сильный, холера, небось на добрых полпуда. Вот откормился...

— В затоку зашел. Грелся, видно, на солнце. Какой случай упустили! Скажу тебе, хлопче, такого сома первый раз вижу.

Алесь показал пустую плетенку.

— Ни одной. Теперь снова надо ждать.

Они выбрались на берег усталые, злые. Вадим Николаевич сбросил мокрую одежду, выжал воду и хотел было повесить посушить на солнышке, но тут откуда-то сбоку послышались странные звуки.

Оба прислушались.

— Как будто сова кричит, — сказал Алесь.

— Какая сова? Это же Аллочка. Слышишь, хныкает. Видно, проснулась и испугалась, что нас нет. — Вадим Николаевич стал поспешно натягивать мокрые штаны. — А ну беги, приведи сюда. Надо покормить ее.

Алесь принес девочку на руках. Она все еще тихонько всхлипывала.

— Перестань, Аллочка! Ты только послушай, что я тебе скажу. Упустили мы сегодня рыбину... Вот такую! — Алесь рукой показал какую.

— Дай! — сказала девочка и снова приготовилась заплакать.

Вадим Николаевич наклонился к ней.

— Такая хорошая девочка не должна плакать. А ну, Алесь, отломи хлеба, дай Аллочке.

Алесь посадил девочку на траву, раскрыл сумку, пошарил в ней и выразительно посмотрел на учителя.

— Вот все, что у нас есть. — На ладони лежало несколько орехов и последний кусок твердого как камень хлеба. — Как будем делить?

— Отдадим девочке, — сказал Вадим Николаевич. — Наша еда, Алесь, осталась в озере. Поймаем — будет наша, не поймаем — что-то надо придумать.

Девочка, успокоившись, сосала сухарь, слезы сразу высохли.

Вадим Николаевич и Алесь были в тревоге: чем они все будут питаться? Одна надежда на рыбалку. И ведь сом был почти в их руках. И хотя огонь развести не-

чем, обошлись бы — на солнце бы подсушили, на ветерке повялили кусочками. Харч был бы что надо!

Алесь увидел, что девочка покончила с сухарем и смотрит на него вопросительно.

— Нет, видишь, больше нет!

— Нет, — повторила девочка и развела ручками. — Дода, нет?

— Вот тебе и Дода! — засмеялся Алесь. — Конец нашему богатству. Вот видишь, опустел наш склад. — И он помахал пустой сумкой.

Вадим Николаевич сказал мечтательно:

— Вот если бы снова сом забрался в затоку, мы бы уж его не пустили.

Он опять разделся, взял плетенку и, крадучись, стал пробираться по затоке к устью.

Немного погодя Алесь заколотил по воде ногами и веслом. Когда подняли корзину, на дне ее трепетало несколько плотвичек.

Вадим Николаевич сказал разочарованно:

— Ну и добыча. Только на угощение коту!

— Будет хороша и нам, — рассудил Алесь. — Аллочка, смотри, что я тебе покажу. Интересное-интересное...

Девочка заковыляла к воде.

— Не подходи! — закричал Вадим Николаевич. — А то упадешь!

Оба вышли на берег, вытряхнули плотвичек на песок. Рыбешки запрыгали, забились.

Аллочка потянулась к ним. Но рыбешки не давались, выскальзывали.

— Дода! — пожаловалась девочка Алесю.

— Вот как нужно ловить. — Алесь схватил рыбку за голову. — Видишь, какая красивая! Плавники красненькие, хвост тоже красный!

Вадим Николаевич острым сучком разделал плотвичек, соскреб чешую и положил рыбешек на песок, на солнце.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Допрос Федора Годуна продолжался уже больше часа. Циммер негодовал, грозился застрелить партизана на месте, бил Федора по лицу, — а рука у него была тяжелая — это все знали, не только арестованные.

Потом Циммер начинал почти спокойным голосом уговаривать Годуна выдать своих товарищей. Он обещал, что тут же отпустит его на все четыре стороны, даже прикажет доставить его домой в служебной машине, иначе...

— Ты, наверное, догадываешься, что тебя ожидает?.. Лучше говори.

Годун молча сидел на табуретке, низко опустив голову. Когда его били, он не стонал, лицо было строгим, решительным, почти спокойным. Он чутко прислушивался к тому, что говорила Оксана. Девушка пока его не выдала. А это уже обещало какую-то надежду. К какому же выводу она придет? Как поступит? Неужели не захочет впутываться в такое опасное дело? Осторожная девушка. Ни одним движением, ни одним словом не показывает своего истинного отношения к словам Федора.

Но как же все-таки помочь своим? Они там в полной неизвестности, ждут его. На возвращение нет никакой надежды. Даже в самом лучшем случае Оксана вряд ли сможет помочь ему в этом...

Зазвонил полевой телефон. Комендант снял трубку, по голосу узнал — звонит Фридрих Носке.

— Будет сделано, мой полковник, — сказал он.

Федор услышал, как в трубке загудел неприятный решительный голос — голос, который привык приказывать.

— Слушаю, все понял. — Циммер кивал, прижав к уху трубку. Потом он аккуратно положил ее на рычаг, вытащил из кармана платок, вытер потный лоб, шею и, бросив быстрый взгляд на арестованного, проворчал: — Русский свинья. Бандит... — И крикнул: — Связать его! — Эти слова он хорошо знал по-русски.

Солдат кинулся исполнять приказ коменданта. Он схватил Федора за воротник, рывком поднял со стула, толкнул к дверям.

— Пашель!

В комнате наступило тягостное молчание.

Комендант пристально посмотрел на Оксану и сказал отчетливо, со значением:

— Вас немедленно просит к себе полковник. Около комендатуры стоит его машина. Доброго вам настроения, фрейлейн!

«Кажется, пронесло...»

— Благодарю, капитан, — сдержанно ответила Оксана и вышла из комнаты.

Полковник встретил Оксану на улице. Поцеловал руку, улыбнулся. Когда подъехали к зданию штаба, он любезно открыл дверцы «опеля», помог ей выйти.

— О, господин полковник, зачем беспокоиться. Я сама, — смущенно сказала девушка.

Полковник усмехнулся:

— Я умею ценить хороших людей, дорогая фрейлейн. Я знаю, вы преданный нам человек, очень нужный человек. Германия вас не забудет. Мы все верим — вы тоже, надеюсь, — что наша победа близка. Нас ведет к ней наш фюрер. — Полковник вытянулся и выбросил вперед руку. — Отходы наших частей — это временное отступление, слово чести немецкого офицера, дорогая фрейлейн, — временное! Там, в фатерланде, скажу по секрету, готовится одна интересная штучка... Видите, фрейлейн, как я откровенен с вами.

Полковник Фридрих Носке был в отменном настроении.

Оксана насторожилась, слушала полковника, ожидая, что он скажет что-то важное, стоящее. А он разглагольствовал о своей преданности фюреру, расхваливал Берлин, куда ему в ближайшее время предстоит поездка в ставку с особым докладом.

Оксана понимала намеки полковника: он был уверен в успешном завершении карательной операции, за что получит награду. Ей вспомнился Федор Годун, вспомнились его слова: «Тебе приказано достать план блокады. Ты сможешь». Она не могла забыть об этом. И о том, какие глаза были у него в тот момент!..

Оксана не могла знать подробного плана блокады, не знала даже, где его найти, как завладеть им, чтобы потом переправить партизанам... Надо попробовать выведать у полковника, как идут дела по ликвидации партизанского соединения. Оксана доверительно взяла полковника под руку.

— Господин полковник, — начала как бы между прочим, — как я понимаю, добрые дела вершатся не только в Берлине, но и тут, в районе Буян-озера.

— О, конечно, фрейлейн, не утаю: моя дивизия держит партизан в кулаке. Мертвой хваткой! Через несколько дней вот здесь, — он кивнул в сторону площади, — будем вешать главного партизанского бандита... как его зовут... дядьку Андрея! Вы знаете его? Видали

когда-нибудь? — Он быстро взглянул в лицо Оксаны.

— К сожалению, нет, — спокойно сказала она.

— Тем лучше для вас. Понимаю, женщины жалостливы, нервы слабые.

Оксана подняла голову:

— Я твердая, не боюсь. Между прочим, господин полковник, твердости научили меня вы, немцы.

— Вы не делаете открытия, фрейлейн. Мы учим весь свет, как нужно жить, и научим — уверяю вас...

— Но меч и бомбы все же, пожалуй, не лучшие средства... — не удержалась Оксана. Но полковник не заметил ее колкости.

— Вы правы, милая фрейлейн. Мы не брезгуем ничем в достижении цели, запомните это. Гитлер — великий человек! Мы завоюем с ним весь мир. Хайль!

— Правда, здесь этому немного мешают партизаны, — кокетливо улыбнулась Оксана.

— О, вы умеете шутить! Ценю такое качество у людей, а у вас особенно, милая фрейлейн. Но чего стоит ваша шутка, вы сейчас убедитесь сами. Я экстренно вызвал вас на один интересный разговор, чтобы получить самые свежие и самые полные сведения о положении в партизанском логове.

— Через меня? Боже упаси, я ничего не знаю и знать, признаться, не хочу!

— Дело в том, — продолжал уже совсем другим тоном полковник, — что оттуда прибыл наш агент. Прошу вас, будьте при этом разговоре. К сожалению, он не говорит по-немецки. Вот вы нам и поможете понять друг друга.

— Всегда рада, господин полковник.

Они вошли в просторный, залитый солнцем кабинет с высокими окнами. У окна стоял стол, прикрытый стеклом. На столе, как обычно: телефон, письменные принадлежности, справа — серая коробка рации. К столу был приставлен еще один небольшой столик, на нем — ваза с цветами и блюдо с крупными яблоками. Тут же бутылки с коньяком и шампанским.

Носке подвинул Оксане кожаное кресло. Сам уселся напротив, спиной к окну, забарабанил по столу длинными белыми пальцами.

— Ну как, фрейлейн Оксана, нравится вам тут? Знаете, я люблю комфорт, порядок, уют, если хотите...

Девушка кивнула полковнику, удобно устроилась в кресле. Рассеянно взглянула на большую карту,

сплошь утыканную флажками. Она висела на стене прямо перед ней, около высокого коричневого сейфа.

— Хотите знать положение на фронте? — перехватил ее взгляд Носке. — Оно, слава богу, стабилизировалось. Моя дивизия стояла вот тут, под Брянском. Там мы создали надежный оборонительный вал. Русские разобьют себе лбы, когда сунутся сюда... О, я и забыл, — спохватился Носке, — пробуйте яблоки, милая фрейлейн. — Он протянул ей вазу. — Берите, пожалуйста, это, кажется, называется «Белый налив»? Чудесный сорт! У нас, в Германии, такие не растут. Да, земли у вас здесь великолепные! Как это называется... Чернозем? Да?

— Благодарю, господин полковник, — улыбнулась Оксана и вежливо, но твердо напомнила: — Нам, как я понимаю, предстоит работа, и очень важная. Я к вашим услугам, господин полковник!

— Хорошо, — Носке бросил пытливый взгляд на девушку. — Вы правы. У нас все еще впереди: и честование и подарки.

Он незаметно надавил под столом кнопку. Потом налил воды в стакан, отпил несколько глотков, вытер губы белоснежным платком.

Дверь отворилась, и в кабинет тихонько вкатился круглый, как бочонок, человечек. Ему было лет тридцать — тридцать пять, одет во все новое, хорошо пригнанное к его плотной фигуре. Он почтительно снял серую кепку, низко поклонился. Волосы у него были рыжеватые, легкие как пух. А брови черные, густые.

Оксана приготовилась.

— Вот что, — сразу начал полковник. — Давайте разберемся в обстановке. Бандиты еще живы? — Он саркастически усмехнулся.

— К сожалению, еще живы, господин полковник, но уже съели и коров и лошадей. Видел при одном отряде собак — их учили бросаться под танки. Когда добирался сюда, снова был в этом отряде. Но собачек что-то не услышал. Видать, их зажарили...

Полковник расхохотался:

— Скоро, я думаю, сами себя жрать начнут! Скажи... — Он запнулся, припоминая имя агента.

— Егор Климчук, — подсказал тот.

— О, Климчук. Красивое имя. Так вот, господин Климчук, как я понимаю, у партизан дела плохи,

Мы разбросали листовки, предлагали сдаться. Обещали жизнь, возвращение на место жительства.

Климчук сделал скорбное лицо:

— Они об этом даже не думают, господин полковник. Я пробовал подбить некоторых, говорил им, чтобы бросали оружие, шли домой... Ни один не согласился. Даже старики упрямятся. Они же все фанатики, господин полковник, с ними тяжело бороться.

— Ну зачем так пессимистично! Сила на нашей стороне. Сломим упрямцев: с голоду не сдохнут — бомбами закидаем. Хайль Гитлер!

— Хайль! — с готовностью подхватил агент.

— Ну вот, это другое дело. Мы не можем не победить, ибо с нами Гитлер!

— Я полностью с вами согласен, господин полковник.

— Так вы говорите, есть им нечего. На что же они тогда надеются? На бога, на черта? Как думают жить дальше?

Агент наклонился к полковнику, заговорил шепотом, скороговоркой, так что Оксана с трудом поспевала за ним:

— Они сооружают гать в районе Гнилого Брода: видно, думают выбраться из болота и податься в Климовицкую пушу.

— Гнилое болото? — переспросил Носке. — Это что-то новое. Где оно, надо уточнить. Мы пошлем самолеты, ударим артиллерией. Да-а, значит, их дела совсем плохи. — Он достал из ящика стола карту, развернул ее, потянулся за синим карандашом. — Господин Климчук, покажите мне точно, где это, в каком месте.

Агент подошел к столу.

Оксане хотелось рассмотреть карту, но она ничем не выказала своего любопытства. Носке сразу же заметил бы это, истолковал бы по-своему. Пожалуй, замкнулся бы и не стал откровенничать с ней. Она не должна допустить до этого и хоть чем-либо поколебать доверие полковника.

— Гнилой Брод вот здесь, господин полковник, — ткнул пальцем в карту Климчук. — На северной стороне болота Комар-Мох. За ним идут острова, вот они, с вашего позволения. Тут рукой подать до хуторов Шершни и Дуплянка. А дальше, за ними, глухая

Климовицкая пуща. Вот сюда и хотят пробраться лесные бандиты. Тут уж их ничем не достанешь...

— Хутора Шершни и Дуплянка? — переспросил полковник, глядя на карту. — От грунтовой дороги в двадцати километрах. У нас здесь нет никакого прикрытия. Все становится ясным как день, господин Климчук. Мы уж постараемся залатать эту прореху. Они не знают, какую кашу варят. Так у вас говорят, фрейлейн Оксана? Им ее не скушать. Да? — К полковнику опять возвращалось хорошее настроение. — Сколько же в болоте осталось бандитов?

— Много их, господин полковник. — Климчук наморщил лоб. — По моим подсчетам, их там не меньше пяти тысяч. Из оружия они имеют около десятка минометов, четыре пушки, противотанковые сорокапятки, ну и конечно, винтовки и автоматы. С боеприпасами у них туговато.

— И беженцы там же с ними, в болоте? А их приблизительно сколько?

— Точно сказать не могу, господин полковник, но тысяч семь, думаю, наберется.

— Значит, в болоте Комар-Мох двенадцать тысяч? Счет солидный. Металла на них придется потратить немало... Значит, Климовицкая пуща... Гать...

— Вот и весь мой доклад, господин полковник, — угодливо улыбнулся Климчук и встал по стойке «смирно».

Полковник улыбнулся:

— Вести для нас весьма своевременные. Хайль Гитлер!

— Хайль! — Агент потоптался в нерешительности. — Какие будут дальнейшие указания, господин полковник? Я могу идти?

— Разумеется, — рассеянно бросил Носке.

Однако, как только агент повернулся и сделал шаг к дверям, как бы спохватился:

— Постойте, Климчук!

— Слушаю, господин полковник! — Агент снова вернулся к столу, лицо его выражало крайнее внимание.

— Мы будем сжимать наш стальной кулак. На вас же возлагается важная задача. Я думаю, вы успешно справитесь с ней. — Носке встал из-за стола, подошел к агенту, дружески похлопал по плечу.

— Принесите мне, господин Климчук, голову этого,

как его — дядьки Андрея... Мы посадим ее на кол здесь, на площади. Понимаете, как это будет символично?!

Климчук испуганно спросил:

— Господин полковник шутит? Мне, одному?..

— Не будем же выписывать из Берлина для такой операции Отто Скорцени, а?

— А кто такой этот Отта? — пролепетал Климчук в полной растерянности.

— Вы не знаете? — удивился Носке. — Напрасно. Если бы был здесь Отто Скорцени, он с удовольствием взял бы на себя эти хлопоты. Скорцени, мой дорогой, это... словом, у нас в фатерланде Отто Скорцени — агент номер один. Любимец фюрера.

Климчук забормотал:

— Дядька Андрей, как вы изволите выразиться, фигура популярная. Охрана у него надежная, проникнуть к нему в штаб трудно...

— Разумеется, мой дорогой, — хмуро перебил Носке. — Я это знаю не хуже вас! Тем более. Даю вам сроку три дня. 12 сентября в 12.00 жду вас с трофеем. Помните, вас ожидает большое вознаграждение — и не только денежное, вы получите землю, как это говорят у вас, имение. А главное — личную благодарность фюрера, может быть, даже крест...

Климчук вздрогнул, побледнел.

Полковник похлопал его по плечу:

— Теперь можете идти, господин Климчук. Хайль Гитлер!

— Хайль! — вскинул руку Климчук и выскочил из кабинета.

Полковник захохотал. Он был доволен, что так ошеломил агента. Вернувшись к столу, обратился к Оксане:

— Видите, фрейлейн, как тяжело приходится на войне. Нужно думать и думать. Создавать планы и тут же перечеркивать их. Без жалости посылать людей на смерть. Кстати, как вы думаете, принесет этот человек голову бандита?

— Может быть, принесет, — пожала плечами Оксана. Она теперь хорошо представляла обстановку в районе блокады, знала, как тяжело приходится партизанам. Но как выведать у полковника точный план карательной экспедиции? Карта с его пометками лежит совсем рядом на столе. Стоит только руку протянуть.

Но как ее скопировать?.. Однако обстановка изменилась, полковник будет корректировать карту. Что же делать? Оксана стиснула руки. Попробовала сосредоточиться.

А полковник был явно доволен. Что ни говори, а вести получены важные. И главное — вовремя. Не проврутся, не выскочат бандиты из окружения. Либо передохнут от голода, либо сдадутся в плен. И командир их, этот дядька Андрей, будет в его руках. Живой или мертвый. Полковник представлял себе, как фюрер пожимает ему руку и вручает Рыцарский крест. Самую высокую воинскую награду! Неужели это не сбудется?.. Но почему же нет? Нужно только хорошо постараться. Ковать железо, покуда оно, как говорят русские, горячо.

Оксана понимала хорошее настроение полковника. Зато ей стало совсем тревожно. Подумать только: двенадцать тысяч людских жизней в руках этого человека!.. Необходимо заполучить карту... А может, обойтись и без нее? Написать, скажем, записку. Расспросить Носке, узнать их планы... Задача труднейшая...

— Фрейлейн Оксана! — услышала она как сквозь сон голос полковника. — Мы хорошо с вами поработали... Бог к нам, как видите, милостив. Помнится, мы договорились: сегодняшний вечер вы дарите мне. В двадцать ноль-ноль я заеду за вами. Хайль Гитлер! — Носке привычно вскинул руку, что в данной ситуации было несколько неуместно.

Оксана устало поднялась с кресла и заставила себя мило улыбнуться.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В пять вечера Оксана была уже дома. Она так устала за день, что хотелось только одного: броситься на кровать и заснуть.

Небольшой дом, где жила она с матерью, находился почти на окраине, довольно далеко от центра города, как раз на углу двух аккуратных зеленых улиц, обсаженных липами и кленами. Почти каждый дом окружен садом и огородом. Сюда не доносится городской шум, здесь спокойно и по-деревенски уютно. Изредка пройдет машина или затарахтит мотоцикл, а потом снова тишина. Вечерами, с наступлением темноты, ходить по городу за-

прещалось. Приказ строгий, нарушителю — расстрел. Многие из местной молодежи разъехались по хуторам, многие подались к партизанам. Обе подружки Оксаны, Наташа и Галка, живут через дом от нее, на той же Восточной улице, но никакой дружбы теперь они с ней не водят. Девчата не хотят встречаться с переводчицей из немецкой комендатуры.

...Оксана подошла к окну. Раскрыла его настежь. Легла грудью на низенький подоконник, заглянула в палисадник. Припомнился прошедший день, напряженный, тревожный. Что стало с ней? Где ее выдержка, умение владеть собой, хладнокровие? Годун передал ей партизанский приказ. Сегодня она видела немецкого агента, Егора Климчука. И вот теперь ей предстоит выполнить приказ, найти верное решение. С чего же начать?.. Собственная ее судьба, жизнь ее не будут иметь для нее никакой цены, если она не исполнит свой долг патриотки...

Так, значит, сегодняшний вечер ей придется провести в обществе Фридриха Носке. Придется быть веселой и приветливой, стараться понравиться ему, вызвать на полную откровенность. Возможно, что-то у нее и получится, а если нет? Тогда пропадут целые сутки! Но карта, карта! Легко сказать — раздобыть... А что, если передать... Шальная, дерзкая мысль пришла ей в голову! Не нужна карта. Можно обойтись и без нее...

Оксана глубоко вздохнула. На листке, вырванном из школьной тетради, тут же, на подоконнике, написала несколько слов и выбежала на улицу. Она постояла возле дома, поглядывая на дорогу. Наконец она увидела знакомого соседского мальчишку.

— Володя! — позвала Оксана парнишку. Тот остановился, удивленно поднял голову.

Оксана спросила:

— Ты знаешь, где живут Годуны? У них еще хлопчик Алеша, в седьмом классе учился, а?

— Худущий такой, конопатый?.. Ну, знаю.

— Слетай к нему, скажи, чтобы быстро вышел к Соловьиному яру, к дикой яблоне. Я там его буду ждать. Хорошо?

Володька согласно тряхнул белесым чубом и побежал по улице.

Когда Оксана спускалась по узкой вертлявой тропинке в глубокий, заросший травой лог, она сразу уви-

дела у дикой яблони Алешу Годуна. Даже удивилась: как быстро он явился на ее зов.

Мальчик сидел на земле, прислонившись спиной к стволу дерева. Увидев учительницу, он вскочил на ноги, оглянулся. Видно, чувствовал, что встреча не случайная. Тайная встреча.

— День добрый, Алешечка! — сказала Оксана, беря его за обе руки.

— Ой, а вы сильная, — улынулся Алеша и уже серьезно посмотрел на нее, ожидая, что она скажет.

— Алешечка! — наклонилась к нему Оксана. — Я сегодня видела твоего батьку, разговаривала с ним.

— Видели батьку? Где?

Как ни больно было Оксане, она сказала твердо, словно призывая к твердости и Алешу:

— Он арестован. Сегодня его допрашивали.

Парнишка прикусил губу и потупился, пряча глаза. Потом переспросил глухо:

— Арестован?.. Когда и как, Оксана Прокопьевна?.. Его что, расстреляют? — спросил он тихо, изо всех сил сдерживая подступавшие слезы.

Оксана вздохнула:

— Могут и расстрелять. Он партизанский разведчик, понимаешь?

Алеша стоял не шелохнувшись, не поднимая головы, и смотрел в одну точку.

Оксана поняла, что сказала лишнее, и стала успокаивать его:

— Ты, Алешечка, пожалуйста, не волнуйся. Я знаю одного человека, он хочет заступиться за твоего отца. Может, и выручит из беды.

— Тато... — прошептал мальчик. — А он убил хоть одного фашиста? — вдруг спросил Алеша уже громко.

— Когда его брали фашисты, он был без оружия, для маскировки, понимаешь? Не было никакой стрельбы.

— Я же ему такой пистолет передал! Браунинг. В обойме семь патронов, семерых сразу можно убить...

— Алешечка, может, это к лучшему, что не убил. Придет его время...

— А я бы на его месте стрелял, — сказал твердо мальчик. — И не надо бы никакой тюрьмы.

— А ты, я смотрю, храбрец.

— Я тоже уйду в партизаны. Жаль, отец не взял с

собой. Теперь сам уйду. У меня даже пулемет есть, — похвалился он.

— Зачем ты мне рассказываешь об этом? А если я немцам передам? Ты же знаешь, где я работаю. И тебя арестуют.

— Не-е, не скажете. Разве я не вижу: вы совсем не такая, как про вас говорят.

— А что, очень плохо обо мне говорят?

— Плохо, Оксана Прокопьевна, очень плохо. — Алеша поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Оксане. — Вы тоже пойдете к партизанам, — убежденно сказал он. — Ведь пойдете?

Оксана смутилась от этого внимательного и требовательного мальчишеского взгляда.

— Вот и хорошо, Алеша, считай, что с этой минуты ты партизан.

Мальчик усмехнулся невесело. Оксана взяла его за плечи:

— Слушай внимательно, что я тебе скажу. Ты — партизан, и я даю тебе первое ответственное задание. Учти, оно не терпит промедления.

— Какое еще задание? У меня пулемет. Я сделаю на дороге засаду. Увидите, сколько убью фашистов...

— Пулемет, Алеша, пустишь в ход после, когда получишь приказ. Тебе нужно сделать другое. Сегодня ночью или завтра пораньше ты должен переправиться через озеро к болоту Комар-Мох. Лодка у тебя есть?

— Нет.

— Найди. Отцепи с прикола любую. Вот тебе записка. Ее нужно вручить партизанам. Задание неотложное, Алешечка. Согласен? Выполнишь?

— Выполню, Оксана Прокопьевна. Только вот лодку...

— Этим теперь и займись. Чтобы до вечера был готов... Ну, партизан, дай руку...

Алеша протянул ей руку, и Оксана крепко, по-мужски ее пожала.

— Смотри не попадись! Если что — уничтожь записку. Понял?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

После рыбалки Алесь и Вадим Николаевич выбрали солнечное, безветренное местечко и отдыхали, удобно устроившись на сухой траве. Рядом возилась Аллочка.

Она ползала по траве, пытаясь поймать кузнечиков, — их здесь было множество. Изредка пролетали стрекозы, поблескивая слюдяными крыльями. Девочка потянулась к ним, позвала:

— Дода, Дода!

Алесь откликнулся на зов, подполз к девочке и ловко прихлопнул ладонью большую зеленую стрекозу. Девчушка с опаской разглядывала ее, но взять боялась.

Вадим Николаевич смотрел на то, как Алесь развлекает девочку, и эта мирная картина совсем не вязалась с его тревожными думами. Тревога эта граничила с отчаянием. Он искал и не находил выхода из создавшегося положения. Конечно, все усложнялось из-за девочки. С ней рисковать было опасно.

Но план переправы с острова все-таки есть. Что они имеют в наличии? Весло. Теперь нужно построить хотя бы небольшой плот. Бревен и отдельных жердей на острове не было — это они с Алесем хорошо проверили. На крайний случай наломали несколько охапок камыша, сложили их на восточном открытом берегу острова — пусть подсыхают. Если камыш связать с сухим валежником, получится устойчивый, на одного человека плот.

Необходимо хотя бы одному из них добраться до берега. А там легче найти лодку. На всю подготовку к отплытию уйдет не менее трех суток. А за это время, понимал Вадим Николаевич, многое может случиться на острове. Например, немцы могут обстрелять остров, могут приплыть на лодках, чтобы осмотреть его и использовать для каких-то своих нужд. Ну хотя бы переправить сюда на первое время пленных партизан. Добрая тысяча людей уместится на острове...

Думы эти все больше тревожили, едва не доводя до отчаяния. Одно ясно: нужно быть начеку, опередить любую опасность. Из головы не выходил тот человек в лодке. Может быть, тело его вынесут волны и прибьют на берег...

Вадим Николаевич поднялся, накинул на плечи пиджак.

— Куда вы? — спросил Алесь.

— Смотри за ребенком, не выходи на берег. Помни, нас могут увидеть в бинокль... Я отойду ненадолго, посмотрю, не прибьет ли к берегу труп погибшего? Может, что найдется при нем...

— Ладно, — согласился Алесь,

Вадим Николаевич в этот раз обследовал берега особенно тщательно. Восточный берег высококат и хорошо просматривается. Вадим Николаевич осмотрел довольно большой отрезок береговой линии, но ничего нового не заметил. Берег был то ровным, словно отрезанным под линейку, то извилистым, с небольшими затоками. Мелкие волны набегали на песок, оставляя на нем белые узоры пены.

На северной стороне острова идти было тяжелей, приходилось продираться через густой лозняк. Отсюда хорошо просматривалась часть болота. Слева, вдали, на синем небосклоне четко выделялась зубчатая стена леса. Там же ползли по небу черные шлейфы дыма, часто вздрагивала земля: обстреливали партизан. «Тяжко приходится дядьке Андрею, ох как тяжело... И где-то же, в каком-то месте есть у немцев слабина, может, есть даже оголенные участки. Вот бы и ударить туда. И образовалась бы горловина. Через нее можно бы вывести партизан из окружения».

Внезапно в небе загудел самолет. Он летел, как и вчера, низко, над самым горизонтом. «Из бронебойного бы ружья тебя, голубчик... — подумал учитель. — Но вряд ли у партизан есть бронебойные ружья».

Продравшись через лозняк, учитель вышел к самому берегу. Прямо перед ним покачивалась на легких волнах почерневшая доска. Он вытащил ее на песок и стал разглядывать. Сомнения не было: перед ним лежал кусок от борта погибшей лодки. На доске были вырезаны три буквы — ЗПС — видимо, инициалы владельца. Вадим Николаевич вздохнул, провел по буквам рукой. Кто же такой этот неведомый ЗПС? Что за человек он был — веселый или грустный, жизнерадостный или мрачный, добрый или злой?..

Учитель прихватил с собой доску, благо она была не тяжела, и зашагал дальше. Берег круто поворачивал на запад. Вдали к нему приткнулся пловун, тот самый, который несколько дней служил домом ему и Алесю.

Теперь чаще стали попадаться неглубокие низинки и болотца с ржавой водой. Идти было тяжело, но Вадим Николаевич был тверд в своем намерении обстоятельно обследовать берег. В одном месте песок был вытопан. Рядом, в воде, торчали три рогатые палки. Не было сомнения, это место облюбовали рыболовы. Вон, в стороне, около густой молодой елочки, черное пятно на земле — след от костра.

Вадим Николаевич мысленно представил себе ночлег рыболовов. И будто запахло костром, густой рыбной юшкой... И сразу подступила дурнота, в глазах потемнело. Пришлось постоять несколько минут — страшно было пошевелиться. Потом слабость прошла, и он направился дальше. В кустах нашел жестяную банку из-под червей. Подумал: «Какая-никакая, а посудина, пригодится» — и прихватил с собой.

Уже завиднелась мощная вершина Черного Дуба, за ним лесок, а за леском их полянка.

Солнце клонилось к западу. Ветер усилился, судорожно затрепетали ветви деревьев, загудели вершины старых сосен. Над озером кружил коршун. Он поднимался все выше и выше, парил, лишь изредка взмахивая крыльями. Внезапно до слуха учителя донеслось:

— А-у-у, а-у-у!

Голос будто Алеся. Кого он зовет? Может, стряслось что? Вадим Николаевич бегом бросился на голос, к полянке. Там никого не было. Вот та березка, возле которой он лежал, пригорок, на котором бегала девочка. Никого нет. Странно...

И снова слышался усиленный эхом голос Алеся:

— А-у-у, а-у-у, Аллочка!

«Ну вот, еще не хватало этой беды! Девочка потерялась!» — Вадим Николаевич прислонил к березке зинтовку, бросил на землю доску и жестянку и побежал в ту сторону, откуда слышал Алеся.

Они встретились на узенькой тропинке. Лицо у Алеся было испуганное и, кажется, даже заплаканное.

— Что случилось? Говори скорее.

Алесь виновато заморгал.

— Заснул я, понимаете, заснул как убитый. И Аллочка спала. А проснулся — нет ее. Как сквозь землю провалилась. Уж минут десять зову — не откликается. Может, кто здесь был и забрал ее, а?..

— Все может быть. Но я ведь весь остров обошел и никого не встретил. И озеро пустынно. Если кто и был — оставил бы следы, примятую траву... На всякий случай поищем.

Они тщательно осмотрели полянку, кусты — никаких следов не было.

В одном месте Алесь остановился как вкопанный.

— Вадим Николаевич, смотрите!.. Кажется, не ваша нога тут ступала.

Учитель присел у песчаной тропинки.

— Твоя правда. Но один след еще ни о чем не говорит. Если еще окажутся, тогда будем точно знать, что на острове кто-то есть.

Они разошлись в разные стороны, запетляли по тропинкам, вокруг кустов и полянок. Алесь даже осматривал высокие деревья — не прячется ли кто в густой кроне. Ему казалось, что кто-то есть на острове и пристально следит за ними.

Вдруг Алесь увидел перед собой маленький песчаный островок среди травы. Подошел, всмотрелся и... увидел след.

— Вадим Николаевич. А-у-у! Сюда, ко мне!

Зашуршали кусты, и учитель осторожно приблизился и присел возле Алеся.

— Видите, — прошептал мальчик, — след. От копыта... Свежий. И не один. Вот еще, еще...

Вадим Николаевич взгляделся в следы.

— Не иначе свинячие. Слушай, а может, тут дикий кабан проходил? Тогда...

— Что тогда? — встревожился мальчик.

— Напугает девочку.

Только теперь дошло до Алеся, что может случиться... Не дай бог, если и в самом деле на острове оказался дикий кабан. Забрел небось сюда зимой по озеру и, отрезанный водой, остался здесь на все лето.

— Аллочка, ау-у-у! — закричал он, и лесное эхо подхватило его голос.

Но девочка не отзывалась.

Оба, не сговариваясь, снова вернулись к песчаной плешинке, присели на корточки, наклонились, разглядывая след. Сомнений не было: отчетливо виднелись отпечатки копыта.

Алесь заглядывал под каждую елочку, обследовал каждый куст, прочесал несколько раз густой осинник — девочка как в воду канула. Он уже добежал до Черного Дуба, обшарил все вокруг него. В сторонке росла целая семейка молодых елочек. За рощицей была полянка с пригорком — сюда он еще ни разу не выходил. Алесь осмотрелся и замер: на пригорке кто-то был, вернее, лежал — бородатый, взъерошенный. А рядом с бородачом лежала, подогнув ножки... Аллочка.

Алесь оторопел. На острове человек. Похож на цыгана, только не черный, а бурый какой-то. Мальчик

не отважился показаться незнакомцу. Он нырнул назад, в ельник, и бросился со всех ног к учителю.

— Вадим Николаевич! — задыхаясь от быстрого бега, выпалил мальчик. — Аллочка нашлась.

— Где?.. Прямо гора с плеч!

— Вадим Николаевич, только она там не одна, с каким-то цыганом. Я его в траве не разглядел, одна башка видна, волосы всклокочены, торчат как рога.

— Что ты несешь? Какой цыган?..

— Не верите? Пошли. Винтовку прихватите..

Вадим Николаевич был озадачен. Всего ожидал, но такого... Оказывается, не одни они здесь, на острове есть люди... Но как попал сюда этот человек? Спасается от фашистов?..

Они зашагали к Черному Дубу.

У ельника Алесь пропустил учителя вперед. На поляну выходить не стали, спрятались в кустах. Отсюда все было видно как на ладони.

— Он там, за камнем, на пригорке, — шепнул Алесь.

Учитель выглянул из укрытия и сразу же увидел девочку. Но рядом с ней кто-то большой растянулся на пригорке, одна голова торчит и впрямь кажется рогатой. Пригляделся Вадим Николаевич попристальнее, да как захохочет.

— Вы чего? — испугался Алесь.

— Чего, чего... — Учитель от смеха не мог выговорить ни слова. Наконец, успокоившись, он дернул мальчика за рукав. — Проснись-ка, Алесь! Ну и навдумывал ты, братец! Ай да молодец, ай да разведчик! Ха-ха-ха! Ну-ка посмотри как следует на своего рогача!

Мальчик приподнялся на цыпочки, пристально всматриваясь в того, кого принял за цыгана.

— Ну, разобрался?

— Да это же коза! Вадим Николаевич, неужели коза?

— Кто же еще? Самая обыкновенная деревенская коза!

Они теперь уже не спеша направились к пригорку.

Коза заметила людей, вскочила на ноги, шарахнулась было в сторону и замерла.

— Ну, здравствуй, здравствуй! — Учитель похлопал ее по шее. — Так это ты нас так напугала? Откуда же ты взялась здесь? Жаль, рассказать не сумеешь!

Коза настороженно уставилась на него. Вадим Николаевич нагнулся — у козы отвисло набухшее вымя.

— Видишь, Алесь?

— Вижу! Выходит, к нам прибыло молоко! Ура! Надо будить Аллочку!

Девочку растормошили, она проснулась, захныкала было, но Вадим Николаевич схватил ее на руки, стал подбрасывать вверх.

— Ага, нашлась беглянка, нашлась! Мы уж думали, тебя кабан напугал, а ты пригрелась у теплого козьего бока и не подозреваешь, что тут рядом молоко. Сладкое, сладкое. Понимаешь! Мо-ло-ко.

— Дай! — Девчушка, наверное, знала, что означает это знакомое слово. Она тянулась к козе, совсем ее не боялась.

— Не забыла еще про молоко! — сказал Алесь. — Ну иди сюда.

Коза сама подошла к девочке, наклонила голову, не спеша стала щипать траву.

Вадим Николаевич сказал торжественно:

— Ну вот и собрались все вместе, даже коза теперь с нами. Ну пошли на свою полянку.

Они отправились в обратный путь. Впереди шел Вадим Николаевич с девочкой на руках, а за ними подгоняемая Алесем коза.

Пришли к своему шалашу и принялись хозяйничать. Алесь спустился к озеру, вымыл и начистил песком банку, и она заблестела, как новенькая.

Вадим Николаевич присел возле козы на корточки.

— Ну, господи благослови! — шутливо сказал он и стал доить козу. Она стояла не шелохнувшись. Вот в банку упали первые капли молока, затем полилась струйка. Вот уже полбанки наполнилось теплым жирным молоком.

— Теперь не пропадем! Спасибо нашей кормилице! Будем молоко пить, будем есть, будем за бороду козу трясти, да? — радовался Алесь.

Когда посудина наполнилась, Вадим Николаевич погладил козу, потом протянул девочке банку.

— Пей молоко, — подсказал Алесь.

Это были торжественные минуты. Аллочка крепко держала банку обеими руками и жадно пила.

Вадим Николаевич озорно подмигнул Алесю: живем, брат!

— Интересно, как она сюда попала?

— Как ни попала, а теперь наша. От фашистов люди спасались, ну и ее прихватили. А уж как на острове очутилась, один бог знает, как говорят! Может, люди и завезли, сами ушли в другое место, а ее почему-то не взяли... Вряд ли ее бросили, скорей всего сама потерялась.

Девочка не отрываясь пила молоко. Тоненькие белые струйки стекали ей на грудь, и Алесь не удержался, сказал строго:

— Ты аккуратней пей, не разливай.

— Дода, на! — Аллочка отняла банку от губ и радостно засмеялась. Потом опять припала к банке и запрокинула голову, допивая остатки молока.

— Молодец! — похвалил ее Алесь, забирая пустую посудину. — Расти большая, большая...

Вадим Николаевич снова подошел с банкой к козе.

— А теперь кому еще молока?

— Мне! — приложил ладонь к груди Алесь. — Я же отыскал след. Заслужил...

— Конечно, заслужил, — согласился учитель. — Только сам будешь доить.

Алесь растерялся:

— Ой, я не умею.

— Не дури. Не умеешь — так научись.

Пришлось мальчику взять банку и пристроиться возле козы. Она была совершенно спокойна, стояла смирно, только изредка помахивала головой. Видно, по характеру была миролюбивой.

...После сытного «обеда» все трое прилегли на траву отдохнуть. Рядом под тенистой елочкой жевала жвачку коза. Тишину нарушали только далекие, глухие взрывы да еле слышный шум прибора.

Алесь подсел поближе к учителю.

— Вадим Николаевич. Коза-то у нас без имени. Нужно ее как-то назвать, а то получается не по-хозяйски.

— Вот и придумай.

— Цыганочка — куда лучше, а?

Вадим Николаевич покачал головой:

— Цыганочка? Не подходит. Аллочка не выговорит.

— Ну, Манька?

— Пожалуй... А не назвать ли ее Катей? Это слово девочка знает, так обычно кукол называют. Как ты находишь?

— Конечно, хорошо! Эй, Катя, все жуешь? Тебе

нравится здесь? А ну, Аллочка, скажи, как зовут нашу козу: Ка-тя.

— Дода! — сказала девочка и вопросительно посмотрела на Алесь: — Дода.

— Не Дода, а Ка-тя.

— Ка-тя, — повторила девочка и радостно засмеялась.

— Получилось! Молодец! — захлопал в ладоши. — Ну-ка, еще разок: Ка-тя!

— Дода!

— Ка-тя!

— До-да! Ка-тя.

— Так вот, — закончил свой немудреный урок мальчик. — Нашлась и Катя, которая будет нас кормить и поить.

— Все устроится постепенно, — подтвердил Вадим Николаевич. — Теперь у нас и молоко и рыба...

— И еще рябина! — подсказал Алесь, кивнув на дерево.

— При нашем положении это целое богатство. Пока вопрос с харчами решен. Остается...

— Построить плот, — снова подсказал Алесь, — и мы станем настоящими колумбами. Поплывем искать землю...

— Поплывем воевать с фашистами, хлопче.

— А я что говорю? А как же Аллочка? Возьмем ее с собой на болото? Да и козу тоже.

— Нет, — покачал головой Вадим Николаевич. — Их высадим на берег. Отдадим людям... Ну что, принимается такой план?

— Принимается!

— Плот начнем строить сейчас же. А пока беги к Черному Дубу, посмотри на озеро со своего наблюдательного пункта.

Алесь убежал.

— И нам пора, Аллочка, на работу, — сказал Вадим Николаевич, поднимаясь. — Ты сиди, девочка, играй, а я здесь похожу.

Вадим Николаевич, держась неподалеку от ребенка, стал собирать сухие сучья и длинные обломанные ветки и складывать их в кучу. Если умело связать сучья с камышом, получится плот, который будет держаться на воде.

Отсюда, с полянки, хорошо виднелась верхушка Черного Дуба. Вскоре на ней замаячила знакомая

мальчишеская фигура. Алесь сидел на верхнем суку, крепко прижавшись к стволу дерева, почти слившись с ним.

Через некоторое время он вернулся на полянку, вытянулся в струнку по-военному перед учителем, четко доложил:

— На озере тишина и покой. Над болотом висит дымовая завеса. Артиллерии не слышно, самолеты не летают.

— Вольно, — улыбнулся Вадим Николаевич. — Картина ясна, только нам нужно знать обстановку через каждый час. Теперь тебе задача: надрать лыка. Вечером начнем вязать плот.

— Есть надрать лыка! — Алесь лихо козырнул и улыбнулся.

Все, кажется, налаживалось. Если ничто им не помешает, то не пройдет и суток, как они будут на свободе. Учитель уже прикидывал: до какого приозерного села пригнать плот, чтобы там немцев не было и можно найти лодку...

Занятый своими мыслями, Вадим Николаевич не забывал поглядывать на девочку. Она возилась в траве, что-то выискивая там, и лопотала сама с собой. Коза паслась возле дерева. Вдруг она столкнула прислоненное к нему весло и рогами притиснула к стволу.

«Не хватало еще, чтобы она сломала весло», — Вадим Николаевич поднял его, стал осматривать, искать трещину. Первым делом оглядел рукоятку, так как удар пришелся по ней. Рукоятка оказалась целой. Учитель взглянул на торец и удивился. Что такое? В центре его не то вставлен стержень, не то затычка. Вот это любопытно! Если затычка, зачем она тут? Дрожая от какого-то внутреннего возбуждения, он отомкнул от винтовки штык, примостился на камень и нетерпеливо начал расщеплять рукоятку.

Вадим Николаевич не ошибся — в ней была затычка. Он ковырнул штыком несколько раз, и затычка выскочила, упала под ноги. В рукоятке было небольшое отверстие, там что-то белело... Да это же клочок бумаги! Острием штыка Вадим Николаевич достал его, аккуратно разгладил на ладони. Сердце забилось часто. Почему-то оглянулся. Все было по-прежнему тихо, спокойно.

Бумажка мятая, в водяных потеках. Всего две

строки: «Егор Климчук — предатель. Он знает план блокады».

Стало ясно, куда и зачем спешил рыбак. Учитель понимал: эти две строки решают судьбу тысяч людей. Сообщение и так уже задержалось больше чем на сутки. Адресовано оно, конечно, дядьке Андрею.

...Егор Климчук? Кто такой? Он его что-то не припоминает и фамилии такой не слышал. Кто же послал записку и кто вез ее в лодке?.. Мудро придумано — спрятать в весло.

Вадим Николаевич снова засунул записку в рукоять весла, приладил на место затычку и позвал Алесю. Тот не заставил себя ждать. Через плечо у парнишки висели длинные лозины.

— Объявляется аврал. Весло-то наше, хлопче, с секретом. Внутри записка к партизанам. Понимаешь, записка! Ее нужно немедленно доставить в штаб дядьки Андрея. Иначе беда. Предатель у них действует. Выдает их планы фашистам. Нужно его немедленно обезвредить. Понимаешь, хлопче, как это важно?

— Еще бы не понять. Будем строить плот, Вадим Николаевич!

— Лозы ты, однако, надрал маловато, добавь-ка еще.

Они трудились неистово, вдохновенно. Вадим Николаевич подносил охапки валежника к берегу, тут же сортировал его по толщине и длине, ловко расстилал на воде снопики камыша, сверху накладывал сушняк, увязывал и переплетал все это лозинами. Алесь драл лозу в чаще, на болотце, под звон надоедливой мошкар. Он был весь забрызган грязью, руки в царапинах.

Прошло добрых два часа. Оба едва не валились с ног от усталости, но работы не прекращали. Понимали: дорога каждая минута. Ломило спину, дрожали ноги, но они пересиливали себя и не сбавляли темпа. Надо бы и перекусить — рыба-то уже подсохла и провялилась на солнце, но оба вспоминали записку и отгоняли мысли о еде.

Подумать только, целые сутки пропали напрасно. Если бы туман не рассеялся над озером, записка была бы в руках партизан. Они бы уже действовали. Схватили бы предателя Климчука...

Солнце опускалось все ниже. Со стороны болота опять раздались глухие взрывы.

Вадим Николаевич быстро и ловко, звено к звену, мастерил плот. Рядом посапывал, помогая ему, Алесь.

— Быстрее, хлопче, быстрее, милый. До темноты плот должен быть готов.

— Успеем! Хорошо, что камыш подготовили...

— Хорошо, что ты весло нашел!

Алесь покраснел от смущения — Вадим Николаевич был не так уж щедр на похвалы.

Работа спорилась. И вот наконец у самого берега на мелкой волне закачался плот.

Вадим Николаевич взглянул на мальчика.

— Удержит?

— Должен удержать!

— Вот мы и проверим. — Опершись на весло, учитель прыгнул на плот.

— Держит! — закричал Алесь и радостно запрыгал. — Возьмем Аллочку и поплывем все вместе, а?

— Рисковать не будем, — строго сказал Вадим Николаевич. — Пока я один. Жди меня завтра ночью. Береги девочку да смотри, чтобы коза не убежала! Ну счастливо вам!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Оксана почти бежала по тропинке, подымаясь из глубокого оврага. То и дело поглядывала на часы, волновалась, что опаздывает. Было уже без пяти восемь. Полковник Носке, как истый немец, педантичен и точен. Должно быть, около ее дома уже стоит черный лакированный «опель», и адъютант и водитель немало удивлены отсутствием фрейлейн. Она упрекала себя: не предупредила мать, что может задержаться, что отлучилась совсем ненадолго.

Немцы будут, конечно, беспокоиться, доискиваться причины, а подобные осложнения ей сейчас совсем ни к чему. Предстоит вечеринка в ресторанчике у вокзала — в уютном зале с широкими зеркальными окнами, занавешенными дорогим тюлем. Она там бывала не раз. Танцевала с Вильгельмом Циммером.

Оксана давно заметила: нравится она гитлеровцу, он отличал ее среди прочих женщин, работающих в комендатуре, старался показать себя перед ней с лучшей стороны, угождал ей, через своего шофера частенько присылал ей цветы и мелкие сувениры. Намере-

кал, что у него есть нечто лучшее — золотой браслет с бриллиантами стоимостью что-то около 50 тысяч марок, им он порадует пригожую фрейлейн, если она согласится отдать ему свое сердце.

Каков хитрец! Как ловко к ней подбирается. Оксана попадала в сложную ситуацию. Она даже обрадовалась, что намечается вечеринка, где должен быть и важный немецкий чин. Полковник Носке уже сегодня днем позволил себе говорить с ней в высшей степени доверительно. Весьма возможно, что он способен и на большую откровенность. Для Оксаны наступило время, которого она ждала почти два года. Только бы суметь сохранить хладнокровие, душевное равновесие, суметь довести свою роль до конца, не ошибиться, не испугаться и, если надо, мужественно и достойно встретить смерть. Сегодняшний вечер — своего рода экзамен. И она обязана его выдержать.

Весь район теперь живет тревогой за судьбу партизан. Люди знают, как тяжело им приходится... А она знает, что в лапы к фашистам попал разведчик Федор Годун, что дядьке Андрею угрожает смерть, что предатель и провокатор Климчук-Криворотый отправился обратно на болото. Маленький, толстый, с благодушным, улыбающимся лицом, он ни у кого не вызывает подозрений, партизаны ему доверяют, считают его своим.

Может статься, что он в одном отряде с Вадимом. «Дорогой мой! Видно, уж забыл меня, вычеркнул из памяти. А я все помню, все, все... Напрасно ты тогда, на площади, так легко поверил моим словам. Не думала я, что не разгадаешь моей маскировки. А ты... вон какой оказался — крутой, непримиримый... Хоть бы понял, почувствовал бы сердцем, что я другая, все та же...»

Оксана вспомнила и об Алеше Годуне. Наверно, сейчас уже готовится к своему рискованному плаванию...

Запыхавшись, выбралась наконец Оксана из оврага, остановилась, оглянулась. Далеко внизу осталась ветвистая яблоня, около нее копка скошенной травы. Алешу не видать. Он уже где-то у озера. Ищет лодку. Двадцать километров по воде — это, как она понимает, займет не менее четырех-пяти часов.

Отчалит он поздно, где-то в полночь, чтобы его не услышали, не остановили...

Ну конечно же, у забора ее дома стоял «опель». Рядом маячила высокая, щеголеватая фигура адъютанта полковника. На лице его нетерпение и досада. Завидев Оксану, спросил:

— Где задержалась фрейлейн? Мы опаздываем.

— Да, да, опаздываем... Навещала больную подругу. Я сейчас, быстренько.

Оксана поспешно переделалась в нарядное платье из легкого пестрого шелка. Набросила на плечи вязаную кофточку — вечера были по-осеннему прохладными.

...Когда она вошла вместе с адъютантом в ресторан, полковник стоял у окна спиной к залу — уже ждал ее. Услышав стук каблучков, резко повернулся и, добродушно улыбнувшись, двинулся навстречу. Он весь сиял. Сияли набриоленные волосы, сияли сапоги, сияла грудь, увешанная крестами.

— О-ой! Фрейлейн! Однако вы заставляете себя ждать!

— Прошу прощения, мой полковник, — приветливо сказала Оксана, — но я могла совсем не прийти...

— О? Что такое?

— Кажется, расхворалась... Голова болит...

— Голова? Хм... дорогая фрейлейн, мы постараемся подлечить вашу очаровательную головку. Ober-лейтенант, — обернулся он к адъютанту. — Благодарю вас. Вы свободны!

Адъютант вскинул руку:

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — Полковник взял Оксану под локоть и повел к столу.

Она устало опустилась в кресло. Стол был уставлен яствами — красная и черная икра, балык, лосось, жареные цыплята, даже трофейные устрицы. В центре возвышались бутылки с шампанским, с винами лучших иностранных марок.

— Вероятно, вы только что реквизировали винный склад, — сказала Оксана.

— Возможно, возможно, — самодовольно ухмыльнулся полковник. — Для вас, милая фрейлейн, я на все готов.

— А это мы еще увидим! Однако советское шампанское, так сказать, в центре внимания... — засмеялась Оксана, обратив внимание на знакомую этикетку.

— О-о! — пробормотал полковник и улыбнулся,

блеснув золотом зубов. — Это, фрейлейн Оксана, если хотите знать, чистая символика.

— Не понимаю?

— Я вам охотно растолкую.

— Интересно...

Носке не спеша раскрыл серебряный портсигар, достал тонкую сигарету, вставил ее в мундштук и прикурил с помощью зажигалки. Пуская колечки душистого дыма, он пристально смотрел на Оксану:

— Символика простая, фрейлейн. Видите, советские бутылки стиснуты со всех сторон. Так сказать, они в кольце. Блокада! — И без перехода, значительно, нажимая на каждый слог: — Хайль Гитлер!

Оксана пожала плечами. Она не побоялась наемкнуть полковнику, как неуместно его солдафонство при даме.

— С именем фюрера, дорогая фрейлейн, мы побеждаем, перекраиваем весь мир. С именем фюрера моя дивизия разгромит лесных бандитов. Вот так, милая Оксана.

Девушка сдержанно улыбнулась:

— Значит, мы сегодня будем громить партизан?

— Мы сегодня, а мои солдаты через пару дней...

— Насколько мне известно, вы их громите каждый день.

— Это так. Но решающая битва послезавтра.

— Ну раз вы уже отдали приказ, тогда... — Стараясь говорить весело и непринужденно, Оксана взяла в руки бокал.

— Конечно.

— О! Я желаю вам успеха, полковник. Полной победы.

— С нами Гитлер! С вашего позволения и начнем нашу атаку. — Носке взял бутылку шампанского, снял серебристую фольгу, раскрутил проволоку. Пробка выстрелила в потолок, из горлышка хлынула пенная струя. Полковник наполнил бокалы.

— Мы пьем, — сказал он со значением, заглядывая в глаза Оксане, — за вас, фрейлейн. Мне говорил Вилли: вы наш человек. Преданно служите великой Германии!

— Простите, господин полковник, вы говорите «великой», но после Сталинграда...

— Фрейлейн Оксана, пусть вас это не беспокоит. Сталинград — это нам хороший урок. Там не было

точной стратегии и... как вам сказать, — стратега...
— А фон Паулюс? Его же сам Гитлер считал первоклассным стратегом.

— И, однако, фон Паулюс оказался не на высоте. Русские обвели его вокруг пальца.

— Нужно было ему помочь.

— Там не было меня, фрейлейн, — свел все к шутке полковник, — и моей дивизии.

— Зато вы здесь возьмете реванш за Сталинград...

— Конечно, мой фюрер увидит, на что я способен. Партизаны уже в мешке. Это и есть, фрейлейн, настоящая стратегия.

Полковник осушил весь бокал. Оксана отхлебнула несколько глотков.

Теперь они уже были не одни в зале. Ресторан постепенно заполнялся публикой. В основном это были офицеры со своими дамами.

В зале зажгли огни, засияла под потолком хрустальная люстра на бронзовых цепях. Официантка, хорошенькая, проворная девушка в строгом темном платье, с кружевной наколкой и в белом фартучке, подошла к радиоле, поставила пластинку.

Полковник наклонился к Оксане.

— Это фокстрот. Потанцуем?

— Пожалуйста, не сейчас, — улыбнулась Оксана.

— Мало выпили, фрейлейн. Поэтому и настроения нет. А вы попробуйте как я. — Он снова взял бутылку, наполнил бокалы. — Прошу вас, фрейлейн, выпить до дна.

— До дна? Не много ли? Этак я не устою на ногах.

— О, фрейлейн, это уже будет интересно! — усмехнулся полковник и залпом осушил свой бокал.

Разговор шел легкий, небрежный, с шутками и игрой слов. Оксана держалась скромно и независимо, чувствовала, что, держись она иначе, полковник может, чего доброго, и распоясаться.

Ей было необходимо поговорить о Федоре Годуне. Но она понимала, что ее заступничество может быть расценено нежелательным образом, возникнут подозрения... Но, с другой стороны, все можно объяснить женской слабостью, сочувствием семье бывшего ученика. Тем более полковник прямо-таки захмелел от предвкушения собственных побед над партизанами — держится раскованно, настроение игривое. Пожалуй, удобнее момента не выберешь.

— Господин полковник, — Оксана лукаво улыбнулась, — не посчитайте это за жалобу...

— У вас жалоба? На кого? Не на Вильгельма ли Циммера?

— Нет, просто получилась неразбериха... Видите ли, господин полковник, арестован один человек...

— О-о! Это, фрейлейн, не моя компетенция, вам нужно обратиться...

— К Вильгельму Циммеру, — подхватила Оксана и добавила укоризненно: — Я ждала от вас большего внимания...

Носке нахмурился, разговор был ему явно неприятен.

— Что за человек? За что арестован? — спросил он строго.

— Обыкновенный человек, из местечка. Нарушил комендантский час, только и всего.

— Ага, нарушил... При обыске нашли что-нибудь?

— Ничего. Он был безоружен.

— А куда он шел, что ему нужно в запрещенный час?

— Говорил: хотел забежать к аптекарше за порошками для больной жены.

— А Вильгельм?

— Что Вильгельм! Он действует, как заведенная машина, снял допрос, бросил в тюрьму. И бедный человек ни за что ни про что попал под арест.

— А вам-то что за дело до него, милая фрейлейн?

— Да как сказать... Понимаете, я хорошо знаю эту семью, учила в школе их сына Алешу. Красивый и способный мальчик. Он прибежал ко мне, плакал, умолял заступиться за отца. Я объяснила, что это не в моих силах, но он твердил одно: «Больше некого попросить!» Ну вот, я и пообещала. И только потому, что вспомнила о вашей справедливости и доброте...

Полковник нахмурился:

— Не нужно было обещать, фрейлейн.

— Почему?

— Я солдат, человек жестокий.

— Шутите, полковник, — Оксана кокетливо погрозила ему пальцем, — наговариваете на себя! Разве я не вижу?

— Я жесток, но не с красивыми женщинами, — усмехнулся Фридрих Носке. — В этом вы не ошиблись. А насчет арестованного... Я же говорю вам: не моя

компетенция. Пусть Вильгельм... Он арестовал, он во всем и должен разобраться.

— Он слишком, как это лучше сказать, предан циркуляру. Он не сможет разобраться в этом деле. Тут нужен ваш гибкий и проницательный ум, полковник, и ваш опыт. А у него решение одно — пуля в затылок. Я насмотрелась на многое... И Алешиного отца наверняка расстреляют. Господин Циммер чуть ли не в каждом задержанном видит партизана.

Полковник тоскливо посмотрел в зал. На танцевальном пятачке у стойки уже кружилось несколько пар. Как некстати завела Оксана этот разговор!

— Фрейлейн, милая фрейлейн, давайте перенесем этот разговор на другое время.

— Может, и нашу встречу перенесем на другое время? — Оксана отважно взглянула прямо в глаза полковнику.

Носке вспыхнул:

— Это ультиматум? Вы, кажется, слишком много на себя берете, фрейлейн. Я тут начальник гарнизона — высшая и единственная власть. Это я могу предъявлять ультиматумы... А теперь пойдемте танцевать. Неужели вы не видите, фрейлейн, мы много теряем!

Они смешались с танцующими. Несколько раз грузный полковник наступал Оксане на ноги.

— Прошу прощения, фрейлейн, но вы сами виноваты, рассердили меня ненужными разговорами.

Оксана мило улыбалась, держалась весело и непринужденно, стараясь не смотреть в лицо Носке. Неприятное, самодовольное лицо.

Он шептал ей на ухо:

— Вы легкая как пушинка, танцуете чудесно. Мы будто плывем куда-то...

— Но к тому ли берегу?

— О, о! Вы щедры на шутки, фрейлейн. Дразните меня, как мальчишку. Берег, к которому мы пристанем, как это у вас говорят, заповедный берег, наш берег! Я здесь начальник гарнизона, и власть свою передавать никому не собираюсь.

— Значит, у вас власть не только надо мной, но и над Вильгельмом Циммером. И мою просьбу вы можете выполнить, но просто не хотите?

— Постойте, фрейлейн. — Полковник остановился и пристально посмотрел на Оксану. — Скажите мне, где вы проходили науку наступления?

Оксана и бровью не повела:

— Вон там, за нашим столиком.

— А вы очень находчивы, фрейлейн. Умело выкручиваетесь, а? И этому, говорите, научились за нашим столиком? Да-а, милая фрейлейн! Я не очень удивлюсь, если вы окажетесь советской разведчицей.

Оксана от души расхохоталась:

— Однако вы высокого мнения обо мне, господин полковник! Советская разведчица! О, вы мне льстите. Нет, если уж я разведчица, то всего-навсего ваших, господин полковник, талантов! Вам не нравится, что я такая настойчивая? Но ведь настойчивость и упрямство — одно из проявлений женской натуры.

— Ого! Если так, я принимаю вашу настойчивость!

— Без оговорок?

— Конечно, и все-таки вы загадка. Вы не только очаровываете, вы просто притягиваете к себе своим умом, прямотой. Я покорен вами, но не дай бог...

— Что вы, что вы! — махнула рукой Оксана. — Неужели я, по-вашему, так мало ценю свою жизнь? Я молюсь за великую Германию!.. — И уже тише: — Но и... за таких страдальцев, как Годун!.. Да, кстати, вы ведь мне ничего конкретного так и не сказали? Между тем время не терпит, через день-два все будет кончено, господин полковник!

— Какой красивый танец, — лениво отозвался Носке. — И как хочется просто танцевать, а не полемизировать с красивой фрейлейн на деловые темы. Красота и трагедия, зачем смешивать?..

Оксана сказала примирительно:

— О, вы не правы, господин полковник, жизнь строится на контрастах. Однако люди не должны быть слишком жестокими друг к другу. «Возлюби ближнего, как самого себя!» — говорится в библии. Надо следовать этой заповеди, и это приблизит нас к богу.

— Вы еще и верующая?

— Да, верю в бога... И в вас!..

Музыка наконец стихла. Полковник и Оксана не выходили из круга танцующих. Официантка направилась к радиоле сменить пластинку.

— Может быть, хватит? Я немного устала, — шепнула девушка. Носке не настаивал и повел ее к столику.

— Как много здесь ваших офицеров, — сказала Оксана. — И все с девушками.

Полковник оглядел зал, прищурился, встретился с

чьим-то взглядом, приветливо кивнул, сказал рассеянно:

— Чтобы хорошо воевать, фрейлейн, нужно хорошо отдыхать. И нужно опьянять голову, неважно чем — любовью, вином или еще чем-нибудь. Я это давно понял...

— В этом ваша стратегия?

— Если хотите, частица моей стратегии.

— Значит, — подхватила Оксана, — в какой-то степени я вам помогаю воевать. А вы, однако, зная все это, не можете выполнить моей маленькой просьбы...

— Фрейлейн, вы невыносимы. Вы требуете слишком многого!

— Слишком мало, — поправила Оксана. — Всего-навсего приказать, чтобы выпустили Годуна.

— Вы всё представляете себе слишком примитивно. Прежде нужно тщательно выяснить.

— К чему начальнику гарнизона долгие выяснения? Для Вильгельма ваш приказ — закон.

— Подождите, подождите, фрейлейн. Давайте лучше поговорим о лесных бандитах. Я хочу услышать от вас, кто такой дядька Андрей, откуда он взялся? Как он смог организовать свою банду? А вы о каком-то бродяге Годуне... Я вас не понимаю, милая фрейлейн.

— Партизаны меня не интересуют. О них вам расскажет Вильгельм. А вот Годун — божий человек, несправедливо обижен. Я молюсь за него.

— Ну хорошо, подумаем. — Полковник потянулся к бутылке. — У нас, фрейлейн, получается не вечеринка, а переговоры политического характера. Меня это смущает. Если бы я не знал со слов Вильгельма, кто вы такая, можно было посчитать, мягко говоря... хм. — Носке запнулся, подбирая нужные слова.

— Ну, ну! — нахмурилась Оксана. — Говорите, не бойтесь. Я все выдержу, любой удар.

Полковник с трудом подавил раздражение. Он внимательно оглядел зал, снова приветливо кому-то кивнул и повернулся к Оксане.

— Хорошо, моя девочка, — сказал он примирительно. — Обещаю поговорить с Вильгельмом. Для вас я это сделаю.

— Браво, господин полковник! Я-то предполагала, что только фон Паулюс смог капитулировать.

— Его капитуляция — позорная. А моя... я надеюсь, приведет к победе?

Снова закипело шампанское в бокалах. Беседа продолжалась уже в прежнем тоне — свободном, легком. Носке успокоился, покровительственно поглядывал на Оксану и подливал ей вино. Оксана отхлебывала его маленькими глотками и, стараясь развлекать Носке, рассказывала разные забавные истории.

Она была довольна результатом словесной дуэли с полковником, хотя понимала, что в чем-то вела себя недостаточно осторожно. Но другого выхода у нее не было. Годун еще больше рисковал, когда передавал ей партизанское поручение. Хорошо, что комендант совсем плохо понимает по-русски. Попытка выручить Федора Годуна ей может серьезно повредить, но не попытаться сделать это она не могла, не имела права.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

До темноты просидел Климчук-Криворотый в чьем-то сарае на окраине местечка. Только в сумерках отважился отправиться в лес. Настроение у него было прескверное. Совсем иначе представлял он себе свою службу у немцев. Думал: принесет полковнику важные вести о партизанских планах и сразу будет награжден и обласкан. Надеялся, что дадут ему хоть пару дней передышки. А все обернулось иначе. Правда, он получил вполне приличное вознаграждение. Когда выходил из кабинета полковника, его перехватил какой-то штабной чин и завел в пустую комнату с зашторенными окнами. Там ему подали какую-то бумажку и попросили расписаться.

— Зачем? — не удержался Климчук. Уж очень не хотелось оставлять на бумаге свою подпись.

Офицер не удостоил его ответом. В полном молчании он открыл сейф, стоящий у стены за деревянным барьером, вытащил оттуда железную коробку и высыпал на стол перед Егором золотые монеты. Целким взглядом Егор прикинул — двадцать или немного больше. Улыбнулся благодарной улыбкой, сгреб их в ладонь. Мельком увидел на бумаге не фамилию свою, а кличку — Криворотый. Быстро черкнул карандашом и поклонился немцу.

Только в сарае, на сеновале, он торопливо пере-

считал монеты, их оказалось двадцать три. Неплохой заработок! Конечно, если взвесить все, вспомнить опасность, которой он подвергается ежедневно, ежечасно в логове у партизан, полковник, черт его подери, мог бы быть и пощеднее.

Последние сведения Климчука вообще не имеют цены. Если бы не он, партизаны, может, и нашли бы выход, придумали, как выскочить из окружения. Строительство гати — верный выход. Полковник это сразу сообразил!.. «Ну ладно, — утешил себя Климчук, — как заплатили, так и хорошо. Теперь я при деньгах».

В сумерках он вышел на узкую извилистую тропинку, которую хорошо знал. Теперь его занимало другое: как выполнить новое задание полковника? Легко сказать — подай на стол голову бандитского атамана Андрея. Тут уж одному ему, конечно, не справиться. Нужны верные люди. Во-первых, необходимо как-то приблизиться к дядьке Андрею, выждать момент, когда он останется один, убить его, отсечь голову, спрятать в мешок и с этой достаточно приметной ношей пройти через несколько партизанских постов, пробиться к позициям немцев. Невероятно сложное задание!

Криворотый клял Фридриха Носке самыми последними словами. Он не раз слышал похвальбу полковника: мол, с партизанами он, Носке, расправится, как слон с черепахой. Нахальный, самоуверенный тип! Две недели Носке держит их в блокаде, и если бы не он, его агент, еще неизвестно, чей был бы верх. Вот теперь полковник и вправду может выставляться, бахвалиться сколько душе угодно. Только партизанам каюк. Судьба их предрешена. «Маловато, скупердай, заплатил. — Криворотый мысленно чертыхнулся. — Всего два десятка монет». Когда-то у него были такие деньги. Он их получил от отца там, на Соловках, куда их сослали как кулаков. Золотые монеты были тщательно спрятаны в ватник. Даже при самом старательном прощупывании нелегко их было обнаружить. Накинул отец засаленную телогрейку Егору на плечи и сказал:

— Убегай, отсюда, сынку. А то пропадешь. Убегай в Польшу. Там с такими деньгами паном будешь!

Егор долго пробирался к польской границе. Однажды утром, голодный, усталый, он пришел в Митковичи, постучал в крайнюю хату, попросил напиться. Хозяйка оказалась говорливой, доброй женщиной, увидев-

ла, что хлопца гонит по свету какая-то беда, посадила за стол, накормила, а потом предложила отдохнуть. Постелила ему в комнате, и там он проспал целые сутки. Проснулся от ощущения чужого взгляда. Раскрыл глаза и увидел сидящую на табуретке девушку лет девятнадцати — она зашивала его порванную рубашку.

— Зачем ты? — удивился беглец.

— А что, тебе лучше ходить оборванцем? На каких, скажи, суках висел? По живому порвано.

— Ну висел так висел... — вяло буркнул он.

Дальше той хаты, однако, не ушел. Марилька, так звали девушку, будто приворожила его. Он остался в местечке, устроился работать на мельницу, и там, в хлопотах, побежали его годы.

Егором Климчуком поинтересовались власти, кто-то подсказал, что он, мол, кулацкий сын. Но все обошлось — ведь «сын за отца не отвечает»!..

А когда в их края пришли гитлеровцы, они очень быстро узнали историю мельника Климчука и вызвали его в комендатуру. Оттуда он вышел окрыленный. Сначала был простым доносчиком, составлял списки коммунистов, комсомольцев, евреев, потом ему приказали пробраться к партизанам. Это удалось довольно быстро. С тех пор он и жил в лесу. Как все, ходил на задания, голодал, проклинал фашистов. Когда он отпрашивался провести семью, его отпускали. Никому и в голову не приходило, что этот с виду добродушный, смешливый толстяк навещает в местечке не только семью, а заодно передает важнейшие сведения немцам.

В мечтах Климчук уже строил обширные планы своей жизни после победы Гитлера. Что фюрер одержит верх, на первых порах у него сомнений не возникало: «Такую технику бросил на Россию, таким стукнул бронированным кулаком». Правда, за последние месяцы уверенность Климчука несколько поколебалась. Обстановка для фашистов неожиданно усложнилась. Особенно после Сталинграда. Да и партизаны не давали им покоя. Он видел, как не на шутку встревожились немцы. И Климчук приуныл. Но что теперь сделаешь? Попал в волчью стаю и вой по-волчьи. Если б и захотел — возврата к своим нет: как только они дознаются, что он за птица, тут уж ему несдобровать. Не раз видел он, как поступали партизаны с пре-

дателями: даже пули жалели для них — петля на шею и на сук!

Мороз пробежал по коже у Климчука от таких мыслей.

...Приказ проклятого Носке! И к чему он? Все равно партизанам погибеть, так нет — подай ему голову дядьки Андрея. Отчаяние охватило Климчука. Задание такое, что и свою голову, гляди, не убережешь.

Задумавшись, он и не заметил, что картофельным полем добрался до густого ельника. Почувствовал запах грибов и сырой пожухлой травы. Остановился, огляделся. Слева темнел клин поля, который огибала дорога, ведущая в лес, к селу Веснину. Там, возле деревни, начинались немецкие позиции. Надо будет проходить посты. Могут прицепиться, обыскать. Прощай тогда золотые монеты! Пожалуй, их нужно спрятать подальше, решил Климчук. Нелегко в лесу, да еще в темноте, подыскать хороший тайник. Он вспомнил старую сосну с дуплом на опушке, неподалеку от деревни. Шел туда осторожно, почти бесшумно, как кошка. Его зоркие глаза прощупывали каждый кустик, каждую канаву.

Знакомую сосну он отыскал сразу: она одиноко темнела на поляне. Дупло было довольно высоко, и ему пришлось карабкаться по шершавому, колючему стволу. Климчук засомневался: «Дерево приметное, вдруг кто поинтересуется дуплом», — однако другого тайника искать не стал. Рассуждал так: богатство его пролежит всего два-три дня.

Климчук развернул портянку, в которую были заматаны деньги, достал одну монету. Оставлял ее на всякий случай: «Попадусь — авось откуплюсь». Он снял пиджак, ощупал ватник на плече, зубами перекусил нитку на шве и ловко засунул в прореху монету. «Помоги, господи!» — прошептал одними губами. Потом сноровисто вскарабкался на дерево, сунул сверток с золотом в дупло. Теперь можно выходить на дорогу. Пароль он знал и без особых приключений прошел несколько немецких постов.

В селе Веснине находился штаб немецких, карательных отрядов. Климчук там заночевал, а рано утром подался дальше, к болоту Комар-Мох. Он был в самоволке больше суток. В отряде могли его хватиться. Егор Климчук считался сильным и ловким человеком — в первую очередь такие, как он, должны бы-

ли сооружать дамбу. Оттуда он и ушел незамеченным в местечко, чтобы встретиться с Носке.

За хлопотами прошедшего дня он не успел придумать себе легенду. Где был, зачем ушел? Можно сослаться, скажем, на то, что голодуха одолела, и он рискнул пробраться через немецкие позиции на картофельное поле. Что ж, легенда была, пожалуй, реальной. Принимается! Значит, нужно свернуть на поле и накопать с полмешка картошки. С таким провиантом его примут в отряде с распростертыми объятиями. Даже позавидуют его удачливости! Не каждый сумеет проскочить через вражеские позиции! Значит, в таком плане и нужно действовать. Климчук стал внимательно оглядывать поля. Вот щетинится стерня от скошенной ржи. Вот темнеют фиолетовые стебли неубранной гречихи. И только около лесничества, у небольшой речушки, виднеется картофельная ботва. В усадьбе лесника хозяйничали гитлеровцы. Климчук безбоязненно свернул туда. Солдат с автоматом бросился к нему наперез.

— Партизан! — крикнул он и толкнул что есть силы Климчука прикладом в спину. Тот с трудом удержался на ногах. Очухавшись, возмущенно закричал на солдата, мешая заученные немецкие слова с отборной руганью. На крыльцо вышел офицер, Криворотый обменялся с ним паролем. Это и спасло его от расправы.

На лесниковом дворе, в закутке, Климчук нашел мешок и заспешил на поле. Как назло, картошка уродилась мелкая, и ему пришлось порядком провозиться.

И вот на его плечах тяжелая ноша. У крыльца он свалил мешок на землю, зашел к офицеру и от имени полковника Носке потребовал, чтобы его подбросили на чем-нибудь к переднему краю партизанской обороны.

Ехал он на танке, приткнувшись к холодной, шершавой, в пятнах камуфляжа башне. Одной рукой держался за какую-то железяку, другой придерживал мешок с картошкой. Его подбрасывало и трясло, но он был горд предоставленным ему таким боевым транспортом. За какой-нибудь час он попадет на место и не придется тащить тяжелый мешок.

Довольно быстро добрался он до молодого лесочка — тут, на песчаной высотке, под выворотнем, спрятана его партизанская одежда: темный диагональный

костюм, крепкие, почти новые, кирзовые сапоги и кубанка с красной ленточкой.

Он быстро переоделся, из кучи хвороста вытащил карабин и подсумок, в котором была только одна обойма с патронами. Подготовившись таким образом в дорогу, Климчук присел на пень подкрепиться. С утра маковой росинки во рту не было, и теперь голод давал себя знать. Он достал из своих припасов большой кусок сала и горбушку хлеба. Жаль, не поел в лесничестве горячей пищи! А можно было: во дворе стояла солдатская кухня, вкусно пахло супом. Теперь на несколько дней надо туго затянуть ремень. Разве что перепадет ему печеная бульба из мешка, что он притащит.

Сало было мягкое, сочное, крепко приправленное тмином, так во рту и таяло. Криворотый любил поесть основательно, с удовольствием. Каково ему в лесу, с его-то аппетитом! Он ел, а сам внимательно оглядывался и прислушивался. Монотонный шум деревьев не нарушал лесной тишины, наоборот, придавал ей что-то успокаивающее. Внезапно в небе раздался металлический рокот, постепенно удаляющийся. Климчук догадался: это по приказу Носке на очередную бомбежку вылетел немецкий самолет.

После еды его разморило: сказывалась усталость прошедшего дня. Криворотый чувствовал, что его одолевает дремота, думал: теперь спешить некуда, если и заснет — беда невелика и сил прибавится. Он закрыл глаза. Ему уже начало что-то сниться... Что-то очень приятное, как вдруг поблизости раздался громкий треск веток.

Климчук открыл глаза и вскочил на ноги. Сна как не бывало. Прислушался — все тихо. Огляделся — никого. Он снова было решил прилечь, но тут неожиданно увидел между деревьями что-то яркое, белое. Что это могло быть? Климчук схватил карабин и, осторожно осматриваясь, стал подходить поближе. Вгляделся: «Парашют! Вот тебе и самолет... Значит, кого-то сбросили. Выходит, тут человек. Кто же он — русский, немец?..»

Климчук остановился в нерешительности. Что делать? Идти к парашюту или продолжать свой путь? «Бывает, свяжешься, а потом будешь не рад». Любопытство, однако, пересилило доводы рассудка, и он решил.

Щелкнув затвором, зарядил карабин и двинулся вперед. Сухие ветки похрустывали под сапогами, шуршал примятый вереск. Купол парашюта зацепился за тонкую березку, что стояла на опушке, на спутанных стропах качалось что-то темное: не то человек, не то обычный мешок. Климчук пригляделся — парашют оказался советским, сброшен с грузом. Он ощупал мешок, с трудом распорол его. «Боеприпасы... патроны, гранаты». Ух, как здорово! Это ему на руку! К своим он придет с дорогим подарком, никто и не вспомнит о его самовольной отлучке. Климчук достал из кармана складной нож, обрезал стропы. Мешок сполз вниз. Климчук подхватил его, оглянулся, как вор, по сторонам. Густые сумерки окутали лес. Конечно, не мешало бы уничтожить парашют, чтобы никому тут не попался на глаза, но стащить его с березы одному было не под силу.

Криворотый поднатужился, вскинул мешок на плечи и, ссутулясь от тяжести, зашагал в чащу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В это утро Вильгельм Циммер проснулся рано. В окно, что было напротив кровати, виднелось чистое, без облаков, небо. Значит, день будет теплым, солнечным. Это порадовало коменданта. Погода была как на заказ! Он слышал, что нечасто в этих местах Беларутении* случается такой красивый сухой сентябрь.

Хорошо спалось коменданту, сон был здоровый, крепкий, не потревожили его ни стрельбой, ни человеческим криком. Что и говорить, гораздо спокойнее стало в местечке с приходом карательной дивизии полковника Носке.

Быстро, по-солдатски Циммер вскочил с постели, оделся, проделал свой ежедневный комплекс гимнастических упражнений. Провел рукой по щеке и открыл дверь в соседнюю комнату. В кресле у окна сидел его денщик, ждал приказаний.

— Курт, разведи мыло, приготовь бритву.

— Слушаюсь, господин капитан.

После тщательного туалета — завтрак. Кухарка

* Беларутения — так называли немецко-фашистские оккупанты Белорусскую ССР.

Эльза, которую он специально выписал из фатерланда, умела угодить коменданту: отменно готовила традиционные свиные бифштексы по-берлински, приправленные сладким поджаренным луком, мучные супчики, кремы... Даже научилась готовить наваристые борщи по местному рецепту!

Вскоре к особняку коменданта — новому деревянному зданию с широкими окнами и красной черепичной крышей — подкатил автомобиль.

Циммер уселся впереди, рядом с шофером и закурил.

— Куда? — спросил шофер, молоденький солдат, только этим летом надевший форму. — В комендатуру?

Циммер кивнул и задымил сигаретой. Конечно, нужно сначала заглянуть в комендатуру, посмотреть, что там делается, не пополнилась ли тюрьма за ночь какими-нибудь важными типами, как идут дела у следователей, на месте ли переводчица?

Может статься, что после встречи с полковником Оксана, с его особого разрешения, не выйдет сегодня на работу, и без нее придется трудновато. Но, пожалуй, комендатура потом. Есть неотложное дело, его он сможет решить только с Носке.

Около штаба карательной дивизии стояла целая шеренга машин, были тут даже бронетранспортеры. Позади дома танк с длинной пушкой, которая торчала из башни как незажженная сигара.

«Что-то многовато транспорта. Не совещание ли у полковника?» — подумал Циммер и пожалел, что заранее, еще вчера, например, не предупредил Носке о крайней необходимости увидеться с ним лично. Циммер уже хотел было приказать шоферу повернуть назад, но любопытство пересилило.

«Ну и что, если совещание? — рассуждал он. — Посижу с офицерами, послушаю, о чем идет разговор, узнаю оперативную сводку из района военных действий в зоне Буян-озера».

Полковник был на месте. Циммер попросил офицера-штабиста доложить начальнику гарнизона о себе. Через несколько минут офицер вернулся, раскрыл обитые коричневой кожей двери кабинета.

— Пожалуйста!

Носке был не один. Перед ним навывтяжку стояли два офицера: обер-лейтенант и капитан.

— Капитан! — В голосе Носке звучал металл. —

Еще раз проверьте готовность артиллерийского дивизиона. За тридцать минут боя вы должны выпустить по расположению партизан две тысячи тонн снарядов. Понятно?

— Будет сделано, господин полковник.

— И не забудьте о прицельности! Чтобы партизаны не обижались, что мало им послали подарков, — не удержался от шутки полковник.

Циммер усмехнулся. Ага, значит, Носке все-таки в добром расположении, а это обещало откровенный разговор, как там говорится у русских, по душам.

— И прицельность будет, господин полковник, — заверил артиллерист.

— Если так, действуйте. Хайль Гитлер!

— Хайль! — дружно подхватили офицеры и, щелкнув каблуками, вышли из кабинета.

Полковник кивнул Циммеру на кресло.

— Прошу!

— Благодарю, господин полковник, — сдержанно сказал Циммер, — я думал, у вас совещание, военный совет.

— Совет военный был, уже закончился. Мы все трезво взвесили, оценили, прикинули. Две тысячи тонн металла обрушатся на бандитские головы. Недурной фейерверк мы им устроим! Болото Комар-Мох станет грандиозным кладбищем! Клад-бищем!..

— Bravo, господин полковник, — захлопал в ладони Циммер. — Вы счастливый обладатель военных талантов...

— О! Одного таланта мало, — перебил его Носке. — Нужно иметь наступательный дух и, — он многозначительно поднял палец, — передавать его целиком и без остатка своему войску. Полководец и его войско — сплав разума и силы!

— Как это мудро вами замечено, господин полковник! Такого, как я знаю, не высказывал и Клаузевиц...

— Весьма возможно. Ученики всегда идут дальше своего учителя. Это также прошу учесть, мой дорогой друг Билли. Я очень доволен, что вы будете очевидцем уникальной, слышите, уникальной военной операции и моим косвенным помощником. Я надеюсь, у вас в крови оптимизм, присущий нашей арийской расе?

— О! — Циммер слегка поклонился полковнику в знак полного согласия с ним. И тут счел удобным пошутить: — Я надеюсь, вчерашний вечер явится своеобразным трамплином к военной победе.

Полковник слегка поморщился.

— Фрейлейн Оксана вела себя так, как будто не я, а она тут начальник гарнизона.

— Она оказалась строптивой? Дерзкая, неблагодарная девчонка! Вполне заслуживает тюрьмы.

— Я пошутил, Вилли, — улыбнулся полковник, — право, я пошутил. Конечно, она не претендовала на мою должность, но у нее есть претензии, и довольно серьезные.

— Например?

— Она просит выпустить на волю некоего Годуна.

— Вы обещали?

— О нет, Вилли. Такие типы, как этот, сугубо твоя компетенция. Она что-то долго толковала, что этот Годуна, Годун... Кстати, кто он такой?

Циммер пожал плечами:

— Выяснить пока не удалось. Он задержан во время комендантского часа. Мы подозреваем, что он оттуда, с болота. Но это всего лишь версия, пока ничем не подтвержденная.

Полковник оживился.

— Ну и прекрасно! Давайте будем мужчинами и удовлетворим просьбу хорошенькой фрейлейн!

— Господин полковник, — кашлянул Циммер. — Я готов принять ваши рекомендации, но освобождение арестованного потребует... кхм... некоторых формальностей.

— Понимаю. Он сам, так сказать, в данный момент не в форме?

— Да, господин полковник. Вчера вечером мои младшие чины несколько перестарались...

— Ну что же. Сделайте заключительный допрос. Если он не признается, отпустите, но возьмите под специальное наблюдение. Ему скажите, пусть благодарит фрейлейн Оксану. Таким образом, мы поймаем, как это говорится, сразу двух зайцев. Удовлетворим просьбу девочки, и, наблюдая за Го... Го... Годуном, можем напасть на след, который принесет нам больше пользы, чем традиционный допрос.

— Разумно, господин полковник, — живо отозвался

Циммер, преданно глядя в глаза начальнику гарнизона. — И в этом деле сказался ваш светлый ум. Да, следы нам необходимы. Россия — страшная, непонятная страна. Столько задала нам загадок, столько принесла хлопот!

— Загадки нужно уметь отгадывать, мой милый Вилли, а заботы отдавать богу! Вот так-то!

— Какие у вас планы на сегодняшний день, господин полковник? Может быть, требуется моя помощь?

— Планы? Хм, план, пожалуй, есть. И правда, нужна помощь. Как вы умеете отгадывать мои мысли и желания! Часы неумолимо отсчитывают время до начала нашей грандиозной операции. Я устал от напряжения, от суеты военных приготовлений...

— Вам нужен отдых.

— Подскажите мне хорошее место. Чтобы была тишина, покой и полное отключение от повседневности.

— Окружающие леса, хм, как вы знаете, таят кое-какие нежелательные сюрпризы. Я не имею права рисковать вашей жизнью, господин полковник... Но есть место, есть! Жемчужина! — вдохновенно выкрикнул Циммер.

— Жемчужина? — усомнился Носке. — Вы не преувеличиваете ли? И где же эта жемчужина?

— Совсем близко. Можно сказать, под рукой. На озере есть маленький островок — Черный Дуб. Не правда ли, как романтично — Черный Дуб, а?

— Видел, видел я этот остров. В бинокль, с берега. И каков он?

— Что надо! Там можно не только отдохнуть и поразвлечься, но и поохотиться. Как вы относитесь к охоте, господин полковник?

— О! Вы еще спрашиваете. Я же потомственный охотник! Мой отец каждый год охотился в Африке, в джунглях. Такие привозил трофеи — весь город завидовал. От отца и у меня этот охотничий зуд. Правда, его немного приглушила война. Так что...

— Вот и прекрасно. Я все беру на себя. Все будет в лучшем виде! Люкс...

— Кстати, Вилли, а какая дичь водится на острове? Зайцы, лисицы?..

— Зайцы и лисицы — это не охота. Там можно подстрелить и косулю и кабана, так говорят старожилы. Зажарить на вертеле косулю, а? Пальчики оближешь! Такой еде позавидовал бы и ваш отец...

— Знаю, знаю, Вилли, косуля — великолепная дичь. Фридрих Носке прошелся взад-вперед по кабинету. От его мощной, упитанной фигуры веяло здоровьем и сознанием этой своей силы. Он замурлыкал себе под нос что-то веселенькое. Потом вернулся к столу, развернул полевую карту.

— И на карте есть этот остров, — задумчиво сказал он. — Интересно, почему он называется Черный Дуб?

— Существует, господин полковник, целая легенда. Но я, к сожалению, не помню ее. Будет кому рассказать ее вам, — позволил себе ухмыльнуться Циммер, — знаю одно: легенда романтична и сентиментальна.

— И конечно, связана с любовью?

— Вы угадали. Видите, как все хорошо складывается.

— Ты меня убедил, Вильгельм! Давай не будем терять времени. Остров так остров! Только одно условие — тщательно прочеши его. Чтобы...

— Не беспокойтесь, господин полковник. Остров безлюден. Вы же знаете, села на берегу озера сожжены, людей вокруг практически нет. Мертвая зона.

— Однако проверка нужна. И возлагается полностью на тебя. Кроме того, надо сделать необходимые приготовления. Итак, действуй!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

На ночь глядя Климчук не решился пробираться в партизанскую зону. Опасно было идти по болоту, зыбкому, с глубокими ямами, наполненными застойной водой. Даже днем, при ярком свете, с трудом отыскивались в трясине кочки, по которым можно было мало-помалу продвигаться вперед.

На невысоком пригорке, который клином упирался в болото, на мягкой пожухлой траве он решил заночевать. Перед сном еще раз тщательно осмотрел «небесный подарок». Сначала хотел распороть мешок и отобрать что-нибудь для себя, но потом раздумал: «Могут прицепиться...»

Сидел на этот раз под высокой мрачной елью — тяжелые мощные лапы ее почти касались земли — и размышлял. То хотелось все-таки распороть мешок, раз уж он ему первому попался в руки, достать гранаты, двинуться в партизанскую зону, неприметно подойти к шта-

бу и... Однако тарарам, который он учинит, вряд ли что даст. Недаром говорят: один в поле не воин. Не только не сумеет прихватить с собой голову дядьки Андрея, но вряд ли и сам уцелеет.

То возникало желание немедленно вернуться назад, в расположение войск Фридриха Носке, передать немцам лесную находку. Но пока он будет тащиться с мешком, пока расскажет, где его нашел, да покажет место приземления парашюта, много времени пройдет и многое переменится. Немцы вот-вот пойдут в наступление на партизан. Дядька Андрей может попасть в плен или будет убит. Тогда его задание само собой отпадет по уважительной причине, и ему не нужно будет рисковать собой. Значит, он выиграет, спасет свою жизнь. Однако тут же Криворотый отклонял подобные рассуждения. Наступление немцев — а что оно меняет? Он знал, как никто другой, что партизаны отважны, могут прорваться, если не по гати, так в другом каком-то месте, и тогда партизанского батьки ни ему, ни им, немцам, не видать.

Выходит, нужно было благодарить бога, что тот подкинул ему мешок: может, и сослужит он добрую службу для выполнения задания полковника. Пока у Криворотого не было детального плана действий. Он надеялся на свою былую удачливость. В самые тяжелые минуты жизни судьба всегда выручала его... Может, и на этот раз...

Наступила темная осенняя ночь. Климчук подгрел под себя побольше травы и моху, кое-как устроился и заснул.

Проснулся рано, в холодные предутренние сумерки. С кряхтением поднялся, взвалил на себя мешок и потащился к болоту. Шел прихрамывая, по боку бил карабин, накинутый на плечо. Пока под ногами была твердая почва, Климчук шел скоро. Но вот сапоги зачавкали по грязи и топи, и он сразу почувствовал усталость, на лбу выступил пот, дышать стало тяжело. Климчук с трудом взобрался на большую кочку, решил немного передохнуть. Он сбросил на мох мешок и сам пристроился на нем. Сорвал с головы кубанку, вытер ею лицо, задумался. Может, кончать эту волынку с мешком, ведь его тяжесть отнимает почти все силы? Рука невольно стала цепко ощупывать туго набитый брезент. Подумалось: несу «подкрепление» партизанам. Вот бы увидел Носке, чем занимаюсь.

Но как же все-таки подступиться к дядьке Андрею? Его же не купишь за кукиш... Выходит, что решение он принял правильное, мешок ни в коем случае бросать нельзя.

Немного отдохнув, Криворотый продолжал свой путь. Теперь под сапогами хлюпала вонючая жижа, начинался самый опасный участок болота. Он снял с плеча карабин и побрел дальше, опираясь на него, как на палку. Прямо перед ним выросла стена лозняка. Климчук обрадовался — пожалуй, здесь будет неплохая опора. Около кривой и чахлой березки увидел темное трясиное «окно», заполненное черной водой и поросшее тростником. Хотел перескочить его, но не хватило сноровки, и он со всего размаху плюхнулся в топь. Бросив мешок и карабин, Климчук замолотил изо всех сил руками, пытаясь выкарабкаться из трясины. Но чем больше он барахтался, тем глубже уходил в ее черные недра.

«Неужели все? — ужаснулся Криворотый. — Неужели конец? И как я не рассчитал! Еще бы шагов пятьдесят, там лозняк, под ногами земля». В голове у него зашумело, гулко застучала кровь в висках. «Егор, возьми себя в руки, — мысленно приказывал он себе. — Главное, держись!» Но держаться было не за что. До березки не дотянуться, а кочки все остались позади.

Между тем трясина уже подбиралась к плечам, заходила за воротник, била в нос вонючим гнильем. «Что делать? Что делать? — Мысли путались, разбегались. — Проклятый парашют, проклятый мешок! И нужно же было ему очутиться в лесу в то время. Все было так ладно — и на тебе!»

Хотя... Он ведь нес мешок с картошкой для своего оправдания.

Вдруг ему почему-то вспомнился Носке, его хитрая усмешка. «Немчура проклятый! Знал ведь, что на смерть посылает, и не пощадил! Так уж нужна ему мертвая голова! Хотел покрасоваться!» Криворотый скверно выругался, в отчаянии подумал: а может быть, есть тут какие люди? Огляделся. Кругом болото, одно болото, и нет ему ни конца, ни краю. Где-то совсем уже недалеко начиналось мелколесье, за ним поднималась мрачная темная чаща. Никого...

— Эй! Э-эй! — закричал отчаянно Криворотый. — Спасите! Люди добрые!

...Всходило солнце, кудрявились вдали клочья тумана.

на, над головой Криворотого совсем низко пролетели три утки. Они спустились где-то неподалеку, видно, там было маленькое озерцо. Стояла зловещая тишина. Только поскрипывала под ветром склоненная над топью кривулька березка.

Набрав полные легкие воздуха, Климчук опять закричал:

— Э-эй, э-эй! Помоги-и-те!..

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Адъютант дядьки Андрея, Мишка Русак, получил задание объехать партизанские посты в южной части острова, посмотреть обстановку, которая сложилась там за последние дни, предстоял разговор с бойцами боевых групп и подразделений. На юге острова подступов к нему было три. Все их защищали партизаны из отряда Володи Колесникова, москвича, оказавшегося здесь, в Полесье, после выхода из вражеского окружения. Командир он был строгий, деловой, смекалистый. На счету его группы было немало смелых, рискованных операций. В отряде Колесникова воевал и Вадим Николаевич Мурашко.

За последних два дня, Мишка знал, отряд Колесникова понес заметные потери. Сам командир был ранен, пуля задела плечо.

Мишке нужно было побывать и на стоянках беженцев, посмотреть, как там и что, если надо, поговорить, утешить, подбодрить, передать наказ дядьки Андрея не допускать паники, не впадать в отчаяние, строго соблюдать дисциплину. И конечно, выявлять болтунов, провокаторов. Вчера состоялась встреча с партизанской группой, что защищала дорогу на старой запруде около Желтого лога.

Собрались ребята у костра, хмурые, притихшие. Лица у всех осунувшиеся, озабоченные. Перво-наперво спросил Мишка, как у них с харчами

— А ты загляни в наш котел, — посоветовал командир группы, усатый дядька с желтым отечным лицом.

Мишка подошел к огню. В котле, подвешенном между двумя рогатинами, булькало и пенилось варёво. От него тянуло чем-то несвежим. Мишка взял деревянную ложку с длинной ручкой, помешал его, увидел, что там полно костей, белых, без мяса.

— По лесу подбираете? — спросил Русак.

— Каждая косточка на вес золота! — усмехнулся усатый. — Мы их ошпариваем, потом разбиваем молотком, для навару. А юшку заправляем крапивой. Подожди, и тебя угостим, посмотришь.

— Я и так вижу, — Русак хмуро обвел глазами партизан. Они сидели полукругом у костра, — от такой еды жив будешь, а...

— Ничего, смотри, все сидят настороже: боятся, чтоб, не дай бог, жир из котла не убежал...

— Ну уж это ты врешь! — выкрикнул худенький подросток с серым лицом и маленькими, глубоко запавшими недобрыми глазами. — Говори, Антонович, да не заговаривайся.

— А ну, где ты сейчас должен быть?

— Где, где? В бороде... — растерянно забормотал подросток.

— Вот то-то! А ты учуял варево, не выдержал, с поста убежал.

— Так там же мой напарник Васька. Да и отсюда все видно: на нашем участке фрицы ведут себя спокойно. Даже мин не бросают. Позавчера, правда... чтоб им было лихо, так обстреливали... Одна мина мне чуть на голову не упала.

— Ну и что, если бы и упала, — примирительно сказал пожилой партизан в шапке-ушанке и толстой, деревенской вязки фуфайке, перепоясанной широким солдатским ремнем. — Упала бы и отскочила...

— Ты разве по себе меряешь, по своей голове? — огрызнулся подросток.

— Ну, хлопцы, снова сцепились? — строго глянул на партизан старший группы, усатый. — Хватит. Лучше идите походите по лесу, может, каких-нибудь маслят насобираете. В котел бросим, приварок будет, для вкуса.

— Пожалуй, пособираем! Их уже на рассвете из земли повыдергали.

— Грибки тут для людей что конфетки, — объяснил усатый. — Даже дождевики и те в ход идут.

— Сырыми едят или отваривают?

— Отваривают. Я их пробовал. Кажется, неказистый гриб, а молодой да беленький, когда поварится, как боровик, вкусный!

— Нашел тоже — вкусный! У дождевика мякоть желтая, как труха.

— Сам ты как труха! — разозлился усатый. —

А ну найди мне дождевик, хоть один, при тебе съем. Это мы до войны переборчивыми были.

— Оно конечно... — согласился Михаил.

— Еще у нас беда, товарищ Русак, — сказал старший группы. — Соли нет. Вчера последнюю вытрясли в котел. А без соли...

— Антонович, милый! — ласково заглядывая в глаза усатому, сказал Русак. — И у начальства ее ни черта нет! Однако скоро, друзья, добудем.

— И манна небесная посыплется с неба... — вставил свое слово ленивый голос. — Осталось одно — жить святым духом.

— Товарищ Русак! — спросил подросток с худым, бескровным лицом. — Я понимаю, мы попали в кольцо, мы погибаем...

— Сидишь возле полного котла и говоришь: погибаем... Я смотрю, ты просто провокатор! — вспылil партизан в шапке-ушанке.

Парнишка озадаченно хмыкнул, махнул рукой, мол, отстань, и продолжал:

— Неужели нам нельзя помочь? Неужели про нас Москва не знает?

— Почему не знает? — тихо ответил Русак. — Конечно, знает. Сведения туда поступают.

— И ни слуху ни духу? Молчит?

— Точно не знаю, друзья. Про ответ ничего не слышал, а если бы и слышал — не сказал бы: военная тайна.

— Понимаем, — согласно кивнул Антонович. — Но если бы знали, что, скажем, посылают к нам самолеты с харчами, боеприпасами, ух, как бы народ подбодрился!

— У меня есть и невоенная тайна, — сказал Русак, — после битвы на Курской дуге наступление наше продолжается. На днях освобожден Харьков.

— Ого, уже Харьков! — оживился командир группы. — Слышите, ребята? И Москва салютовала?

— А как же! И приказ Сталина был. Похвалил он и пехотинцев, и артиллеристов, и танкистов. Вообще, друзья, не за горами тот день, когда мы дойдем и до Берлина!

— Очень ты быстрый, товарищ Русак, — улыбнулся Антонович. — Однако и такое будет. Только доживем ли мы до того дня?

— Доживем, Антонович, — сказал партизан в шапке-ушанке, — доживем!

...Беседа затянулась до самой ночи. Пока Русак сидел у партизанского костра, его жеребчик Байкал пасся невдалеке на лужке. Хорошо было видно, как он пощипывает траву, как, стреноженный, осторожно переступает копытами.

Русак давно приметил, что около Байкала крутились два подростка, лет по пятнадцати. Неужели позарились на лошадь?

Он быстро поднялся и подошел к ребятам, даже автомат снял с плеча для острастки. Мальчишки убежали и больше не показывались. Когда стемнело, Мишка привел коня к костру, привязал к стволу сосны и наказал постовому присматривать за ним, как за своим.

Ночь прошла спокойно. Проснувшись, Русак увидел, что старший группы Антонович закладывает в котел кости. Около тлеющего костра лежала горстка только что собранных волнушек. «Ну вот и грибков раздобыли, — довольно подумал Русак, — маловато, конечно, на восемь душ, но и это еда...» Увидев, что хозяин на ногах, тоненько заржал Байкал, задвигался, зазвенел уздечкой. Нужно было его покормить и напоить. Русак передал указания командира партизанского объединения Антоновичу, распрощался по-дружески с бойцами и поехал дальше.

Утро было ясное, теплое. Михаил думал о ребятах-партизанах из отряда Антоновича и сетовал, что ничем не мог им помочь. «Соли нет — серьезное дело, нужно доложить дядьке Андрею».

Конь шел неторопливо, словно нехотя.

Только сейчас Михаил почувствовал, как голоден. Можно было, конечно, дожидаться завтрака у партизан, но Мишка видел, что отряду Антоновича и так придется совсем худо. Ребята все — кожа да кости, не мог он быть у них нахлебником.

Михаил похлопал себя по карманам, но они были пусты. Байкал на ходу выхватывал из-под ног пучки травы, звучно хрумкал. «И коня надо бы попасти», — подумал Михаил. За березовой рощицей возле елового леса он увидел небольшую зеленую полянку. Туда и повернул Байкала. Конь понял намерение хозяина, весело вскинул голову, заржал. Михаил соскочил с коня, не спеша стреножил его, а сам направился к березня-

ку — грибов поискать, полакомиться заячьей капустой. Внезапно до слуха Мишки донеслось:

— Спасите-е-е!

Он повернулся на голос. Крик повторился:

— Спасите-е-е!

Не мешкая, Михаил сорвал с плеча автомат и бросился к болоту.

Когда под сапогами зачавкала грязь, Михаил перешел на шаг. Голос долетал из-за густой стены лозняка, которая как бы надвое прорезала эту часть болота. Парень уже несколько раз проваливался в трясину, его чуть не затянуло до колен, — он выбрался с трудом и дальше стал двигаться медленно и осторожно.

Людей на болоте не видать, видно, кричал кто-то один. Но кто? Беженец, партизан или просто кто-то случайно заблудился?..

Михаил порядком устал. Он остановился и, уцепившись за корягу, что торчала на небольшом холмике, покрытом пожухлой травой, перевел дух. Голос уже слышался совсем близко. Михаил тоже закричал и стал пробираться по кочкам напрямик. В голове шумело, ноги слабели с каждым шагом. Парень понимал, что в борьбе с проклятым болотом теряет последние силы, которые нужно беречь. Но ведь человек погибает! Как же ему не помочь!

Русак подошел к «чертову окну», он видел лишь затылок человека и рыжий чуб.

— Э, братуха, и как тебя угораздило?

— Братка, спаси! Братишка... — Криворотый стоял и давился жижей, которая затекала ему в рот.

— Ну и попал ты в переделку! Продержись немножко, что-нибудь придумаем!

Михаил осторожно, проверяя под ногами грунт, стал подбираться к бедолаге.

— Братка, погибаю. Сил нет... — молил Криворотый.

— Подожди, ну подожди чуток. Я сам еле держусь. И какой дьявол тебя занес сюда? Гнались за тобой или у самого головы нет?

— Братишка... братишка...

— Вот тебе и братишка! Не погоняй, долго терпел, еще потерпи...

Михаил прикидывал так и эдак. Близко подойти — опасно. За жердиной возвращаться — не успеешь, утонет бедолага. Лицо уж и так посинело, губы белые,

трясутся, жижа подбирается к самому подбородку. И рук не видно. Как помочь?

Михаил огляделся и увидел на пригорке кривульку березку. Прикинул расстояние, и сразу возник план.

— Подержись еще маленько! Фу ты, ну ты... — Михаил снял ремень, захлестнул ствол березки, а свободный конец привязал к автомату. Ухватившись за приклад, Михаил лег и начал на животе продвигаться к человеку, вытянувшись во весь рост, достал наконец сапогами до его головы.

— Берись! Хватай руками, — крикнул Михаил.

Человек с трудом выпростал из трясины руки и судорожно вцепился в сапог своего спасителя.

— А теперь помаленьку поехали, — приказал Михаил. — Фу ты, ну ты... Теперь будешь знать, как ходить по болоту... Ну, еще немного. Хватайся за кочку! Тут я тебе руками подсоблю!

Когда Климчук подполз к кочке, Михаил крепко схватил его за плечи и вытащил из трясины.

— Живой? Нахватался воды? Это ничего, ложись вниз лицом, я в момент... — Мишка подхватил «утопленника», подsunул ему под живот свое колено и сильно притиснул сверху. Из рта спасенного хлынула черная жижа.

— Полболота, поди, выпил и, смотри, молодчина, выдюжил. А теперь поднимайся, нечего отлеживаться. Покажись, кто ты такой. Партизан?

Криворотый отплеывался, стонал и чертыхался. Его бил озноб.

— Где ж твое оружие? Что ты здесь делал?

— Там, там, — Климчук показал рукой на «чертово окно».

— Ага, было, да сплыло, — засмеялся Русак. — Ну, отдышались и пойдем.

— Нужно достать, — прошептал Климчук, — там...

— Доставать не будем, — решительно перебил Михаил. — Скажи спасибо, что сам живой остался. Все равно не найдешь...

— Там... мешок...

— Фу ты, ну ты... Хочешь, чтобы и я туда сиганул? Считай, что пропали и карабин и мешок. А что в мешке?

— Патроны...

— Какие патроны?

Криворотый повернулся к Русаку и, вытирая рука-

вом лицо, начал нескладно объяснять, что за мешок он тащил на себе.

...Долго возился с мешком Михаил Русак, но в конце концов выудил его из грязи и вытащил на кочку.

— Фу ты, ну ты, — засмеялся он и внимательно посмотрел на спасенного.

— Молодец! Скажу дядьке Андрею, чтобы представил к награде. Из какого отряда?

— Дмитрия Дукоры.

— А звать тебя как?

— Егор Климчук.

— Хорошее имя. Хм-м, Климчук... Мне кажется, товарищ Климчук, ты заслужил медаль.

— А ты кто такой, чтобы медали раздавать?

— Кто? Начальство. Неужели ни разу не видел?

— Ну, так уж и начальство! — не поверил Климчук.

— На лошади езжу. Не то что ты, пехом топаешь. Я Михаил Русак, адъютант дядьки Андрея. Можешь считать, его правая рука. Когда я ему что подсказываю, он, понимай, голова, слушается. Так что мотай на ус — сказал, что медаль будет, значит, будет!

Криворотый довольно улыбнулся:

— Не нужно мне твоей медали. Спасибо, что спас. А начальству, конечно, расскажи. Хотелось бы и дядьку Андрея повидать. Как он, не ранен, жив-здоров?

— Крепкий он человек. Богатырь! А пули на него, славу богу, еще не отлили... Фу ты, ну ты... — спохватился Мишка. — Долго же мы, однако, с тобой провозились. Солнце-то вон куда подскочило!

— Карабина нет, — напомнил Климчук, — не ладно без оружия в отряде показываться.

— Беда небольшая. Я твоему Дукоре растолкую. Ну, подставляй спину, — кивнул Михаил на мешок.

— Да ты что, побойся бога! Теперь я сам не дотащу...

За мешок ухватились оба, с двух сторон, и потащили. Идти было несподручно, получалось совсем нескладно: то не попадали в ногу, то мешок выскальзывал из рук и шлепался в трясину.

Русак не выдержал — остановился, крикнул:

— Ну-ка забрось мне на загривок. А то вымотает все нервы!

Климчук с облегчением вздохнул: «Пусть тащит». Он шел следом, задыхаясь и отплевываясь.

Тишину леса нарушили выстрелы. С каждой мину-

той стрельба усиливалась. Это были уже не одиночные выстрелы, а мощные залпы. Где-то в стороне рвались мины.

Криворотый подумал: видать, полковник Носке не дает поблажки своим солдатам. Держит их в боевой готовности. Теперь он перебросит войска в район гати. Покажет партизанам, что такое немецкая техника! А партизанам и воевать-то нечем. Мешок с патронами для целого соединения капля в море! А Мишка радуется. Чудак, не знает, что ему и командиру его скоро конец придет... и очень скоро! Последние дни доживают...

— Егор! — вдруг крикнул Михаил, — к черту твой мешок. Ты посмотри туда, на березняк, коня видишь?

Климчук вздрогнул от неожиданности. Какая там еще опасность?.. Оторопевший, испуганный, он с трудом понял, что Мишка ищет какого-то коня. Вгляделся, сказал хриплым шепотом:

— Коня не вижу. А какой он?

— Какой, какой!.. — взорвался Русак и побежал к березовой роще.

— Байкал! Байкал!

Климчук посмотрел вслед Мишке. Ясное дело, украли коня. Кто же его оставляет так, без присмотра? «Вот и у адъютанта дядькиного неприятность. У меня карабина нет, а у него — коня».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Только во второй половине дня усталый, но довольный Вильгельм Циммер вернулся в комендатуру. Он сразу прошел в свой кабинет, вызвал тюремного надзирателя.

— Что нового, Курт?

Тот угрюмо доложил:

— Сегодня утром согласно вашему приказанию в секторе зоны А расстреляно 147 человек из числа тех, что захвачены в лесах. Идет новое пополнение. Арестованных немного, двенадцать человек.

— Почему так мало, Курт?

— Все, господин комендант, зависит теперь от солдат полковника Носке. Мы очень на них надеемся...

— Ты не в курсе дела, Курт. Полковник Носке никого не щадит — сжигает села вместе с жителями. Подчищает, как хорошая метла. После него арестовывать

уж некого. Кстати, как с этим, арестованным Го-ду-ном?

— Мы хотели вывести его в сектор, в камере он уже почти не двигался, лежал как труп. Но когда стали укладывать на носилки, он зашевелился, ну мы и оставили его в камере.

— Он все еще не пришел в себя?

— Нет, господин комендант.

— Не трогайте его пока, Курт, эта птичка нам еще понадобится. Отливайте его водой, делайте примочки, покормите. Поняли?

— Понял, господин комендант!

После того как надзиратель вышел, Циммер разложил на столе бумаги, проверил, заперты ли ящики стола. Потом подошел к сейфу и открыл его. В верхнем отделении лежали запасные пистолеты и к ним обоймы с патронами. В среднем — секретные бумаги, содержащие сведения об агентах гестапо, а в нижнем — красиво инкрустированная шкатулка из карельской березы.

Вильгельм бережно вынул ее, поставил на стол, раскрыл. И словно сноп ослепительных искр взметнулся из-под крышки — это переливались и сверкали золото и бриллианты. Вот его богатство, его капитал, нажитый в России! Не так уж велик, но, пожалуй, хватит, чтобы безбедно прожить остаток жизни после войны с его дорогой Гретхен и мальчиками.

«А может, подарить какую-нибудь мелочь Оксанае? Фрейлейн так старается, помогает... Но нет, не стоит, — решил он. — Пусть ей дарит Фридрих перстни и браслеты. Ах, Фридрих, Фридрих, позавидуешь тебе!..»

Мысли о Носке вернули к делам и заботам сегодняшнего дня. После утреннего визита к полковнику Циммер, прихватив солдат, завернул в Старосельское лесничество. Там в специальном вольере откармливалось несколько косуль. Две косули были пойманы и погружены в машину. Это трофеи для Носке. Пусть покажет свой охотничий дар, потешит самолюбие азартного охотника! Кстати, запомнит, что он был гостем на территории, подвластной ему, Вильгельму Циммеру. Эта прогулка на остров должна ему запомниться! Еще бы! Из дичи повар приготовит вкусные блюда по всем правилам кулинарного искусства. И это все под открытым небом, у костра, в присутствии хорошенькой фрейлейн. О! Такое Фридриху, наверно, и во сне не снилось.

Косули уже пасутся на острове. По его, Циммера,

личному приказу солдаты обошли остров, прочесали его вдоль и поперек.

...Раздался легкий стук в дверь. Вошла Оксана. Лицо ее было хмурым, недовольным. Неприязненно взглянула на коменданта, кивнула, привычным жестом поправила волосы и села за стол. Комендант, как всегда, не спрашивая разрешения, вытащил сигарету, закурил.

— Фрейлейн Оксана, — заговорил Циммер, — конечно, в душе вы меня осуждаете за мои промахи в воспитании, — он кивнул на сигарету, — я понимаю, это невежливо...

— Что вы, — спохватилась девушка, — не выдумывайте, пожалуйста. Вы любезный и воспитанный человек, господин комендант.

— О! Я стараюсь быть таким. Но бывает... Что ж, нужно понимать: работа есть работа и порой забываешь о людях, которые тебя окружают. Но я из тех, кто исправляет свои ошибки. Сегодня и завтра, фрейлейн, вы свободны. Отдыхайте, набирайтесь сил! Тогда и работа пойдет лучше, не так ли?

Оксана насторожилась. С какой стати комендант проявляет к ней столько внимания и заботы? Тут что-то не так... Видимо, за этим кроется что-то серьезное...

— Благодарю вас, господин комендант. Я могу уйти?

— Подождите, еще несколько слов и...

— Я слушаю.

— Утром у меня была встреча с полковником Носке. Вы знаете, он высоко ценит вас и ваш талант переводчицы. Он считает, что даже в фатерланде у него не было таких достойных, как это говорится, помощниц. Он мне говорил, что уже готов был сдать свою дивизию под ваше, фрейлейн, командование.

— Какой вы насмешник, господин комендант, — нахмурилась Оксана. — Зачем же так?

— Я просто отдаю должное вашим женским качествам и обаянию — неужели вам это неприятно?

— Ну хорошо... Так вот, у меня разговор с полковником был, мы говорили о Годуне.

— И это мне известно, — кивнул головой Вильгельм.

— Господин комендант, я прошу понять меня...

— Понимаю, все понимаю. Скажу больше: я уже отдал распоряжение освободить Годуна.

Оксана вздохнула:

— Отпустите его поскорей, господин комендант, он еле жив и может не дожидаться свободы.

— Фрейлейн Оксана! Вы слишком верите людям. Не нужно этого делать, — подчеркнул он и добавил уже мягко: — Вы молодая, наивная, еще плохо знаете наш грешный свет и кто чем дышит. Не следует так легко подставлять свою голову под удар. — Циммер затянулся сигаретой. — Я узнал, что у нашего уважаемого полковника сегодня и завтра небольшой отдых, разминка перед очень важной операцией. Он боится, что будет скучать. Я посоветовал ему провести островок на Буян-озере, кажется, Черный Дуб или что-то подобное. Словом, райское местечко, местная экзотика. Предложение принято. Но нужен гид, и я подумал: лучшего гида, чем вы, нам не найти! Ну как? — спросил комендант. — Кстати, там, на месте, и поужинаете. Видите, фрейлейн, какой чудесный отдых вас ожидает! Ну, счастливо. — Комендант встал из-за стола, ласково потрепал девушку по плечу.

— Пойдите! А Годун? Он должен...

— Завтра, дорогая фрейлейн, завтра. Слово чести немецкого офицера!

Оксана еще не сообразила, как отнестись к предложению Циммера. Первым побуждением было отклонить, под любым предлогом отклонить! Но с этим предложением, если подумать, связана судьба Федора Годуна. Он принес ей партизанский приказ, она его как могла выполнила. Алеша поплыл по озеру в блокадный район... Нет, Федора Годуна нужно освободить любой ценой!

— Господин комендант, — смиренно сказала Оксана, — если вы возлагаете на меня такую миссию...

— Вот и умница! — искренне обрадовался Циммер. — Я всегда был самого высокого мнения о вас, милая фрейлейн. Счастливо!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Егор Климчук с трудом отдышался. Пот заливал лицо, глаза слезились, очень хотелось есть. Затвердевшая одежда больно царапала тело.

Сложным и безрадостным оказалось на этот раз его возвращение в партизанскую зону. Раньше, бывало, когда он отлучался на встречу с офицерами СД, все выходило у него легко и просто. Никто ни разу не задержал его, да и приключений особенных не бывало. Куда же

делся Русак? Нужно уж как-то вместе добираться до своих, да вдобавок дотащить этот проклятый мешок... Если подумать, все неприятности начались из-за него. Задержка на полдня — это по теперешним временам очень много! А если еще затормозит дорога? И где этот мальчишка-адъютант?

Климчук огляделся — нигде не видно было Мишки Русака. Небось как ошалелый ищет своего коня. Не найдет он его, ясное дело, не найдет. Вот чудак...

Климчук отлично понимал, что в пропаже коня виноват он. Русак, добрая душа, бросился его спасать и про коня своего забыл. Уж он, Егор, такой глупости не сделал бы!

Отдышавшись, он в последний раз вытер лицо, взвалил на спину мешок и поплелся к лесу. Шел и нарадоваться не мог твердой земле под ногами!

Интересно, где все-таки конь Русака? Найдет его хозяин или нет? И где он сам-то сейчас мотается? Вряд ли скоро вернется. Может, в драку ввязался, а там и до стрельбы дело может дойти. Но ничего, жив будет, про Егора не забудет, да и про мешок тоже. Сам разыщет или другого кого подошлет, но боеприпасы заберет и все расскажет дядьке Андрею.

Вот и березняк, здесь сухо, светло.

— Эгей! Эгей! — закричал Климчук.

Но ответа не было.

Внезапно под ногами на узкой тропинке, что петляла между березками, он заметил следы крови, потом еще... И тут же увидел Русака. Он сидел на поваленном дереве и плакал.

— Мишка, — сказал Климчук, — а я тебя искал. Чего ты?

Михаил всхлипнул, показал рукой к лесу.

— Проклятые, что наделали! Погубили коня... Такой добрый был конь...

Климчук вышел на прогалину, поросшую невысокими елками. Там остались кровавые следы расправы, кругом белели кости.

Но кого тут судить, кого обвинять? Голод!.. Проклятый голод этому виной... Климчук видел — это было три дня тому назад, — как для спасения людей в отрядах отбирались старые или больные лошади. В партизанской зоне давно не осталось ни одной коровы, козы или овцы. Даже собаки исчезли. Вот и Мишкиного коня постигла та же участь.

Климчук вернулся к Мишке.

— Сочувствую, брат. Могли же они узнать, что конь непростой, командирский. Да, с тобой не посчитайся. Только бы урвать свое, животы напихать. Таких к стенке надо! Я так понимаю...

Русак ничего не ответил.

Криворотый подсел к нему, опять забубнил свое:

— Гады проклятые, чтоб у них руки и ноги отсохли...

— А ну, замолчи! — Михаил встал, поправил ремень и зашагал по тропке.

Климчук, насупившись, взвалил на плечи мешок, побрел за ним.

Они шли уже довольно долго, как вдруг откуда-то потянуло дымком.

— Может, завернем? — несмело предложил Климчук. — Может, те злодеи пируют.

Михаил ничего не ответил, но повернул в сторону леса.

Где-то за деревьями звенела и дзинькала пила, слышался громкий детский плач.

Из-за сине-зеленого ельника вырвался столб дыма.

...На большой поляне, окруженной старыми деревьями, былолюдно, как на базаре. Стояли старые неуклюжие повозки, валялись бочки, хомуты, какая-то рухлядь. Тут же, среди всего этого крестьянского скарба, сидели женщины, под брезентовым навесом возились детишки. На самом краю поляны, под дубками, горел костер. Черный дым поднимался высоко в небо. Вокруг костра стояли и сидели люди.

Михаил подбежал к ним, закричал:

— Вы что, спятили?! Кто разжег костер? Это же демаскировка! Фашисты бросят бомбу, и всем вам конец! Быстрее потушите огонь!

— А ты кто такой? — К Мишке подошел старик, весь в черном, спросил спокойно, с достоинством.

Мишка глянул в его сторону и увидел на пне, на широкой деревянной доске, куски свежего мяса. От него шел тяжелый запах крови и требухи.

«Так вот кто прикончил Байкала!» Михаил огляделся: вокруг костра стояли на раскаленных углях кастрюльки, чугуны, чайники. А на двух рогатинах был подвешен большой котел. Под ним билось малиновое пламя костра.

— Так это вы!.. — дрожа от ярости, крикнул Михаил. Рука невольно потянулась к автомату.

— Кто ты такой, хлопче? — тихо спросил старик. — Не кричи, будь гостем нашим. Накормим, вижу, что голоден. Сегодня у нас удачный день.

«Они, они загубили коня... И еще издеваются — «гостем»!.. Пострелять бы вас всех!..» — Михаил чуть не задохнулся от возмущения:

— Гостем!.. Гостем, говорите?!

Но его перебил голос молодой женщины с ребенком на руках:

— Люди добрые, да что это с дитем моим? Гляньте — совсем синий, заходится... Ой, сыночек, не помирай!.. Не помирай, миленький! Ой, кровиночка моя роденькая!..

— С голодухи это, Гануля. Не видишь — сводит у него живот.

— Иди, поешь, может, и молоко прибудет — ребеночку-то и полегчает... — И увели плачущую мать.

Михаил смотрел им вслед, и возмущение, закипевшее было в нем, умиралось, затихало.

— Что у тебя за беда, хлопче? — Старик сочувственно смотрел на Мишку. — Поговори с нами. Может, ты голодный?.. Главное, за нас не волнуйся. Подумаешь — дым! Мы смерти не боимся.

— Эх! — горестно махнул рукой Мишка и, круто повернувшись, пошел от костра.

Климчук ждал его в сторонке. Михаил хотел взвалить мешок себе на плечи, но Климчук не дал, отвел его руку:

— Я тут носилки разыскал. Теперь нам будет легче... А что там? — кивнул он в сторону костра.

— Беда! Вот что. Голодные как волки. Не люди, а тени. Одежка висит как на колах.

— Это они?.. С конем...

— Кто их знает, а может, кто другой. Тут же народу — тьма...

Русак и Криворотый взвалили мешок на самодельные носилки, поплевали на руки и, ухватившись с двух сторон, двинулись в путь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

От крутого берега, на котором росла старая кривая верба, отчалили две большие лодки. Пассажиров было не так уж много: в первой лодке, на носу которой раз-

вевался красный вымпел со свастикой, разместились Носке, Циммер, Оксана и лейтенант штаба, плечистый детина с маленькой круглой головой на длинной шее. На веслах сидел коренастый здоровяк солдат. Во второй лодке сидели повар и три солдата из комендантского батальона.

Носке глубоко вдыхал свежий воздух и то и дело крутил головой, разглядывая живописные берега озера. Все настраивало на благодушный лад — и эта пригнувшаяся к самой воде верба, и легкий ветерок, ласкавший лицо, и чуть слышный плеск волн, и скрип весел в уключинах... Циммер понимал настроение Носке и довольно усмехался про себя.

— Тут будут жить наши соотечественники, господин полковник, — говорил он, — мы построим великолепные поселки с красивыми домами на наш, немецкий лад.

— О, конечно, дорогой Вильгельм, — с готовностью откликнулся Носке. — Мы здесь все переиначим, поднимем на новую ступень. И даже назовем все по-новому. Вот это озеро, как оно называется? Фрейлейн Оксана, подскажите, — обратился он к девушке.

— Буян-озеро.

— Видите, никудышное название. Не звучит.

— Фридрих-озеро! Так мы его назовем, господин полковник, — нашелся Циммер, — в честь вашей победы над лесными бандитами. Чтобы помнили соотечественники, что тут пролилась кровь немецких воинов.

— Вильгельм, — недовольно поморщился Носке, — пожалуйста, не надо о крови. Я постараюсь победить партизан без особых потерь с нашей стороны. Пусть льется кровь русских, за это мы и будем молиться.

— Конечно, конечно, кровь русских... — пробормотал комендант и принялся пристально рассматривать озерные дали.

Оксана слушала разговор гитлеровцев, внутренне негодуя и ненавидя их: «Ваше озеро... Ваша победа. А вилы в бок не хотите?..»

Мысли были невеселые. Судьба Алеши Годуна очень беспокоила Оксану. Где он, добрался ли до партизан, не сразила ли его шальная пуля? Как легко и просто, не думая об опасности, пошел он на задание. Имела ли она право рисковать еще и жизнью парнишки?..

Путь к партизанам через озеро — самый короткий

и удобный. Алеша поплыл, конечно, когда совсем стемнело. Темнота охраняла его и берегла от посторонних глаз. Утро следующего дня — Оксана хорошо это запомнила — было как на заказ: тихое, туманное. Только к полудню поднялся ветер и разогнал туман. Хотела она тогда же прибежать к озеру, но этот Циммер... Возможно, что озеро парнишке удалось переплыть без приключений, но сколько опасностей ожидало его на берегу...

Оксана незаметно вздохнула. Мысленно твердила, как заклинание: «Пусть все будет хорошо. Пусть счастливо стелется перед ним стежка-дорожка. Нет, не ошибся дядька Андрей, когда обратился ко мне... Никогда мы с ним не виделись, не встречались. Видно, Рубис подал ему весть обо мне. Где он теперь? Если с дядькой Андреем, значит, мы встретимся». И Оксана вспомнила тот памятный день на вокзале, важный разговор о подпольной работе, пароль, который он дал ей тогда...

Резкие крики чаек вспугнули невеселые мысли девушки. Стремительно, как белые молнии, носились птицы над озером.

Носке изредка посматривал из-под козырька высокой, с блестящими позументами фуражки на северный берег озера. Там, над болотом Комар-Мох, колыхались высокие столбы дыма. Полковник, нахмурясь, отвернулся. Скоро, очень скоро все будет кончено с бандитским гнездом на болоте. Настанет день — и он уже недалеко, — когда можно будет отослать в Берлин телеграмму. Лично фюреру.

— Господин полковник, — внезапно заговорил Циммер, решив разрядить затянувшуюся паузу. — С нами чудесный гид, фрейлейн Оксана. Я вижу, она о чем-то задумалась и, по-моему, скучает. Попросим ее рассказать... — комендант запнулся, как бы подбирая нужное слово, — ну хотя бы...

— Я вам расскажу про наше озеро, — с готовностью отозвалась девушка. — Вы имеете намерение, как я слышала, — она слегка улыбнулась Циммеру, — его переименовать. Фридрих-озеро, конечно, звучит. Но мне кажется, не надо забывать историю, фольклор. Мы все интеллигентные люди, — она опять улыбнулась, — и понимаем, что это такое. Хотите, я расскажу вам одну прекрасную легенду, связанную с озером?

— Легенды я люблю! — кивнул Носке, любясь раз-

румянившимся лицом Оксаны. — Но только действительно интересные. Предупреждаю.

И Оксана начала свой рассказ.

Легенда о Черном Дубе

— Седая старина подарила нам это преданье. Как и теперь, селенье Митковичи находилось в давние времена у озера. Селенье было небольшим, всего одна-две улицы. На горе, на самом краю поселка, откуда бежит дорога на Туров, на том месте, где сейчас школа, стояла богатая усадьба в античном стиле, с колоннадой. Здесь жил помещик Стефановский. Жил, как говорят, на широкую ногу, владел всеми окружающими деревнями и почти всеми здешними землями.

А норов был у пана Стефановского не приведи боже: человека убить, замучить — ничего не стоило.

И вот у одного бедного крестьянина, которому долгое время бог детей не давал, родился мальчик. Родился прямо в поле, под копной ржи. Как обрадовался крестьянин, что наконец и ему, бедолаге, посчастливилось!

Жена завернула ребенка в зипун, который прихватила с собой на поле, и попросила мужа проводить ее до дому. Посадил он ее на воз и поехал. Поглядел на сынишку, видит: глазки, как звездочки, светятся, личико румяное, как утреннее солнышко.

Еще больше обрадовался крестьянин. Песню затянул веселую. Потому не услышал, как догнала его панская гройка.

«Ах, пся крив! Песни поешь, с поля убежал. Радуетесь! Вот тебе покажу, быдло этакое!» И начал хлестать мужика и его жену по чему попало. Едва дотянули до села, слезли с воза, взяли в руки сыночка и понесли в хату. И только переступили порог, рухнули на пол и испустили дух.

Но сынок остался жив-здоров. Заплакал мальчик, будто понял, что остался один.

Добрые люди хотели приютить сиротинку, но пан приказал — не трогать! Думал, что хлопчик зачахнет, погибнет. А он живет себе да живет. К нему забегали сердобольные соседки, кормили кто чем.

И так начал хлопец расти, как тот грибок в лесу, не по дням, а по часам.

Когда ему исполнился годик, взял хлопчик ведро,

пошел к колодцу, принес воду. А в три года Ян — такое имя ему дали — уже мог помериться силами с деревенскими парнями. И не было случая, чтобы он внизу очутился. Дивились люди: ну и силушка у сиротины! И прозвали его Буяном.

По натуре хлопец был очень добрый и ласковый. И улыбка почти никогда не сходила с его губ. В шесть лет он уже был ладный паренек: крепкий, как коряга, а ростом перегнал самого высокого мужика в селе. Начали заглядываться на него девчата. И он высматривал себе любимую. Приглянулась ему Настенька, красавица писаная: стан прямой, как у тополя, глаза что спелые сливы, личико румяное, как яблочко.

Прослышал пан, что Ян тянется к Настеньке, казак ходит, не по нутру ему их любовь. Пан как раз овдовел. Велел он привести Настю в усадьбу. «Так и так, — говорит, — выходи за меня замуж — озолочу. Посажу в палаты каменные, будет тебе не житье, а царство небесное».

«Не хочу, — ответила девушка, — царства небесного. Мне люб Ян, и не променяю его ни на какое золото».

Отпустил пан девушку, а сам задумался, как сжить со света Яна. Понимал, непросто это будет: хлопец умный, сильный, как лев. А тут к пану пришел сам Ян.

— Может, ты и против, господин, — сказал Ян смело, — да женюсь я на Настеньке.

Усмехнулся пан:

— Что же ты женишься на бедной горемыке? Не мог себе побогаче приглядеть? Ну смотри, чтобы потом не каялся. Но слово последнее за мной, и я тебе его скажу.

— Что за слово, господин?

Опять усмехнулся пан:

— У меня три условия. Выполнишь их, осилишь — женись, не буду тебе перечить. Первое условие такое: на своем коне перескочи через мой дворец. Подготовься. Даю сроку три дня.

Услышал это Ян, крепко задумался. Разве перескочить через панский дворец на его тощем, неказистом коне?

Вернулся парень домой, пывел коня на двор, сел на него, а тот еле стоит на ногах от такой тяжести. Горестно вздохнул Ян:

— Ах, коник любимый, что же мне делать?

Тяжело на душе, как в осеннюю ночь. И вдруг

конь шевельнулся под Яном, заржал, а потом сказал человеческим голосом: «Отпусти меня в лес, Яночка». И больше ни слова. Парень подумал, что все ему почудилось. Но с коня слез — все равно, какая от него корысть. Решил так: пусть идет куда хочет — в лес, в болото, хоть на край света.

А конь мотнул головой и побежал в лес.

Ян вернулся в хату, сел у окна, от горя черный как туча. Тоскует, проклиная пана и свою сиротскую долю.

День сидит думает, два думает. Легче ему разобрать-разбросать дворец руками, чем перескочить на коне.

На третий день вышел он во двор, посмотрел на небо, какое оно чистое да высокое. Через окно оно ему виделось перед этим в тучах, носились по нему молнии.

И теперь в чистом небе внезапно вспыхнула молния. Не успел парень удивиться такому чуду, как задрожала земля, зазвенела струной. Видит: стоит перед ним его конь. Со звездочкой на лбу, такой ладный, такой красивый, с пышной золотой гривой. Повеселел Ян.

А около панского дворца тем временем собралось людей видимо-невидимо. Всем хотелось посмотреть, как решится участь красавицы Настеньки.

Ян Буян сел на коня, прискакал к панскому дворцу, остановился и, сняв с головы шапку, низко поклонился людям. А конь так и танцует под хлопцем.

«Люди добрые, смотрите, свидетелями будьте. Мне пан задачку задал. Трудная она, но я попробую ее осилить».

Разогнал парень своего коня, дал шпоры. Тот как взвьется стрелой, как взлетит над землей, только воздух загудел. Но около самой стены дворца — стоп! — остановился. Неудача! Маловат взят разгон.

Вернул Ян коня на прежнее место, потрепал его рукой по шее, заглянул в глаза. Ну еще раз! Стукнул конь копытами так, что дворец закачался. И снова осечка. Пан стоит на крыльце, усмехается.

Ян развернул коня, провел рукой по его бокам, нагнулся, поцеловал золотую гриву. И слово шепнул заветное: «Не подведи меня, слышишь?» Стукнул копытами конь — искры посыпались. Видят люди: как птица летит. Все выше и выше. Грива развевается, лучами солнца оплетена. Раз — и конь уже над крышей дворца, даже копытами не зацепил. Вот он уже на земле.

Люди радуются. А пан чуть не разрывается от злости. Но виду не показывает, думает: впереди еще две задачки. Не может такого быть, чтобы Ян их выполнил.

— Слушайте, люди, — сказал пан, — второе мое условие. Выполнит его — молодец, не выполнит — пускай забудет навек о Настеньке... А второе условие такое. Земля божья на все богата. Найди мне такой родник, из которого не вода бьет, а огонь в небо.

Ян дал коню шпоры и помчался по широкой дороге. Подъехал к родной хате, слез с коня, а в хату не пошел. Нигде никогда он не слышал, чтобы родник огонь рождал. Сел на придорожный камень, думает невеселую думу.

А в народе разговор пошел: плохи у Яна дела. Каждому хочется помочь бедному парню. Услышала про Янову беду одна женщина-колдунья, пришла к нему и говорит: дай, хлопче, погадаю, может, помогу, сниму с твоего сердца печаль-камень. Протянул Ян колдунье руку. Она всмотрелась в ладонь, потом положила на нее зеркальце. «Туман вижу, туман. Вот он расплывается, как дым. Лес, огромный старый лес... И речка между деревьями. И скала огромная, как стена. И хатка на курьих ножках... Ах, все не то... — говорит колдунья. — Разойдись, земля, в стороны, покажи мне тот огонь-диво, какой сам горит, бьет в небо пламенем». И только она это сказала, как запрыгает зеркальце на ладони Яна, замерцает огнями. «Ага, что-то есть, — обрадовалась колдунья. — Опادي, пелена, открой мне тайну-загадку... Ага, я так и знала: вот провал в земле, вот дорожка в пекло. И огонь... Бунтует огонь-родник. Ты не видишь, сынку?» — «Нет, не вижу», — говорит Ян. «И не увидишь. Тебе это не дано. Но ты найдешь его. Идти нужно к нему трое суток, по три версты в день, по трем дорогам. Первая ведет на юг, к реке, вторая — на восток, к Черному болоту, а третья — на запад, к владениям трехглавого змея. Он охраняет тот огонь-родник. Всюду тебе, сынок, будет сопутствовать удача. А вот со змеем доведется бороться. Если осилишь его, перед тобой появится мостик. Беги к нему, перейди реку, и там будет тот диво-огонь, диво-родник. Вот и все, сынок! Не горюй!»

Как только сказала она это, взвилась около камня пыль, закрутилась столбом, пропала колдунья.

Вскочил Ян, огляделся: в селе тихо, как на кладби-

ще. А конь стоит около хлопца, нетерпеливо перебирает копытами, трясет серебряной уздечкой. «Ну, коник, нам пора, — сказал Ян. — Поехали к кузнице, откую саблю острую, замашистую, чтобы сияла как молния». Не успел Ян к кузнице подъехать, как выходит из нее дюжий дед, в руках сабля. «Бери, — говорит, — три дня ковал, в трех водах закаливал, не сломится, не согнется. Ну, с богом».

Взял Ян в руки саблю, а она вся горячая, пышит жаром, потрогал лезвие, а оно как зеркальце: все видно в нем — и дорогу, и небо, и где какая птичка летит.

Поблагодарил парень кузнеца, тронулся в путь. Едет, как наказывала колдунья. На третьи сутки он уже во владениях трехглавого змея. Увидел его на скале, что высилась над рекой. Завязался змей узлом, лежит сытый и глаза закрыл: спит. «Ну, коник, не подведи меня», — шепнул Ян скакуну и поднял его на дыбы. Конь напрягся как струна, да как поскачет!

Не успел змей опомниться, как одна голова слетела на землю. Проснулся змей, да как заревет, забьет хвостом. Заходил ходуном лес от стона-крика, деревья повалились, как от бури. А Ян глядит на саблю острую, ждет, когда она станет горячей, готовой для боя. Запрыгали голубые огоньки по ее лезвию — поспела сабля, пора! Разогнал Ян коня и на полном скаку бросился на змея! А змей хитрый: поднялся на хвост, голову задрал в небо, чтобы Ян не достал ее. Но конь летит как птица. Уже выше леса. Вот близко скала.

Ян как размахнется — вторая голова змея покати-лась в реку. А последнюю голову уже нетрудно было достать. Рухнул змей на скалу бездыханный.

Все получилось, как говорила колдунья. От скалы до скалы перекинулся мостик. Ян пошел по нему, не выпуская из рук сабли. Следом его верный друг — конь. Сразу за мостиком взметнулось вверх пламя. Обошел Ян со всех сторон огненный родник и в этот же день отправился домой. Пришел к панскому дворцу. А у крыльца сидит Настенька, плачет-горюет.

— Ты чего? — спрашивает парень и горячо обнимает ее.

— Как чего? Думала, пропал, ни слуху ни духу. Теперь никуда тебя не пущу, никуда, — бросилась ему на грудь и начала ласкать его и целовать.

— Ах, ласточка моя небесная, — сказал Ян. — Хорошо, чтобы так было, как ты говоришь. Но этот злы-

день пан поди еще что загадает. Ты подожди, я пойду скажу пану, где родник.

Поехал пан, нашел огненный родник. Зажег от огня факел, едет назад злой-презлой. Видит, что придется ему остаться с носом. И только так подумал, швырнул факел, пришпорил коня и помчался во дворец.

Собрал людей на площади, вышел из своих палат и спрашивает:

— Здесь Ян Буян?

— Здесь, — отозвался парень.

— Теперь совсем тебе недалеко до Настеньки. Два раза выходила удача. Авось и в третий победишь. Едем все сейчас на остров, на наше озеро.

Погрузились люди в лодки, в челны, на плоты, а пан сел на богатую яхту, поднял парус и поплыл первый. Все за ним. И Настенька плывет на отдельном челне. Пан приказал, чтобы девушка оделась, как на праздник. Плывет Настенька на челне, веслом воду подгребают. Смотрит, а с весла не вода скатывается, а кровь. Заплакала девушка, заголосила: «Яночка ты мой, ясный свет, убегай от пана, будет тебе плохо». Но как убежишь? Да перед людьми, перед народом? Скажут: «Трус». Чему быть — того не миновать. «Ничего, Настенька, не плачь. Я тебя люблю. А любовь все на свете переможет», — отвечает ей Ян.

Высадились люди на остров. А там все уже готово. Куда ни глянь, бочки поставлены с пивом и вином. Столы накрыты. А на столах яства разные.

— Тут будет пир, тут будет мир! — говорит злодей пан и в ус свой рыжий усмехается. — Полюбились Яну загадки мои разгадывать. Пускай ему будет и третья, последняя. Вот на берегу дуб стоит. Вырви-ка этот дубок с корнем и брось в озеро. Ну как, попробуешь? Или, может, отказываешься от Настеньки?

Ничего не ответил Ян, а прямо пошагал к великану-дубу. Чтобы ловчей ему было взяться за работу, гайдуки привязали парня к дубу цепью крепко-накрепко.

Посмотрел Ян из-под косматых бровей на широкое озеро, на милую свою Настеньку, потом для начала, примериваясь, шевельнул дюжими двухсаженными плечами. И тогда же, о мать божья, весь остров качнулся в одну сторону, потом в другую. Люди не удержались на ногах, покатались бочки, стали плюхаться в озеро.

Вздыхнул парень во всю грудь да как качнет дуб. Желуди градом посыпались вниз. Заскрипели в земле

узловатые корни дерева. Застонал весь лес. Подбежала Настенька, начала просить-плакать:

— Яночка, милый Яночка! Изведешь ты себя. Разве не видишь, что дуб заколдованный?

Ничего не ответил Ян, еще сильнее напряг плечи. Покачнулось дерево, вот-вот, казалось, рухнет на землю.

И увидели люди диво — чем больше напрягался Ян, чем сильнее прижимался к дубу, тем глубже проникал он в ствол дерева. Дуб как бы втягивал его в свое могучее чрево. Закричали люди:

— Яночка! Ян! Куда же ты прячешься от нас, от своей Настеньки?

А Ян уже совсем ушел в дерево. И уже, слышалось, скрипели на ветру не ветви дерева, а руки Яна.

Загремел гром, ударила молния, засветилось тело Яна красным пламенем.

Бросились все к могучему дубу и замерли в страхе: на стволе великана пламя выжгло тень могучего Яна...

— Так рассказывают люди, — закончила сказку Оксана.

Носке и Циммер молчали. Лица их были непроницаемы.

— Вот вам и Буян-озеро, — вздохнула девушка...

— Фрейлейн Оксана, — усмехнулся комендант. — Зачем так трагично? Пора забыть эту длинную и сентиментальную легенду. Мы напишем новую историю озера. Прежде всего мы назовем его по-другому: Фридрих-озеро. Прислушайтесь! В этом названии слышен гром нашего непобедимого оружия!

Оксана ничего не сказала, наклонилась над бортом лодки, опустила руку в воду. Полковник взял в руки зачехленное охотничье ружье.

Остров был уже совсем близко. Черный Дуб на фоне неба вырисовывался особенно четко.

— Господин полковник будет охотиться? — спросила Оксана.

— Буду воевать за свою принцессу, — добродушно усмехнулся полковник, посмотрев на девушку.

Он положил ружье на дно лодки, повернулся к острову. Какие-то люди, толкаясь на берегу, встречали гостей. Оксана пригляделась — солдаты! Они были без пилоток, в рубашках с закатанными рукавами.

«И тут хозяйничают! — неприятно подумала девушка. — Только бы дуб не спилили».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Отчалив от берега, Вадим Николаевич еще не подозревал, каких усилий ему будет стоять плавание по озеру. Сразу же выяснилось первое неудобство: близко к краю плота стоять было нельзя, от тяжести он опускался в воду и грозил перевернуться. Приходилось резко наклоняться набок, чтобы уравновесить его.

Вадим Николаевич энергично работал веслом, все время подгоняя себя. Он перебирал в памяти односельчан, оставшихся жить рядом с врагами. Кто-то ведь есть среди них, кто близок гитлеровцам, если разгадана такая тайна.

Ясно, что Климчук является к своим хозяевам не открыто, как-то маскируется.

Егор Климчук... Он слышал это имя. Знал, что какой-то Климчук работал на паровой мельнице. Правда, там Вадиму Николаевичу ни разу не довелось быть. В мыслях ему уже рисовался образ предателя: человек с маленькими пронырливыми глазками и почему-то горбатый.

Учителю представилась такая картина: вот горбун стоит перед Фридрихом Носке, льстиво улыбается, кланяется, даже падает полковнику в ноги, целует его лакированные сапоги...

Потом опять вспомнилась Оксана — такая, какой она была в день их первой встречи — статная, легкая, с доверчивыми глазами... Вот кто может знать многие тайны гитлеровцев. Она ежедневно встречается и с Циммером и с Носке. И не раз видела Климчука в комендатуре... Но не она подала весть о предателе... Это сделал кто-то другой... Почему же разрушилась их дружба, почему Оксана вдруг так преобразилась, стала чужой, недоступной? Неужто она не понимает, что оккупация — временное явление, что враги будут уничтожены? И их прихвостни тоже. Не понимает она разве, что ее будут судить? «И на мое заступничество пусть не надеется, не заступлюсь. Что заработала — получай!»

Он винил и себя. Надо было не спускать с нее глаз, добиваться встреч, объяснить, какая незавидная участь ее ждет: людская отчужденность, суровая кара. Он вспомнил, как они встретились на площади районного городка, как он ее предупреждал. Не послушалась. А теперь поздно!..

...Озеро что-то нашептывало, словно сквозь сон, покачивался плотик. Остров был уже далеко. Закатилось солнце, и сумерки затемнили водную гладь. Только небо еще берегло краски недавнего дня, и на западе догорали мягкие перламутровые отсветы.

До берега, как определил Вадим Николаевич, не менее четырех-пяти километров. На лодке такое расстояние можно пройти примерно за два часа. Ему же на этом сооружении из ветвей и камыша придется плыть неизвестно сколько. Продвигается как черепаха. И вообще неизвестно, продвигается ли. Набежит волна, и плот то и дело грозит опрокинуться, приходится быть начеку, балансировать, помогать веслом.

Вечер быстро переходил в ночь. Небо словно крыло гигантского самолета в заклепках звезд. Луны не видно. Это и хорошо и плохо. Трудно ориентироваться Вадиму. Приходится останавливаться, рассматривать смутные очертания далекого берега. Пока убедишься, что направление верное, уходит дорогое, бесценное время.

Там, на болоте, все висит на волоске: и жизнь партизан, и жизнь беженцев. Даже ночами не утихают бои. Высоко в небе над лесом и над болотом вспыхивают ракеты. Со всех сторон смертельная опасность.

Надо торопиться. Донести эстафету, обретенную неизвестным смельчаком, и передать ее в руки дядьки Андрея. Опасность нависла над партизанами, словно черная хмара. Как только они там держатся без боеприпасов, без продовольствия? Еще когда Вадим со своими друзьями держал оборону на лесной дороге, в их отряде было объявлено, что все продовольственные припасы кончились, и партизанам было предложено проявлять находчивость в добыче пищи, собирать орехи, ягоды, корни съедобных растений...

Воспоминание о еде напомнило Вадиму Николаевичу, что и сам он голоден. Он понимал, что силы его на исходе. Взмахи весла стали короче и не такими энергичными, как поначалу. Этак, пожалуй, путешествие его может затянуться, ему не хватит ночи. Как рассветет, он на своем горе-плоту уже совсем недалеко от берега появится всем напоказ. Заметят его в первую очередь немцы. Вот будет для них заманчивая цель! Рассмотрят в бинокль, увидят, куда он держит путь, и откроют огонь!..

Значит, надо вести плот самой короткой дорогой,

надо умело распределить свои силы. Главное — подплыть к берегу, почувствовать под ногами твердую почву. И пусть он тогда не сможет стоять на ногах — поползет на четвереньках. Хоть на брюхе, но эстафету передаст в руки своих.

Им и так сейчас тяжело. И надо же, еще этот проходимец — предатель Климчук! Погоди, гадина! Встретимся, узнаешь почем фунт лиха. К врагам перекинулся, народ свой продает! «Возможно, мне поручат его расстрелять. Не дрогнет рука. Наведу дуло винтовки в твое косматое звериное сердце».

...Озеро ночью кажется безбрежным, мерцает то в отблесках дальних ракет, то в сполохах вечерней зари. Ночная тишина напряженная, обманчивая. Даже здесь, среди озера, все может вдруг перемениться. Вадим бросает взгляд на покинутый остров. Как-то там ребята? Не страшно ли им?.. Ну, недолго придется ждать его, недолго, ночь проспят, а днем он уже будет на берегу и что-нибудь придумает.

Правда, надеяться, что сразу попадется лодка, нельзя. На северной стороне озера, куда примыкает болото, нет ни одной деревни. Да и у него, как только ступит на берег, первой заботой будет скорее пробраться в штаб партизанского соединения.

При самой удачной ситуации получалось, что лодка отчалит за детьми голько следующей ночью. Значит, Алесь и девочка будут еще сутки на острове... Только бы их не заметили с вражеского берега. «Не посоветовал, не предупредил, — забилась беспокойная мысль. — Хотя бы не выходили на берег». Вся надежда на то, что Алесь — парень смысленый.

...Грести становится все тяжелее. А еще плыть да плыть. И не один час. И Вадим решает делать небольшие перерывы.

Он взмахивает в последний раз веслом, опускается на плот, ложится на спину, вытянувшись во весь рост. Он смотрит прямо в небо. Кажется, ничего, кроме этого небесного темного безбрежья, не существует...

Вадим находит среди звездной россыпи Большую Медведицу. По ней точно определяет направление на север.

Конец передышке. Вадим поднимается, опускает в воду весло. Совсем рядом всплескивает большая рыба.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Первая ночь на острове прошла спокойно. Аллочка ни разу не проснулась, тихо посапывала, пригревшись возле Алеся. Он лежал и старался представить, как там Вадим Николаевич. Вдруг заметят его фашисты и обстреляют плот?.. Алеся напряженно прислушивался к ночным звукам.

Минул час, другой. Было тихо, стрельбы не слышно. Значит, пока все идет как надо.

Вообще-то Вадим Николаевич мог бы и его, Алеся, отправить с донесением. Уж он бы в любом случае доставил его на место. Даже если бы фашисты обнаружили плот и подняли стрельбу, нырнул бы, как щука, в воду, вильнул в сторону — и поминай как звали..

Но это только мечты. А сейчас здесь, на острове, он за хозяина, за командира. «Командир, — шепчет он и усмехается. — Потеха, да и только». Вот если бы дали ему под командование человек двадцать партизан — другое дело. Построил бы он их в шеренгу и пошагал бы с винтовкой наперевес вперед: держись, лютый враг, видишь, какая сила идет — аж земля дрожит!..

И не заметил хлопец, как уснул. А разбудила его Аллочка. Она стояла около него, розовая от сна, веселая.

— Дода!

— Подожди! — сказал Алеся строго. Ему не хотелось вставать, он даже рассердился на девочку: сама не спит и ему не дает. Попробовал закрыть глаза, но сон уже улетел. С трудом заставил себя сесть, встряхнуться. Дошло до сознания — ты же командир, а «команда» у тебя несознательная.

Первые мысли Алеся о Вадиме Николаевиче. Как-то он? Где он теперь? Неужели еще не добрался до земли? Может, не удалось пристать к берегу?.. И попал под наблюдение врагов?

Алеся решил не мешкая идти к берегу — посмотреть, оценить обстановку. Он вылез из шалаша.

Солнце уже поднялось высоко. Алеся зажмурился. Потом подхватил на руки девочку и направился напрямик, через кусты, к Черному Дубу. Лес был наполнен терпкими, острыми осенними запахами. Где-то слышался стук дятла. И запахи, и звуки леса, и сам остров — все было знакомо, все казалось давно обжитым.

Вот и дуб и тропинка, что бежит к песчаному берегу. Алесь спустил с рук девочку, повел за собой.

Озеро было беспокойно. Сощурившись от солнца, Алесь всматривался в озерные дали, искал темную точку. Вдруг показалось ему: что-то мелькнуло почти у самого горизонта и тут же пропало. Нет, это, верно, игра бликов — плот даже при таких волнах был бы приметен. Значит!.. Значит, Вадима Николаевича не заметили, и он...

Не успел Алесь закончить свою мысль, как увидел, что со стороны Митковичей по озеру плыла лодка с какими-то людьми. Алесь замер от испуга, быстро пригнулся, еще не уразумев, что случилось. Лодка направлялась прямо к их острову. Не с севера, а с востока. Что же это за люди? Может, рыболовы? «Только бы не фашисты! Пускай бы рыболовы», — шептал он. Лодка шла ходко. Парнишка прикинул, сколько времени понадобится лодке добраться до берега. Пожалуй, с полчаса, а то и меньше. За этот срок можно кое-что успеть.

Алесь отполз в кусты и, взяв за руку девочку, потащил ее за собой. Прежде всего надо напоить ее молоком. Она тогда и плакать не будет. Потом нужно спрятаться в укромном уголке — а он знал таких уголков на острове немало — и оттуда наблюдать, что за незваные гости к ним явились и зачем.

Алесь схватил Аллочку под мышки и побежал. «Мало времени, ой как мало!» — Теперь тревога не на шутку охватила мальчика. В шалаше оставаться нельзя, хоть он и замаскирован. Могут ведь прочесать остров, как это делают гитлеровцы. Тогда... Разве вернуться на плывун, спрятаться в камышах, притаиться, переждать беду? И козу с собой забрать. Там он ее и подоит, и девочку накормит.

Сказано — сделано. Алесь залез в шалаш, подобрал подстилку, банку и вылез наружу. Он оглядел все вокруг. Нет, никаких особых примет, что здесь совсем недавно жили люди, не было. Даже если найдут шалаш, решат, что он давно покинут. Как жаль его оставлять, привыкли к нему, как к родному дому...

Поняв, что ее уведат от вкусной травы, коза заупрямилась, заблеяла, стала упираться.

— Молчи! — шептал Алесь. — А то фашисты услышат!

Что в лодке враги, Алесь почти не сомневался.

Не выдержал Алесь, изо всех сил хлестнул козу прутом и погнал ее по тропинке. Двигались почти бегом. Вот лес кончился, пошли густые ольховые кусты. За ними открывался берег.

Ветер изменился — сейчас он дул с севера, — но плывун остался на прежнем месте. Тихо шуршал камыш. Это он укрывал в своих густых зарослях Алесь и Вадима Николаевича. И теперь, в тяжелый час, Алесь опять вернулся сюда. Здесь они все в безопасности.

Плывун отделен от острова водой, хоть и неглубокой, а в густых зарослях камыша сам черт ногу сломит. Вряд ли фашисты сунутся сюда.

Мальчик осмотрел спуск к берегу, выбрал травянистую дорожку к отмели. Вспомнил слова Вадима Николаевича: осмотрительность прежде всего. Переправа на плывун заняла несколько минут. Первым шел Алесь с девочкой на руках, а следом за ними коза. Вот и заросли ивняка, а рядом густая стена камыша. Здесь и решил остановиться мальчик. Первое дело — подоить козу и напоить девочку. Алесь привязал животное к иве, стал на колени и быстро надоил молока в банку. Напоив девочку, усадил ее и набросал камешков.

— Играй, я быстро вернусь. И не плачь, стереги Катю.

Алесь решил из кустов посмотреть высадку на берег. Узнать, вернее, догадаться, что нужно этим людям на острове и кто они — свои или враги?

Поминутно оглядываясь на девочку, он почти побежал к берегу.

Поверх невысоких осинок и зарослей ольховника хорошо просматривалось озеро. Лодки пока не видно. Но вот и она. В ней четыре человека... Алесь глазам не поверил — две собаки. Вон торчат их головы с острыми ушами. И никакие это не рыболовы — немцы.

Мальчик с трудом перевел дыхание. «Ну вот, попались. Никуда не убежишь. Собаки разорвут на куски...» Слезы навернулись на глаза, ноги как-то сразу ослабли, только бы не упасть.

Алесь увидел, как лодка пристала к берегу, как выскочили из нее на землю четыре солдата в полевой форме, с автоматами. У одного, который в плаще и фуражке, на груди бинокль. Он приставил его к глазам и стал всматриваться в далекий берег Митковичей. Два солдата взобрались на пригорок, осмотрелись и углубились в лес, однако очень скоро вернулись обрат-

но. Стояли всей группой на песчаном берегу, у лодки, громко хохотали, размахивали руками.

«И зачем вас принесло? Зачем? И собаки с ними... Может, вернуться на плавун и быстренько навязать снопик, сделать какой-никакой плот и попробовать спастись? Но почему так спокойно держатся немцы? Приплыли на остров без цели, просто погулять? Тогда для чего собаки? И почему они в лодке, только головы торчат?»

Все это становилось интересным, страх потихоньку проходил, уступая место любопытству.

Солдаты стояли кучкой, что-то лопотали. Тот, что с биноклем, оказался офицером. Он резко взмахнул рукой, заговорил быстро, громко. Два солдата подошли к лодке, взяли на руки собак и понесли к берегу. Алесь смотрел во все глаза, что будет дальше. Переносят собак? Это еще зачем?

Тем временем солдаты с трудом взобрались на пригорок, опустили собак на землю. Те задержались, забились... Ого... Да у них связаны ноги!

Через какую-то минуту все стало понятно: освобожденные от пут две голенастые красавицы косули вскочили и стремглав ринулись в чащу — только их и видели.

Алесь вздохнул. Наконец-то все стало понятно: немцы выпустили на волю лесных косуль, значит, на острове намечается охота.

«Что ж, — подумал парнишка, — пусть охотятся, только бы не узнали, что мы здесь!»

Он вытер со лба пот, устроился поудобнее — лег на землю и через узкий просвет между кустом ольховника и стволами берез продолжал наблюдение.

Солдаты взвалили на плечи мешки, направились к Черному Дубу и скрылись в лесу. Минут через двадцать вернулись. Снова взяли из лодки поклажу и понесли в глубь острова. Вскоре оттуда слышались удары топора. Алесю не терпелось увидеть, что там происходит. Он бросил наблюдательный пост на берегу и ползком добрался до знакомой полянки.

Солдаты готовили очаг, сколачивали стол, а между делом орали песни, смеялись.

Алесь перебрался поближе к берегу.

Примерно через полчаса на озере появились еще две лодки. Они шли сюда, к острову. Новый десант. Ну и денечек! Знал бы Вадим Николаевич. Но страха

в душе мальчика не было, только тревога и беспокойство за учителя.

Лодки причалили к берегу в затоне, как раз напротив Черного Дуба. И тут Алесь увидел того, ради кого и шли все эти сложные приготовления.

* * *

— Ну вот вам и остров, — сказал Циммер, выскакивая из лодки первым. Полковник подхватил Оксану на руки и понес прямо по воде на берег.

— Пустите, господин полковник! — возмущенно запротестовала девушка. — Я сама.

Носке поставил ее на землю, сказал наставительно:

— Война, фрейлейн, не может помешать ни добрым чувствам, ни хорошим манерам.

Подошла вторая лодка.

Около лодок толпились солдаты, стали выгружать пакеты, мешки, ящики с бутылками.

Два шустрых солдата, совсем мальчишки, нацепив автоматы, отправились обследовать остров.

Полный краснолицый немец перетаскивал из лодки ящик с посудой.

Циммер по-хозяйски повел полковника и Оксану к Черному Дубу.

— Вот и пресловутая реликвия острова, Черный Дуб. Так, кажется, фрейлейн, я не оговорился? Вот он, великан, и довольно эффектен, а?

— Так, так, — Носке задрал голову, — без верхушки, а живет. А ведь, пожалуй, молния выжгла что-то похожее на фигуру человека.

Оксана подошла поближе.

— Смотрите, вот голова, вот руки, ноги... правда, похоже?

— Да, — хмыкнул Носке.

— Слышите, желуди падают? — сказала Оксана.

Желуди срывались с веток, стучали по стволу азбукой Морзе, скатывались вниз.

— Давно я не слышал столь дивной музыки! — улыбнулся полковник. — Последний раз это было в фатерланде, в парке в тысяча...

Но Циммер потянул всех дальше. Он был рад, что пока поездка, которую организовал он, Вильгельм Циммер, так удачно складывается.

Прямо за Черным Дубом стеной поднималось чер-

нолесье. Деревья росли здесь довольно густо, и кроны их образовали настоящий шатер. Между деревьями начиналась просека, густо усыпанная опавшей хвоей и желтыми листьями.

Полковник, Циммер и Оксана не спеша двинулись по просеке. Тропинка привела к небольшой лесной полянке, почти круглой, с несколькими пнями посредине.

— Видите, все приготовлено. — Циммер широким жестом указал на две палатки, что стояли на краю поляны.

Оксана мысленно ужаснулась. Этого еще не хватало! Остаться здесь с немцами на ночлег. Девушка хотела сказать что-нибудь резкое предприимчивому Вильгельму, но, поразмыслив, решила пока не давать волю чувствам. «Нужно держаться. Посмотрим, что будет дальше».

— Ваша палатка, господин полковник, — показал Циммер, — хотите взглянуть?

— Пусть оценит ее достоинства фрейлейн Оксана — я доверяю ее вкусу. О! А это что? — Носке внезапно повернулся в сторону березовой рощицы. Между двумя соснами, кроны которых уходили высоко в небо, виднелись качели.

— После охоты и вкусного обеда, господин полковник, неплохо... Быть поближе к богу.

— Роскошно! — одобрил Носке затею коменданта.

Оксане было противно видеть, как Циммер заискивает перед полковником. Она всей душой желала, чтоб черные тучи закрыли небо, чтобы налетела буря и смела бы с этой поляны и ненавистные палатки, и качели, и проклятых врагов. Но небо, как назло, по-прежнему сияло безмятежной голубизной. Западня? Неужели нет возможности выбраться из нее? Эх, если бы знали партизаны, что полковник пирует на острове!

Партизаны!.. Она ведь мысленно тоже с ними. Алеша, верно, сейчас там, у партизан. Он мальчик ловкий, сообразительный. Сколько раз Оксана замечала, как он не боялся вступить в драку даже с теми, кто был сильнее и старше его, если нужно было отстоять справедливость. Не раз ему попадало, но он не стал трусом...

Не сегодня-завтра партизаны прорвут блокаду — она была уверена в этом, — вырвутся на волю... И вместе с ними и Вадим, гордый, родной человек. Эх, если бы знал он всю правду, все происшедшие события за

последние дни. Неужели придет время, и она ему сама обо всем расскажет? И тогда он поймет все, а может, и сам уже догадался... Нет, вряд ли. Он — честный, прямой, правдивый — не мог знать, что в последнюю их встречу она не была собой, а играла роль. И даже ему, самому близкому и любимому, не могла открыть правды.

Да, когда-нибудь они вспомнят все это, а пока... пока она в незавидном положении. Одна с врагами на пустом острове. Но расслабляться нельзя, надеяться на благородство фашистов смешно. Надо обдумать, как вести себя дальше. Может, стоит рискнуть — попробовать, скажем, украсть пистолет. Но куда убежать? На острове не спрячешься: ее найдут, и считай, что это конец. И даже смерть Носке не поможет... Однако у берега стоит лодка... Постой, в этом есть какой-то смысл. Если и в самом деле рискнуть? Немцы хотят видеть в ней бездушную куклу. Приготовили спектакль. Но финал его будет зависеть только от нее, только от нее!

На смену отчаянию и растерянности к ней вернулась надежда, а вместе с ней спокойствие и здравый смысл. Пусть пока все идет, как задумали враги. Она обязана сыграть свою роль, быть милой, сердечной, обаятельной. Но только до определенного момента...

Между тем подошли ко второй палатке. Она предназначалась для офицеров и солдат. Посреди поляны аккуратно сложены вязанки дров для костра, вбиты в землю колья — на них будут вешать над огнем чаны и кастрюли. Неподалеку сбитый на скорую руку стол из чистых свежеебструганных досок. Вместо стульев дубовые кругляши. Один из них, широкий и высокий, конечно, предназначался для полковника. Все было сделано хоть и на скорую руку, но удобно, радовало глаз.

— Браво, Вильгельм! — похвалил Носке. — Я доволен, доволен! А как вам это все нравится, фрейлейн? — обратился он к Оксане и мягко дотронулся до ее плеча.

— О, при чем здесь я? Главное, что вы довольны, господин полковник...

— Вижу и ценю! Все сделано как надо, все предусмотрено. И остров, и этот дуб великолепны. Все прекрасно — и лес и поляна. Представим, господа, что мы попали на необитаемый остров!

— Главное — нет партизан, — улыбнулась Оксана. Полковник сощурился, сказал значительно:

— Там, где прошел Фридрих Носке, их не должно быть!

— А могут они пробраться сюда? — боязливо поежилась девушка.

— Разве только на крыльях! Но для этого им прежде всего нужно выбраться из болота, прорвать блокаду и, главное, наполнить чем-то живот. Да, да, им нужно хорошо поесть, ибо для победы, фрейлейн, необходима сила, и не только духа...

— Благодарю за разъяснение, господин полковник, я буду чувствовать себя в полной безопасности.

— Неужели вы еще в чем-то сомневались? Вам пора убедиться, фрейлейн, что Фридрих Носке слов на ветер не бросает. Я действую, как Юлий Цезарь.

— Пришел, увидел, победил! — подхватила Оксана.

— Только так! Иначе я не был бы на хорошем счету у нашего фюрера. Иначе...

— Хайль Гитлер! — гаркнул Циммер.

— Хайль! — вскинул руку полковник.

— А теперь, господин полковник, — Циммер склонился перед Носке и Оксаной, — позвольте пожелать вам приятного отдыха. Миссию свою считаю законченной.

— Да, конечно, вам пора на свой пост, — подтвердил Носке.

...На поляну возвратились офицер и солдаты. Они были сдержанны, старались не шуметь, отбирали дрова для костра, распаковывали ящики.

Циммер со своим адъютантом быстро прошли к лодке и вскоре отчалили от берега.

Носке мог бы, конечно, оставить коменданта на острове. Однако нельзя забывать — окружающая обстановка отнюдь не спокойна, и на территории гарнизона нужен глаз да глаз. А Вильгельм, как убеждался не раз Носке, хороший службист... Придет время, и они вместе поохотятся здесь, посоревнуются на меткий выстрел.

Адъютант подал Носке большую картонную коробку:

— Господин полковник, ваш охотничий костюм.

— Благодарю. — Прихватив коробку, Носке направился к палатке.

Он переоделся в серый спортивный костюм, плотно облегавший его мощную коренастую фигуру. Вместо пояса — патронташ. На голове — альпийская кепка с

длинным козырьком, на ногах — ботинки на толстом каучуке. Этот охотничий наряд дополняло ружье, небрежно нацепленное на плечо.

Полковник окинул всех взглядом и объявил:

— Я готов!

— Ни пуха ни пера вам, — пожелала Оксана.

— К черту, так, кажется, говорят русские?! — усмехнулся Носке.

По тем приготовлениям, что вели немцы, Алесь понял: фашисты устраивались тут, по крайней мере, на несколько дней. Он забеспокоился. Было над чем подумать. Над ними нависла опасность. Он все сделает, чтобы не выдать своего присутствия.

Но Алесь тревожился не только за себя. Вадим Николаевич уже, наверное, где-то в районе размещения партизан. Не сегодня-завтра он должен появиться у берега. И может, даже не один, а с партизанами...

Ни о чем не подозревая, они попадут в засаду и будут перебиты или взяты в плен. И никто не сможет им помочь... Хорошо, если Вадим Николаевич задержится у партизан. Но вряд ли, он наверняка торопится обратно, беспокоится, как они тут без него...

Что же придумать? Выкрасть у врагов оружие? Скажем, автомат. Можно найти на берегу надежное укрытие, засесть за корягой — тогда пусть партизаны причаливают к острову. Если фашисты заметят лодку и попробуют ее захватить, Алесь откроет неожиданный огонь...

Мысль, как добыть оружие, не давала покоя. В полдень Алесь вернулся на пловун. Коза стояла на привязи, жевала жвачку.

Аллочка спала под кустами. Алесь прикрыл ее дерюжкой, присел рядом и задумался. Уже полдень, а он так и не решил, что же делать? Продолжать вести наблюдение за врагом? Но это тоже опасно — как быть с Аллочкой? Опять же, голодная коза кричит и рвется с привязи. Чем все это кончится — неизвестно...

Проснулась Аллочка и, увидев Алесь, обрадовалась, засмеялась, потянулась к нему. Она ни на шаг не отходила от Алесь, видно, боялась, что он опять уйдет.

— Видишь, я с тобой! — говорил Алесь, крепко прижимая ее к себе.

Алесь опустил девочку на землю и, подоив козу, напоил ее парным молоком. Сам допил остальное. Он решил притащить с острова рыбу, которую они с Вадимом Николаевичем подвесили сушиться. Там он и травы нарвет для козы. Но прежде всего надо было отправляться на разведку. Придется опять оставлять девочку одну, другого выхода не было. А она, будто поняв, что надо сидеть тихо, примолкла. Алесь принес ей еловых шишек, опавших кленовых листьев и желудей.

— Сиди тихонько, играй, а я сейчас вернусь! — И Алесь скрылся в камышах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

День был теплый и ясный. В траве стрекотали кузнечики, предвещая жару. В лесу было душно, пахло прелой травой. Мишка Русак и Егор Климчук пробирались в глубь партизанской зоны. Они часто останавливались, переводили дух, менялись местами — носилки были тяжелые, натерли руки до волдырей.

Сколько часов брели по болотной топи! Они уже выбивались из сил. Носилки стали непомерно тяжелыми, едва не выskalзывали из рук.

Мишка чертыхался, ругал себя, что напрямую решил пробираться к главному партизанскому острову — дорога в обход была куда легче. Но теперь уж поздно каяться.

Никто из партизан не встретился им по дороге, только беженцы. Климчук был поздоровей Мишки, а вот Русак совсем обессилел. Из-за него приходилось часто останавливаться, переводить дух.

Когда брели по густому осиннику, надеялись, что за ним будет сухой бор, — издали им померещились верхушки сосен, — но когда чаща кончилась, остановились в недоумении: перед ними расстилалось вытянутое в длину болото шириной с полкилометра. Даже с первого взгляда было видно, что пешком его не перейти.

В разведку отправился Климчук. У берега болото было мелкое, вода доходила до коленей. Но скоро начались глубокие ямы с илистым дном. Криворотый угодил в такое место — его залило вонючей жижей почти до пояса. Он стал выбираться назад, к берегу.

— Этот номер у нас не пройдет! — сказал он и плюнул со злости.

— Вижу, — раздраженно согласился Мишка. — Фу ты, ну ты... Придется повернуть оглобли.

— Ну и проводник из тебя, — ворчал Криворотый. — Замучил вконец. Когда только доберемся! Тут же кругом болота. Одно кончится, другое начинается.

— А ты не считай, быстрее будет, — огрызнулся Мишка.

Отдышавшись, они снова ухватились за носилки и побрели вдоль болотистого берега, мимо глубоких впадин, доверху наполненных жидкой грязью, и густого низкорослого лозняка вперемешку с крапивой.

После полудня они уже еле волокли ноги. Болото кончилось, они уже видели, как слева к нему подступает лес. Настроение поднялось, оба с надеждой поглядывали на близкую лесную чащу: там их ожидал отдых, там наконец-то начнутся партизанские посты.

Климчук шел сзади, тяжело сопел, как загнанный зверь. Гудели спина, руки, в голове шумело. Никогда не думал, что придется так надрываться. Но вишь, какая ситуация сложилась — иначе нельзя! Конечно, он мог бы бросить мешок и Мишку и пробраться налегке к штабу, чтобы там как-то пристроиться. Но это маловероятно. Попасть в размещение командирской роты, которая охраняет штаб партизанского объединения, совсем не просто.

Вот потому и приходится быть покорным и смиренным. Правда, он другой раз и роптал и ворчал, предлагал все бросить к черту, но Мишка успокаивал Егора.

— Фу ты, ну ты! Не расстраивайся, человек. Скоро уже будем на месте. Сам понимаешь, что за этот мешок получим, — и дальше начинал придумывать, — по буханке хлеба, по куску сала и кружке чая. Вот уж напьюсь чаю! В пузе пересохло, а язык стал шершавый, как терка.

— Мне бы не чаю, а простой воды! Скажи, пожалуйста, идем по воде, а напиться не можем!

— В лесу поищем родник! Может, и на партизанский колодец набредем. Напьемся, помоемся!

Криворотый каждый раз, когда садились отдыхать, переводил разговор на то, что его интересовало: спрашивал у Мишки, отлучается ли дядька Андрей

из штаба, что обычно делает днем и когда ложится спать.

Адъютант охотно отвечал на все вопросы. Потом ему надоела, как он считал, пустая болтовня, и чтобы отвязаться от настырного мужика, буркнул:

— Большим человеком все интересуются, что да как. Я уж ко всему привык. Вот заночуешь у нас и увидишь его, и начальника штаба, и штабных командиров. Хорошие люди, простые, добрые.

— Хоть разумные?

— А ты сомневаешься? — Мишка повернулся к Криворотому и посмотрел на него подозрительно.

Тот смутился:

— Сомневаться, конечно, не сомневаюсь, но фрицы им трудную задачку подкинули.

— С блокадой этой?

— Ну да.

— Я думаю, выдюжим. Вот и мы немного поможем. Если здесь одни патроны, — он кивнул на мешок, — то их хватит, чтобы хорошо стукнуть фрицев. Сделаем прорыв и вырвемся из фашистских щупалец на волю. Эх, а потом... Раздобуду я, Егорка, себе нового коня. Да как пойдем гулять по вражеским тылам, аж гай загудит...

— Эх, если бы так было... — притворно вздохнул Криворотый. — А мне кажется: все сгинем, пропадем в этом болоте.

— Ты что, сомневаешься? — возмутился Русак. — Балда ты после этого!

— Видишь, как немцы напирают. Говорят, Носке, их полковник, стратег отменный. Где ни был, всюду выигрывал операции.

— А под Сталинградом был?

— Не знаю...

— Ну тогда молчи, — сердито посмотрел на Егора Мишка. — Мне кажется, этот стратег не один раз спину нам показывал. И тут покажет. Вот кое-что нам Москва подбросила, что-то и мы своим умом прикинем... Фу ты, ну ты. И будем жить! А фашистам все равно крышка!

— Легко у тебя все выходит. Не забывайся: был на коне, а сегодня пеший. А что будет завтра?

— Ну хватит! Не сыпь соль на рану. Подымайся, потопаем!

Длинный клин болота кончился. Вышли на твердый

грунт, на котором росли старые кряжистые деревья. Здесь запахло грибной сыростью и сухой хвоей. На первом же пригорке они упали на траву.

Мишка Русак сказал:

— Ну и впряг же ты меня в работу. Это за то, что вытащил тебя из трясины... — Он, конечно, шутил, говорил с подначкой. Ему было весело: видел, что приходит конец их трудному пути.

Криворотый успел снять сапоги. Одна нога была растерта в кровь. Слушая Мишку, он понимал его настроение и злился. Вот освободится парень от мороки и станет вольным казаком. А ему, Егору, до воли далеко, ох как далеко!

Наоборот, с каждым шагом, который приближал его к партизанскому штабу, росли беспокойство и неуверенность в себе. Беспокоила мысль: что будет впереди? А вдруг... Ох это вдруг. А все этот Фридрих Носке... Придумал же такое, ловко подцепил его на крючок... Чтоб ему скула в бок!

...Шумят, качаются над головой верхушки вековых сосен. Тяжелые думы одолевают Криворотого. Хорошо, если партизаны отнесутся к нему с доверием, а если наоборот?..

Криворотый поежился от этой мысли... Невыносимо захотелось пить.

— Схожу воду поищу, — сказал он разомлевшему от усталости Мишке, который блаженно растянулся в тени старого граба.

Криворотый натянул сапоги, стряхнул со штанов и кепки засохшую грязь. Оглянулся. Куда идти? Местность была незнакомая. Вдали, за соснами, просматривалась полянка. Туда он и направился.

Трещал под сапогами сушняк, откуда-то выскочила белка, мелькнула рыжим дымком — и на дерево. Где-то близко затеяли перекличку дрозды. Увидев рябину, сплошь усеянную красными гроздьями, Егор остановился, нарвал ягод в кепку — не найдет воду, будет чем освежить рот. Несколько раз Егору слышался треск веток. Останавливался, прислушивался. Но вокруг по-прежнему было тихо: ни зверя, ни человека.

По краю поляны, на которую он вышел, рос густой ольшаник. Климчук обрадовался. Ольшаник — значит много влаги, значит, можно набрести на котловину с чистой водой, стоит только постараться.

Неожиданно что-то сверкнуло в куче вереска у са-

мых его ног. Он наклонился — консервная банка. Егор хотел ее отбросить с дороги, протянул руку, но тут взгляд его привлек высокий пенёк на краю поляны: на пне темнела кепка, а рядом четко вырисовывались голова и плечи человека. Климчук замер. Зорко окинул глазами лес и поляну.

Никого. Кто же это мог быть: партизан или обычный крестьянин? Он осторожно подкрался сзади. Загадал дыхание. Человек не двигался. Неужели мертвый?..

Где-то далеко мощно ухнул взрыв, дрогнула земля. Но человек не шевельнулся.

Криворотый осмелел, подошел к незнакомцу. Глянул сбоку: парень, лет двадцать пять, русоголовый, с тонким красивым лицом, в сатиновой расстегнутой рубашке. Он привалился к пню и спал, тихонько посапывая. Видно, его тоже сморила усталость. Под рукой его лежала винтовка. Тут же рядом весло от лодки.

Дозорный — и заснул? «Ну дисциплина у партизан!» — усмехнулся Климчук. Чуть поодаль чернела яма, на ее краю лежала консервная банка, такая же, какую он встретил на дороге.

«Колодец!» — догадался Криворотый. Он бросился к яме и чуть не наступил на весло. Он поднял его. Весло было кленовое, тяжелое, сделанное для лодки под уключины. Лопатка посредине треснула. А вот и надпись на ручке. Обычно владельцы выжигают здесь свои инициалы. Так и есть: «КТС»...

А ведь знакомого нашел! Кулаков Тарас Семенович, его сосед по улице. Климчук не раз брал у него лодку, когда ездил на рыбалку. И весла хорошо запомнились. Как же все-таки одно из них очутилось здесь, в лесу? Кто этот человек? Лицо будто незнакомое, измученное, обветренное, неровно заросшее рыжей щетиной. Среди митковичских такого парня встречать не приходилось.

Видно, парень был в Митковичах, добрался сюда, к озеру. Кто-то послал партизана на спецзадание, не иначе. Может, он шпионил в местечке. А вдруг он и его, Климчука, приметил?

Вот ведь как получается. Он торопился в партизанский штаб, а там его уже ждут не дождутся. Скажут: «Денечек добрый». И руки назад, прикладом в спину. «А ну рассказывай, что тебе приказали твои друзья — комендант Циммер и полковник Носке?..»

Неужто это партизанский разведчик? Разведчик с винтовкой? Маловероятно. Обычно разведчики ходят на задания с пистолетом. И что ему понадобилось на озере, да еще на далеком берегу? Видать, пригнал сюда лодку. Может, должен кого-то переправить, вывезти из блокады? Может, даже самого дядьку Андрея с его штабистами.

Поняли, что попали в пасть к немцам — ни туда, ни сюда, — так хоть свою шкуру хотят спасти?

Эта догадка показалась Криворотому наиболее вероятной. «Надумали, хлопчики, бежать? Вот как прижал вас Фридрих Носке. Но дудки! Затея ваша не пройдет! Удачно ты, хлопче, нашел и этот колодец, и этот почерневший пенёк. Тут твое, считай, последнее пристанище...»

Егор Климчук тихонько положил весло на землю и осторожно приблизился к спящему. Человек по-прежнему крепко спал. Лицо было спокойное, дыхание ровное, глубокое.

Прижде всего Криворотому не терпелось забрать винтовку. Он уже протянул к ней руку, но в этот момент парень внезапно открыл глаза.

Это был Вадим.

— Ты что? — спросил он охриплым со сна голосом. Криворотый от неожиданности стал заикаться:

— Я, я, бра-братка, ду-думал, что ты, извини, того, мертвяк... А ты живой...

— Мертвяк? — Вадим легко поднялся, нахмурился. — Я тебе дам — мертвяк! — Он неприязненно посмотрел на Егора. — А ты кто такой?

— У тебя глаза повылезали или что? Партизан я.

— Говоришь, партизан. А где твоя винтовка?

— Ээ! — окончательно пришел в себя Егор. — Долго рассказывать. Дай я хоть попью. И воды зачерпну товарищу. Он там, — Криворотый махнул рукой куда-то в сторону, — отдыхает.

— У тебя и товарищ есть? И, видно, тоже без винтовки?

— У него автомат. Не равня тебе...

Вадим увидел отброшенное в сторону весло — значит, оно интересовало незнакомца. Все это настораживало. Что за человек? Кто он? Плетет про какого-то товарища с автоматом. Если и тот такой же, нужно от них подальше держаться. Подозрительные типы. Тут и в

историю впутаешься, не рад будешь. Что-то в нем очень неприятное есть, хоть и улыбается добродушно.

— Ну ты пей, а я пойду, — сказал с безразличным видом Вадим.

— Нет, ты подожди, подожди минутку. — Климчук не хотел, чтобы парень уходил. — Ты нам очень нужен. Мы, можно сказать, тебя искали.

— Искали? А ты не врешь? У меня нет времени с тобой трепотню разводить.

— Нет, так найдешь, — строго сказал Криворотый. — Передаю тебе приказ Мишки Русака...

— Мишки Русака? — встрепенулся Вадим. — Ты что, шутишь?

— Опять не веришь! Ты как тот перепуганный заяц. Что это с тобой? Или из какой беды, или из какой воды? Не разберу. Мишка Русак — мой напарник, товарищ. Сейчас пойдем к нему.

Вадим с недоумением посмотрел на незнакомца. Он испытывал двойственное чувство: верилось и не верилось.

— Где он, Русак? Ранен? — спросил он.

— Нет, цел. Живой и здоровый.

— Почему не с тобой вместе?

— Нельзя ему. Он караулит парашютиста, который прыгнул с самолета.

— Что, ему нет другой работы? Он же адъютант дядьки Андрея.

— Когда командир приказывает, все будешь делать, кто бы ты ни был. Понял? Вот ему и приказали.

— Ну и наговорил ты мне: и Мишка Русак, и парашютист... А кто же ты будешь?

— Я? Говорил же тебе — партизан. Недостаточно?

— Вот я и хочу сказать — недостаточно!

— Дай напиться, передохнуть. А то ты своими вопросами совсем меня доконал, — с веселым укором сказал Климчук, опускаясь на колени около ямы. Он дважды зачерпнул воду и с наслаждением выпил. Потом ополоснул лицо.

— Ух! — воскликнул он, поднимаясь с земли. — Как гора с плеч. Что значит водица. У нас ее всегда много, и мы не замечаем, как она важна для человека. А когда негде ее взять, аж глаза на лоб лезут от жажды. Говорят, что люди без воды гибнут на третьи сутки. Эх, чуть не забыл. — Криворотый повернулся,

подхватил из-под ног банку. — Нужно же Мишке воды принести.

— Ты, значит, адъютант у адъютанта? — пытливо оглядывая незнакомца, спросил Вадим.

Ему не нравились его повадки, приговорки. Почему-то он боялся связываться с этим человеком. Да к тому же и времени у Вадима в обрез. Необходимо скорей добраться до штаба партизанского соединения. Передать важное известие.

Вот встретился с первым человеком, и уже пришлось потерять, считай, не меньше получаса. А если он еще пойдет смотреть пленного парашютиста... Нет, надо, видно, идти своей дорогой.

— Ты Мишке передай привет... — хмуро сказал Вадим, закинул на плечо винтовку, взял весло и направился в сторону березняка, который огораживал полянку с севера.

— Ты что это, удираешь? — строго сказал Климчук-Криворотый. — А ну стой. Я тебе серьезно говорю: Мишка Русак приказал каждого неизвестного забирать с собой. Ты какой-то неслух, а не партизан. Знаешь, что такое дисциплина?

— Говори, да не заговаривайся. — Вадим остановился, остро глянул на незнакомца. — Где Мишка, далеко? Может, хотите мне сплавить парашютиста? Скажу заранее — ничего не выйдет. Поймали, так и ведите. У меня своих забот хватает. Вот так, по горло. — И он чиркнул рукой по подбородку.

Криворотый с банкой шел впереди. За ним не спеша двигался Вадим. Короткий сон вернул ему бодрость, но силы были на исходе. Да и голод давал себя знать.

— Слушай, как тебя?

— Егор, — откликнулся Криворотый, заворачивая к пригорку, где он оставил Мишку.

— Егор, есть у вас какая еда? — и недоговорил.

— Чего нет, того нет, — ответил Криворотый и с каким-то веселым сожалением добавил: — У Мишки конь был, так съели...

— Вдвоем? И не лопнули?

— Мы с Мишкой только облизнулись. Съели коника беженцы. Никак не успокоится Мишка, все горюет. Красивый был конь, темно-бурой масти, с белой звездочкой на лбу.

— Знаю его коня, знаю. Так говоришь, Мишка по лесу, по болоту пешком?

— Как видишь, приходится... Что там, в Митковичах, слышно? — как бы между прочим бросил Климчук-Криворотый. Ему не терпелось узнать, почему этот парень идет через лес, а с веслом не расстаётся.

— Ты думаешь, я был в Митковичах?

— А весло?

— Ну и что же, что весло...

— Зачем с собой таскаешь?

— Захотелось, вот и таскаю. Правда, у тебя, видишь, не спросил разрешения.

— А по мне хоть лодку тащи, — с показным безразличием пожал плечами Климчук. — Ты где ее бросил?

— Кого?

— Да лодку...

— Где бросил, там и осталась...

— Ну и чудак ты... Из всего делаешь тайну...

— А ты хочешь, чтобы я сполна выложился? Я тебя не знаю, ты меня...

— Теперь будем знать. Я — тебя, ты — меня. Ты же, верно, в штаб, как и мы?

— А там видно будет. Далеко отсюда твой Мишка? — Вадим в раздумье остановился. Его злила эта бесполезная трата времени и непонятная настойчивость незнакомца. Что ему надо?

— Тут уж недалеко, с полкилометра, — невозмутимо отозвался Климчук.

Вадим украдкой разглядывал «партизана». Кто знает, может, и действительно он тот, за кого себя выдает. Но, с другой стороны, время такое, что надо быть начеку. Вадим настороженно оглядывался по сторонам, боялся попасть в ловушку. Но кругом было спокойно и тихо: вдоль тропинки, по которой они шли, стояли, будто часовые, высокие сосны, в небе плыли кудрявые облака.

Если Мишка Русак здесь, рассуждал Вадим, конечно, нужно его повидать. Посоветоваться, что делать. Прежде всего необходимо куда-то убрать с острова детей, а заодно расспросить, где сейчас находится партизанский штаб.

Он было нацелился идти на Пугачевскую горку — там раньше сходились все пути-дороги и оттуда пода-

вались все партизанские приказы и распоряжения. Но без уточнения своего маршрута он может потратить много лишнего времени. А потом, если подумать, вместе идти легче. Правда, при них, как говорит Егор, еще какой-то парашютист. Это осложняет дело. Не захочет идти, заупрямится. Стрелять? Нельзя. Это как-никак «язык»! Интересно на него глянуть. Можно даже поговорить с ним по-немецки, узнать последние новости. Теперь Вадиму уже казалось, что, пожалуй, прав Егор, вместе лучше.

— Наши дела совсем плохие, — говорил между тем Егор.

— Захватили пленного, и говоришь — плохие?

— Да я вообще говорю — наши, партизанские дела...

— Почему ты так уверен?

Егор засмеялся:

— По твоему веслу вижу. Кого-то хочешь из капкана вывезти! Уж не дядьку ли Андрея?

— Кого прикажут, того и вывезу.

— Ты возьми нас с Мишкой...

— А кто прорывать блокаду будет?

— Вот ты и попал пальцем в небо. Нам с тобою доведется... Мы же рядовые, — насмешливо сказал Криворотый, а сам подумал: «Ну и тип, настороженный, пугливый, замкнулся как улитка. Попробуй узнать, зачем он через весь лес топает с веслом...»

Ну ладно, если не хочет быть со мной откровенным, то, может, с Мишкой разговорится. Нужно навести уши. Тут что-то есть, есть!»

— Слушай, ты здешний или окруженец? — снова начал он разговор.

— Спросишь Мишку, он все хорошо знает.

— А я хочу с твоих слов узнать. Ну, брат, говорить с тобой, все равно что воз на себе тащить. Ты таким родился? Или придуливаешься?

— Подожди, а кто ты такой? Никак не разберусь.

— А-а, извини. Не представился. Я, понимаешь, из отряда Дмитрия Дукоры... Я, понимаешь, Егор Климчук. Рядовой партизанский боец. — Криворотый остано-

вился, стукнул каблуками и даже приложил руку к виску, отдавая честь.

Егор Климчук!.. Неужели? Ну и встреча! Вот так партизан... Куда он его ведет? Кому он, Вадим, доверился? Чего доброго, откуда-нибудь выскочат его дружки, накинут на голову мешок...

— Егор Климчук? — переспросил Вадим, стараясь не показать растерянности. И чтобы хоть что-то сказать, добавил: — Любопытное имя...

— Так уж и любопытное?

— Простое, белорусское... — пробормотал Вадим, как школьник.

А сам думал: «Ну вот, и искать бандита не нужно. Оказался, можно сказать, под руками... Но куда же он его ведет? Может, и в самом деле к Мишке Русаку? А может, дым пускает в глаза, чтобы без хлопот привести его к своим сообщникам?..»

Вадим незаметно огляделся. Ничего подозрительного, однако, не заметил. «Может, арестовать мерзавца? Он ведь без оружия... Неужели без оружия? — Тут же засомневался и стал пристально разглядывать кряжистую фигуру Климчука. Карманы не оттопырены, фуфайка расстегнута, под ней обычная темная рубашка. — Нет, нужно повидать Мишку Русака. А то погорячусь, наделаю еще беды...»

— Ну вот и наша стоянка, — оповестил веселым голосом Климчук и показал рукой на пригорок, заросший рыжим папоротником. — А мой напарник, понимаешь, спит... Что ни говори, вымотал нас парашютист...

Вадим подошел к человеку, который лежал в тени под елочкой, держа руку на автомате. И в самом деле, это был адъютант дядьки Андрея. На нем старенькая кубанка, хромовые сапоги, залепленные грязью, галифе с казацкой малиновой полосой.

Не обманул Климчук: это он, Мишка Русак!

— Подожди, не буди... — шепнул Климчук, осторожно ставя на землю банку с водой. — Мы посидим, а он пусть поспит.

— К нему гости, а он будет спать? — усмехнулся Вадим.

Он почувствовал, что обстановка складывается удачно, в его пользу, и нужно этим воспользоваться.

— Мишка, станция Березай! Приехали!..

Русак что-то пробормотал, но не проснулся.

— Смотри, не признает. — И Вадим бесцеремонно затормозил Мишку.

— Что случилось?! — вскочил парень и схватил автомат.

— Ничего особенного. Это я, Вадим...

— Подожди, подожди... — протирая кулаком глаза, забормотал Русак. — Ты что, с того света?.. Мы же твою душу отпели...

— Рановато, еще повоюю.

— Так как же? Фу ты, ну ты... Откуда?

Тут Мишка увидел банку с водой и повернулся к Егору.

— Нашел воду?

— Вот. — Климчук подал банку. — Пей, сколько влезет, нашел целый колодец.

Мишка Русак жадно припал к банке, выпил всю воду до капли, вытер ладонью усы и повернулся к Вадиму:

— Так рассказывай!

— А где парашютист? — в свою очередь, спросил Вадим и перевел взгляд на Егора Климчука.

— Да вот. — Криворотый пнул мешок и растолковал, как он попал к ним в руки. — Тебе сказал, что поймали парашютиста, чтобы заинтересовать. Вижу, какой-то несговорчивый...

Михаил все пытался узнать, где был Вадим в последние дни. Но тот незаметно подмигнул адъютанту, и Русак перестал допытываться, однако не понял, почему Вадим остановил его. Вроде все свои...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Алесь понял, что немцы не собираются возвращаться обратно, наоборот, устраиваются с ночевкой. Солдаты ходят, посвистывают, настроение у всех веселое. Ясно, что чувствуют себя спокойно.

Выяснив обстановку, Алесь покинул свой наблюдательный пост — густые заросли дикой малины, чтобы побыстрее нарвать травы для козы. Ведь не накормишь ее — молока не будет, да и вообще жалко скотину. Алесь вырос в селе, знал: мать сама не поест, а животных накормит.

Короткими перебежками, согнувшись, продвигался он от ствола к стволу, боясь наступить на сухие ветки,

чтобы не выдать своего присутствия. Алесь вспомнил про лодки, которые остались на берегу и даже, кажется, без охраны. «А вдруг? — И шальные мысли закружились в голове. — Можно же удрать отсюда. Взять девочку — и в лодку! Пока фрицы опомнятся, мы будем уже далеко. Тогда и пули нас не достанут».

Сзади слышались шаги и голоса. Алесь метнулся в сторону, упал в густой разлапистый папоротник, подполз в ближайшие кусты, примостился там и стал ждать, что будет дальше.

Из-за деревьев показался длинноногий офицер, за ним два солдата. Они не торопясь шли к берегу. В лодку уселись двое — офицер и солдат. Второй солдат, судя по всему, остался на острове.

«Ну вот, на острове теперь не восемь, а шесть фашистов, — радостно отметил Алесь. — Уже легче!»

Солдат взял автомат на изготовку. «Постовой, — догадался мальчик. — Вот тебе и лодка... Попробуй захвати!»

* * *

Ну и задали ему хлопот фашисты! Только что он был разведчиком, а теперь пришлось переключиться на хозяйственную работу. Надо было подумать о еде. На западном берегу острова, на ветвистой вербе, у затоки, сушилась рыба. Туда и направился Алесь. Рыбу нужно снять, если еще уцелела, если не склевали птицы. Козье молоко да вяленая рыба — совсем неплохой ужин. Алесь давно уже чувствовал голод, а тут еще эти запахи, исходящие от ящиков с продуктами! «Вот бы унести хоть один! — мечтал он. — Да что уж там, раздобыть бы кусок хлеба!» Подумал, и тут же почудилось, что пахло хлебом, свежим, как будто только что вынутым из горячей печи. Такой хлеб пекла мать... Она прижимала круглую буханку к груди, отрезала большие душистые ломти и подавала каждому по очереди...

Внезапно у Алеся закружилась голова, и он упал на траву. Перед глазами поплыли маленькие оранжевые солнца, потом наступила тьма...

* * *

Алесь пришел в себя от громкого свиста.

Он с трудом разлепил веки и удивился, что лежит ничком, а в рот ему набился песок. Вспомнил — хлеб!

Он думал о хлебе, хлеб ему напомнил дом, отца, мать, сестренку... Неужели он так ослабел от голода?

Он заставил себя приподняться и встать. Казалось, кто-то уселся ему на плечи, сильный, тяжелый, и давит, прижимает к земле.

...Снова послышался свист, еще более громкий. Алесь насторожился. Раздвинул кусты, выглянул на поляну. Прислонившись к елке, стоял человек, низкорослый, кряжистый, в какой-то смешной кепке, с ружьем в руках. Неужели он его заметил и свистом сзывает солдат? Если заметил — дело плохо.

Алесь испуганно нырнул в кусты. Свист не повторился. Мальчик осмелел, выглянул снова. Человек стоял не двигаясь, как-то настороженно, будто сам готовый сорваться с места и побежать.

В тот же момент рядом с Алесем зашуршали кусты. В первую минуту мальчик решил, что сквозь заросли продирается еще кто-то, пригнул голову к земле, затаил дыхание. В висках застучало от напряжения. Но кто-то неизвестный проскочил мимо и протопал по поляне. Алесь приподнялся и чуть не вскрикнул от страха и досады. Поляну перебегала их коза — и откуда только у нее прыть взялась!

А дальше случилось страшное и невероятное. Грянул выстрел, и коза, высоко подпрыгнув, перевернулась через голову, упала и задержалась.

Алесь, очнувшись от неожиданности, чуть не заплакал. Неужели коза сорвалась с привязи?

Это он виноват — плохо привязал ее и оставил голодную, без воды, на самом солнцепеке...

Дальнейшие события на поляне разворачивались быстро: прибежали два солдата, наклонились над убитым животным, что-то радостно залопотали по-немецки.

С дымящимся ружьем в правой руке к ним направился стрелявший немец.

Алесь с ненавистью смотрел на фашиста, мысленно желая ему всяческих кар: «Не видел разве, что стрелял в обыкновенную козу?!»

Один из солдат схватил козу за задние ноги, приподнял, и ее бородастая голова стукнулась о землю. Оба немца громко хохотали. Носке не понимал, что их так развеселило.

— Господин полковник, — сказал белобрысый солдат, — вы убили наповал, но смотрите, какое вымя у этой косули!

— Домашняя коза, — растолковал другой солдат, постарше.

— Коза? Откуда она взялась на острове? — сурово спросил полковник. — Кто мне объяснит?

— Мы ничего не знаем, господин полковник. Операцией по высадке косуль руководил обер-лейтенант Генрих Крис. Он вернулся в гарнизон, — доложил белокрысый.

— «Ничего не знаем!» — передразнил полковник. — А кто обязан знать, черт побери! Кто? Ну и подложили свинью! Думали, я ни в чем не разберусь? Нет, Вильгельму это так не пройдет!

Солдаты стояли ни живы ни мертвы. Им уже было не до смеха. Они смотрели на разъяренного полковника и боялись пошевелиться.

Выговорившись, полковник брезгливо пнул ногой козу, повернулся и пошел, на ходу закидывая на плечо ружье.

— Господин полковник, — отважился обратиться ему вдогонку солдат. Но тот не обернулся, сделав вид, что не расслышал.

Солдаты стояли в растерянности, недоуменно смотря друг на друга.

— Бросим, — сказал белокрысый.

— Повар ждет охотничьего трофея.

— Какой же это трофей? С выменем? Тьфу!

— А, пускай! Принесем в лагерь, там разберутся, — решил тот, что постарше.

Солдаты унесли «охотничий трофей» Носке.

«Вот бандиты, — шептал Алесь, сжимая кулаки, — недосмотрел козу. Вадим Николаевич не похвалит за это... Ну и растяпа, скажет. И будет прав».

И Аллочка без молока осталась... Хотел вступить в борьбу с врагами, а получилось — хуже не придумаешь. Не успел Вадим Николаевич отлучиться — и уже потеря. А что дальше?.. Может, и его, Алесь, вот так, как козу, подстрелят солдаты, а потом поволокут к своему полковнику...

«Нет, не бывать этому!» — Алесь выполз из кустов и осторожно — от дерева к дереву — пересек поляну. Вспомнил, как здесь очутился. Хотел нарвать травы для козы — еще раньше присмотрел неподалеку подходящую полянку, сплошь покрытую белыми звездочками дятловины. Теперь эта забота отпала — их кормилицы нет...

Вспомнился тот день, когда они с Вадимом Николаевичем шли по звериному следу, искали «кабана». Тогда ведь Аллочка пропала. Ну и переполох был! Бегали, кричали на весь остров, а потом на пригорке Алесь увидел «цыгана с бородой» и Аллочку!

Сколько радости принесла им Катя! Как кротко отдавала она свое молоко. Такая хорошая была коза, покладистая. Минуты дойки были самыми счастливыми. Аллочка обычно стояла рядом с Вадимом Николаевичем, держалась крепко за его плечо и поглядывала с радостным любопытством на белые струйки молока, бежавшего в банку, нетерпеливо требовала:

— Дай!

Чем же теперь кормить девочку? Как-то она одна там, на пливуне? Наверно, заигралась и уснула, как обычно. А если нет, если побрела к берегу...

Забыв про рыбу, Алесь бросился к пливуну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Ну и ну! Есть над чем поломать голову. Три человека в группе, а откровенно говорить и действовать не могут: каждый это чувствует, — замкнулись, насторожились, ждут, что дальше будет.

Климчук-Криворотый, конечно, не знал, что Вадиму известна его тайна. Он заметил настороженность Вадима, но объяснял это особенностями его характера. К тому же этой настороженности способствовала его, Егора, неосмотрительность там, у партизанского колодца. И толкнул же его черт под ребро выхватить винтовку у Вадима. И объяснить толком свое поведение он тогда не смог — вот и нет ему теперь доверия. «Ну и черт с ним, — рассуждал сам с собой Криворотый, — пусть дуется. Вы, мальчики, нужны мне как пришей кобыле хвост. Главное — чтобы вместе добраться до штаба».

Климчук понимал: Мишку Русака, адъютанта дядьки Андрея, губить нельзя — он проводник. Ведь если и переменялось место штаба, Мишка при встречах с партизанами имел полное право, не вызывая подозрений, спрашивать дорогу к своему командиру. К тому же и дядьке Андрею доложит о нем, Климчуке, — как рисковал тот жизнью, тащил на себе тяжелый мешок, как тонул в трясине... Мишка пообещал к награде представить. Вот потеха-то!

С Вадимом другое дело. Его в расход... Жаль, не удалось это там, у колодца. Вадим — крепкий орешек. Не разберешь, что он такое. Но к нему, Егору, явно относится с подозрением. Сам он, видимо, посыльный, после ответственного поручения добирается спешно в штаб, к дядьке Андрею. Только почему весла своего он не бросает — неясно. Вот и сейчас сидит, разговаривает с Мишкой, а сбоку лежат винтовка и весло. Хоть бы Русак заинтересовался, зачем и куда он тащит его, так нет, будто и не замечает... Можно самому начать разговор, пошутить, мол, почему с веслом не расстанешься... Возможно, при Мишке Вадим будет откровеннее. Но только Егор раскрыл рот, как заговорил Русак:

— Что-то ты, Егор, откалываешься от нас, а ну садись ближе.

Климчук не заставил себя ждать — пересел поближе к Русаку. Михаил оседлал сосновый пенёк, снял кубанку, положил на колени, достал металлический гребень и стал расчесывать свои рыжие кудри.

— Дай и мне, — попросил Егор, — потерял я, понимаешь, где-то свой, тоже был из дюраля. А перед войной купил красный, в футлярчике. Когда пришел к партизанам, подарил своему командиру Дмитрию Дукоре. Он и теперь у него.

Вадим быстро взглянул на Криворотого, усмехнулся про себя. Ну и волк в овечьей шкуре! Каким добряком выставляется — Дукору уважить хотел.

Противно сидеть с таким типом да еще разговаривать как ни в чем не бывало, виду не показывать, что знаешь, какая это продажная душа. А что на земле может быть страшнее предательства! Смотри ты, прилип, пристроился к Русаку, старается пробраться в штаб. Это неспроста. Значит, выполняет какое-то важное задание. Ох, как хотелось вскочить, схватить его и вытрясти все сведения!..

Но надо молчать, затаиться, главное — не вспугнуть предателя. А уж там, в штабе, сам дядька Андрей решит, что с ним делать. Вадим не имеет права даже Мишке Русаку открыть свою тайну, но как-то предупредить его надо. Мало ли что может случиться! Намекнуть ему, чтобы за оружием поглядывал, не давал в чужие руки. Тогда, у колодца, Климчук хотел украсть его винтовку. Значит, она ему нужна сейчас для каких-то своих черных дел.

— Друзья, — тихо начал Мишка, — как видите, судь-

ба нас соединила вместе, в одну боевую группу. Мы сейчас в партизанской зоне, но до центра острова еще далеко. По моему понятию, километров пятнадцать-шестнадцать. Местность здесь я знаю слабовато. Нужно будет идти по азимуту. А это намного усложнит дорогу. Придется и через болота переправляться, и трясину ногами месить... Конечно, всякие положения могут возникнуть, можем и врагов встретить. Фашисты сейчас лютуют, не знают, как до нас добраться. Действуют и сверху, и снизу, и по воде... И силой и хитростью. Мы можем запросто встретить диверсантов, а значит, ухо нужно держать востро! Мы бойцы, значит, и дисциплина должна у нас быть железная, и бдительность, ну и, конечно, осторожность. Нужно выбрать командира и слушаться его беспрекословно.

— Вот ты, Мишка, и будешь нами командовать, — сказал Климчук.

Русак покачал головой.

— А мне кажется, что за командира надо поставить Вадима Мурашко. Ты кто по профессии? Кажется, учитель? Ну вот, у тебя небось за плечами институт и опыт партизанский есть. Так?

— Миша, не набивай себе цену! — заявил Криворотый рассудительно. — Ты до этого дня командовал, по крайней мере, мной, и у тебя неплохо получалось. Так и оставайся командиром. А Вадим подождет. Может, ему дядька Андрей даст взвод или отряд. Накомандуется!..

Мурашко вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, сказал:

— На меня, хлопцы, командирство не взваливайте. Мне хорошо и рядовым. У меня ни выправки, ни вида, — засмеялся он, — а ты у нас, Миша, весь в лампах и голос у тебя подходящий — все данные для командира. И Егора можно было бы, — нарочно предложил Вадим, — если уж ты не хочешь, пусть будет Егор.

Климчук самодовольно кивнул:

— А что, и возьмусь...

Но тут возразил Русак:

— Я отклоняю твое предложение, Егор у нас ответственный за боеприпасы. И еще одно — спина у него широкая. В случае чего он обязан самостоятельно доставить ценный груз. Так что, Егор, ты уж извини. Значит... — Мишка запнулся и недоговорил.

— Командиром нашим назначается Русак, — объявил Вадим.

— Ага, значит, я! Тогда, братки... Группа, становись! — поднявшись с пня, подал первую команду Михаил.

И Вадим и Егор вскочили на ноги, встали рядом.

— Равняйся, смирно!

Оба четко выполнили команду.

— Вольно, разойдись! — Михаил усмехнулся, поглядывая то на одного, то на другого.

— Хорошие у меня солдаты. Только вот формы нет, одежда абы что... Фу ты, ну ты! Придем в штаб, попрошу дядьку Андрея, чтобы вас приодели. А теперь перед дорожкой сядем да подумаем. У нас два пути: один — длинный и путаный, другой — по азимуту. Какой выберем? Подумайте хорошенько, чтобы потом нареканий не было. Я за кратчайший...

— Разумное решение, — сказал Вадим.

— И я на это согласен. Время дорого, сами понимаете. Только, мне кажется, на нашем пути болото есть. Не завязнуть бы...

— Э-э, — махнул рукой Русак, — мы с тобой вон какие прошли, и ничего. А то болотце узкое. Перейдем.

— У меня возникла одна мысль, командир, — сказал Вадим.

— Слушаю, говори.

— Дело вот в чем. В случае встречи с противником мы должны принять бой. Я предлагаю, чтобы ты отдал мне свой автомат, я буду прикрывать ваш отход.

— Отдать автомат? Подожди, подожди, а ты мне винтовку?

— А как же. Там, в бою, будет поздно меняться оружием. Тебе, как командиру, нельзя оставаться на прикрытии...

— Верно говоришь, — не спеша, как бы взвешивая предложение Вадима, Русак снял с плеча автомат.

— А пользоваться им умеешь?

— А то нет! Не раз приходилось, могу разобрать и собрать.

— Тогда бери.

И они обменялись оружием.

Вадим незаметно бросил взгляд на Криворотого. Такой поворот дела был ему явно не по душе. Он, конечно, надеялся, что при случае завладеет Мишкиным автоматом и начнет диктовать им свои условия. Теперь такой возможности не будет — у Вадима оружие не вырвешь ни силой, ни хитростью,

Криворотый нахмурился. Да, этот парень с веслом совсем не простой и, главное, так повел себя, будто мысли его прочитал. А может, он знает?.. Да нет, откуда? Уж скорее догадывается... Но почему? Он, Егор, ведет себя очень осторожно, осмотрительно — ни одного лишнего слова, ни взгляда, только вот с винтовкой у колодца сделал промашку! А парень это помнит. Нет, надо убрать его, и чем скорее, тем лучше. Он может все испортить. Только нужно сделать это ловко, чтобы и комар носа не подточил...

Тут же договорились, как нести мешок с боеприпасами.

— Вопросов нет? — спросил Мишка.

— Нет.

— Тогда пошли.

Вадим положил весло на носилки рядом с мешком, взглядом показал Егору, чтобы становился впереди.

— Я хотел бы сзади, мне так с руки.

— Не забывай военной тактики. Я обязан охранять тыл нашей группы. Ну, берем!

Они взялись за носилки.

Впереди шел Климчук. Его короткая шея покраснела от натуги. Фуфайку он сбросил, положил на носилки. Вадим внимательно ее разглядывал, искал глазами потайные швы. Должно же у него что-то быть припрятано.

Оружия у него нет — Вадим в этом окончательно убедился. А нож, хоть маленький, должен быть. Может, даже финка. Где же тогда она? За голенищем сапога? Как ни приглядывался к сапогам Вадим, ничто не поддерживало его догадки. Тогда где-то в фуфайке. Ее нужно при случае внимательно ощупать.

Из рассказов Егора и Мишки Вадим уже знал, как тонул в болоте Климчук. Там, говорят, засосала трясина его винтовку. Хорошо, что так получилось. Если бы у Климчука оставалось оружие, положение в группе оказалось бы более сложным, чем теперь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Аллочка тихонько сидела в камышах, деловито рассматривала желуди и ветки, что-то приговаривала и с удивлением поглядывала на темную тучу, нависшую над островом. Она не слышала, как подошел Алесь.

— Ласточка ты моя, сидишь одна-одинешенька. — Алесь подхватил девочку на руки. Он был озабочен: неужели к ночи соберется гроза? Где же тогда ночевать? Куда спрятать девочку? Как ему хотелось, чтобы внезапно вон там, впереди, зашуршал камыш и появилась знакомая фигура учителя!.. Были бы они снова вместе, сели бы да посоветовались, как быть.

Вадим Николаевич, наверно, привезет с собой еду — хлеб, печеную картошку, а может, добудет где-нибудь морковку или брюкву — тоже хорошо. Вот был бы праздник! Сначала бы поели, а потом разработали план действий — как вытурить оккупантов с партизанской территории.

Рассуждая так, парнишка вышел на край плавуна, осмотрел озеро. С надеждой глядел он в ту сторону, откуда должен был, по его расчетам, приплыть Вадим Николаевич. Минули уже сутки. Если с ним ничего не случилось, вот-вот должна появиться лодка, должен кто-то приплыть за ними.

Но озеро пустынно на всем протяжении до самого горизонта. Только чайки летают, кричат человеческими голосами. Алесь понимал, что вряд ли Вадим Николаевич рискнет показаться на озере днем.

Вот ночью — другое дело. Надо будет постоять на берегу. Возможно, сегодняшней ночью что-то выяснится...

Дядька Андрей уже, видно, получил депешу. Он отдаст приказ на прорыв блокады. Это только так говорится — стальное кольцо. А в каком-то месте его можно расцезать и двинуться туда. Ударить по-партизански, чтобы враг опомниться не успел!..

Парнишка глядел на север, на черную тучу, и яркие сполохи молний над лесом казались ему отблесками будущей битвы...

И опять тревожная мысль: а что, если немцы, которые охотятся на острове, задумаются, как оказалось тут домашнее животное? Начнут враги прочесывать остров и обнаружат его с девочкой. Тогда пиши пропало — не понадобится им ни лодка, ни щедрое партизанское угощение!..

Солнце спускалось все ниже, вот уже и совсем скрылось за деревьями. «Теперь вся надежда на ночь, — подумал Алесь. — Ничего, мы еще им покажем!» И вслух повторил:

— Покажем! Правда, девочка?

— Дода! — радостно подтвердила Аллочка.

— Только, знаешь, ты мне должна помочь, покуда к нам придут партизаны... Что, у нас у самих нет рук, ног да смекалки? Я же тоже партизан. Подносил патроны нашим на Бакланской дороге. И под пулями был. Знаешь, что такое пуля? Нет? Пули, как шершни, злые, кусачие... Теперь нужно подумать, чем мне тебя накормить. Молока больше нет... Но мы не пропадем с голоду — у нас есть рыба! Ты посиди, а я сейчас. Я быстро.

Алесь посадил девочку, бросил ей камышинку и ушел.

На этот раз он пробыл в отлучке недолго. Рыба, которую он принес, успела завялиться.

Как ни причмокивал Алесь, показывая, какую вкусную еду он принес, девочка морщилась и выплевывала угощенье.

Вдруг, будто что-то вспомнив, она поднялась и вперевалку направилась в ольшаник. Там, на высохшем корневище, лежала банка. Девочка схватила ее и, подойдя к Алесю, протянула ему:

— Дай!

Ну как ей объяснить, что молока нет и не будет больше.

— Ласточка моя, — наклонился Алесь к девочке, — подожди немного. Вот мы осилим фашистов, и молока будет вволю. А теперь давай я принесу тебе в этой банке водички. Будем пить чай.

— Дай! — попросила девчушка.

— Вот это хорошо! — повеселел Алесь. — Чай мы найдем. — Он зачерпнул воды. Попробовал — она была невкусная. Алесь побежал к знакомой рябине. Надавил сока в банку, размешал прутиком. Ну вот, теперь совсем другое дело.

* * *

Вечер наступил неожиданно. Солнце скрылось за тучу, а небо еще долго переливалось всеми оттенками розового и перламутрового. Темная туча, надвигавшаяся с юга, казалась трехслойной, и каждый слой был подсвечен по-разному: самый нижний — ярко-красным, следующий — оранжевым и, наконец, бледно-желтым.

Ветер все усиливался, а воздух сделался душным и тяжелым, предвещаая близкий ливень.

Алесь не знал, радоваться ему начавшейся грозе или нет. То, что он задумал, требовало ночной темноты,

непогоды, шума деревьев, чтоб не услышал его шагов солдат-часовой. А для девочки надо бы, чтоб была тихая, спокойная ночь, и главное — без дождя.

Гроза приближалась. Вот-вот начнется ливень. Куда спрятаться? Тут, на плавуне, не было надежного укрытия — кругом камыш, кустики верболаза да негустой ольшаник.

Наконец засверкали молнии, загрохотал гром...

Аллочка со страхом прижалась к Алесю, а когда загремел гром, крепко зажмурила глаза.

— Дода! Дода! — шептала она, сжавшись в комок.

— Не бойся, — успокаивал ее парнишка. — Будет дождик, а дождик не кусается.

Под напором ветра расходились волны: шумели, пенились, захлестывали плавун, и он вздрагивал, как живой. Алесь понимал, что ночевать придется в шалаше, он хорошо замаскирован, к тому же ночью, в грозу, немцы носа не высунут из своей палатки.

Алесь еще раз выскочил на берег, взглянул на озеро — а вдруг... Мощная волна обдала его с ног до головы пенными брызгами. Все озеро тонуло в непроглядной тьме, просматривалась только прибрежная полоса.

— Была не была! — вздохнул Алесь, настраивая себя на воинственный лад. С Аллочкой на руках он отправился к шалашу. Зажатый между разлапистыми елочками, шалаш еле угадывался. Девочка первой полезла под крышу, позвала:

— Дода! Дода!

— Тише, Аллочка, молчи! — Алесь согнулся и юркнул в шалаш. Он постелил дерюжку и посадил девочку около себя. Она тут же перебралась к нему на колени и обхватила его за шею.

В шалаше было темно и сухо. Через верхнюю часть лаза едва виднелось небо и на нем — темные контуры вершин деревьев.

Интересно, а что сейчас делают немцы? Небось ужинают, жрут козий шашлык... Алесь проверил, на месте ли лопата. Он нащупал лезвие, поднял — подойдет!

Девчушка затихла на руках у Алеся. Она что-то сонно бормотала и вздрагивала, засыпая. Край неба, видимый из шалаша, почернел, слился с непроглядной тьмой. Гром гремел, почти не затихая, но уже где-то далеко, за островом. Алесь осторожно положил уснувшую девочку на подстилку, укрыл ее.

Теперь за дело. Ну, ночь, не подведи!

Алесь постоял около шалаша, прислушиваясь к ночным звукам. Постепенно глаза привыкли к темноте, уже различались и стволы деревьев, и заросли лозняка. Гроза прошла мимо, и сейчас лес опять погружался в тишину. Алесь услышал, как в кустах робко пискнула какая-то птица, как затихающий ветерок шевельнул листву.

Сжимая в руках лопату, держась вдоль зарослей ольшаника, мальчик направился в глубь острова. Он шел осторожно, ступая мягко, как лесной зверь, но нога нет-нет да и наступала на сушняк, и звук ломающейся сухой ветки казался Алесю похожим на выстрел.

Тогда он замирал, боясь шевельнуться. Сердце билось, как у пойманной птицы. Немного успокоившись, он шел дальше. За пригорком, где совсем недавно паслась коза, начинался молодой редкий ельник.

Впереди, сквозь частокол стволов, замелькали сполохи огня. Поляна, где разместились немцы, была уже совсем близко.

Сердце паренька колотилось и замирало не столько от страха, сколько от волнения. Сейчас он был готов и к решающему скачку, и к молниеносному бегству.

Немцы суетились около костра. Слышались приглушенные звуки музыки. Ах вот, это были звуки, которые показались ему из шалаша совсем непонятными.

Еще один рывок вперед, и парнишка прижался к стволу высокого клена, росшего как раз на границе поляны и леса. Теперь перед ним все как на ладони.

Горит большой, яркий костер — фашисты дров не жалеют. В малиновых отсветах пламени хорошо видны две палатки и между ними длинный стол, на котором стоит радиоприемник, настроенный на бодрую веселую музыку. Неподалеку офицер и три солдата. Тонкий, длинноногий офицер машет в такт рукой, дирижирует. Солдаты стоят спиной к столу, хохочут во все горло. Видно, кто-то из них рассказывает что-то смешное.

Из палатки, похожей на большую куропатку, спящую в гнезде, выходит еще один офицер и молодая женщина. Алесь узнал офицера. Это он застрелил козу. Сейчас он уже не в охотничьем костюме, а в военной форме, с орденами. Фуражка еще больше увеличивает его массивную голову, а сам он скорее широк, чем высок. На женщину Алесь не обратил внимания: на таких, что крутятся около немцев, и смотреть противно,

Офицер слегка поклонился женщине, ухватил ее за талию и повел в медленном танце. Голенастый офицер смотрел на танцующих, а когда музыка оборвалась, он закричал «браво» и захлопал. Солдаты тоже захлопали.

Офицер и женщина подошли к костру. Постояли, глядя на огонь, потом «охотник» подбросил в костер полено, и пламя взметнулось вверх, разбрасывая искры. «Охотник» что-то сказал женщине, обнял ее, засмеялся.

«Ах ты, вражина, — разозлился Алесь. — Жалко, гранаты нет, бросил бы тебе под ноги...»

Снова заиграла музыка, и опять офицер пошел танцевать с женщиной.

Алесь увидел еще одного немца. Это солдат-часовой. В руках держит на изготовку тупорылый автомат.

Часовой бесшумно двигался по краю поляны. Костер высвечивал его лицо и фигуру. Здоровенный верзила, ничего не скажешь. Каска сдвинута на самые глаза. Да он на гориллу похож, ну совсем как обезьяна из учебника биологии.

Часовой неторопливо обходит поляну — он при исполнении своих обязанностей. Время от времени под его ногами хрустят ветки. «Да, с этим справиться будет трудновато, — думает Алесь, — здоровый, как кабан...» А часовой уже почти поравнялся с кленом, за которым стоял парнишка. На всякий случай Алесь тихонько подался в сторону рощицы. Это молодые частые елочки, ростом с Алесь. Он спрятался среди них, отсюда ему было видно еще лучше.

Часовой остановился совсем близко, словно почуяв что-то, завертел головой во все стороны. Алесь пригнулся и глаз не сводил с часового. А солдат направился дальше. Вот мелькнула его широкая спина, плечи... «Убить бы гада!..» — думал Алесь, кусая губы.

Теперь ему хотелось, чтобы именно этот солдат был на посту, чтобы с ним, жирным кабаном, помериться если не силой, то ловкостью.

Закончив обход поляны, часовой направился на просеку, ту, что вела к Черному Дубу, на восточный берег озера. «Десять минут — мои», — прикинул Алесь. Значит, будет время похозяйничать и около палаток. Пусть только спать улягутся. Пусть только настанет полночь. Эх, как же медленно идет время!..

Звучит музыка, кружатся в танце офицер с женщиной, и перед глазами мальчика начинают кружиться и деревья, и кусты, и даже костер..

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Занятые важными хлопотами, трое путников, привычных к военной обстановке, не очень-то прислушивались к гулу канонады. Взрывы сотрясали землю в разных направлениях партизанской зоны. То гремело где-то на южной стороне, то внезапно грохот боя перемещался на восток, а потом гул нарастал уже с запада.

Не жалеет враг ни снарядов, ни бомб, ни мин. Это особенно видно в лесу. Как будто страшная буря прошла по опушкам и чащам и вырвала с корнем деревья, срезала вершины сосен и елок, изувечила осколками, оголила, покрыла ранами стволы березок.

А сколько ям от взрывов! Мишка Русак, Вадим и Егор Криворотый попали на обстрелянную полосу леса. Дорогу все чаще загораживали то поваленные деревья, то свежие, еще пахнущие порохом воронки.

Около высокого клена с содранной корой высился продолговатый холмик.

— Братская могила, — тихо сказал Михаил и снял с головы кубанку. Вадим и Егор стянули кепки.

Постояли молча. Потом осмотрелись по сторонам. Что тут было? Как погибли здесь люди? Кто они — партизаны, мирные жители, беженцы? На могиле не было ни столбика, ни надписи. Рядом темнели две воронки — глубокие, доверху забросанные изуродованными стволами и корнями — останками могучих сосен.

— Воронки от бомб, — сказал Вадим, — смотрите, вокруг все деревья с целыми вершинами, а здесь — прямое попадание.

— Глядите-ка! — закричал Русак, показывая рукой на одну из березок. — Винтовка! Вон на суку висит...

— Винтовка? Где? — оживился Егор.

— Да вон, на березе!

Вадим тоже увидел находку. В самом деле, высоко вверх, на обсеченной взрывной волной ветке, зацепившись за ремень, висела дулом в небо винтовка.

Странно было видеть ее на дереве. Она тихо покачивалась под порывами ветерка. А над ней, над желтеющими по-осеннему ветками, таяли легкие облачка.

Эта винтовка на фоне голубого неба выглядела печальным символом войны...

— Надо достать ее, — сказал Климчук, рассматривая ствол березы.

— Браток, ее уж давно бы достали! — сказал Миш-

ка, поправляя ремень на гимнастике. — А если ты такой прыткий — попробуй!

— Высоковато висит. А сучья у березы мелкие, ломкие, — сказал Вадим. — Нет, пожалуй, не достанешь.

Конечно, можно было бы изловчиться и достать винтовку, но Вадим не хотел, чтобы оружие попало в руки Климчука.

А тому очень хотелось заполучить лесной трофей.

— Братишки, ведь она целехонька и с прикладом — все, как надо, а?..

— Лезь да сними, — пожал плечами Мишка, — вот и все дела!

— Товарищ командир, ты легкий. Тебя ветка выдержит.

— Скажи, ты всегда такой?

— Какой?

— На чужом горбу хочешь в рай попасть.

— Ну не шути, Мишка, попробуй, а то Дукора начнет приставать: где потерял винтовку да как? Он может не поверить, что я тонул...

— Не полезу, — решительно заявил Русак. — Нужно искать жердину... А так только время потеряем. Давайте на этом закончим прения. — Мишка бросил взгляд на свежую могилу. — Тут похоронены наши хлопцы — партизаны. Вечного вам сна, дорогие друзья! — Он наклонился, взял из-под ног комок земли, размял и высыпал на холмик.

С сожалением оторвал взгляд от березы Климчук. Раздраженно нахлобучил шапку на голову, взялся за носилки.

— Ну, Мишка! Хорошо. Запомню. Придет коза к возу...

— Ты хочешь, чтобы я всякий раз рисковал из-за тебя? Фу ты, ну ты. Уже было, вытащил из болота, с того света, можно сказать. И сознательно, не забывай, шел на риск. А теперь должен шею себе свернуть. Ну знаешь, о себе, о винтовке похлопочи сам.

— Да я похлопотал бы. Но видишь — у меня вес...

— А я что, птичка?

— Ты же сам должен быть заинтересован, чтобы я имел оружие. А то вдруг встретимся с фашистами. Вы будете отбиваться, а мне что прикажешь делать?

— Будешь запасным. В резерве. Если, не дай бог, что с нами случится — с одним или с другим, — подменишь. Понятно тебе, боец Егор Климчук?

— Понятно, — буркнул Криворотый.

И они снова углубились в лес. Шли молча. Впереди Мишка Русак, он зорко оглядывал местность, на ходу выбирал наиболее удобные проходы через завалы, через глухие заросли. Тут еще было вполне терпимо, но впереди ожидало болото.

В своих скитаниях Вадим исходил немало болотистых мест, нахлебался болотной жижи, и, когда ветер донес запах стоячей воды, он поежился. Неужели болото? Одно дело, когда идешь по нему налегке, и совсем другое — с такой поклажей. Сколько времени уже потеряно! И неизвестно еще, чем все это обернется...

А что-то делают сейчас на острове дети? Как Алесь справляется с обязанностями старшего? Как девочка?.. Ну, с едой у них хорошо — молоко выручает. И шашлык есть...

И все же... С малышкой Алесю непросто. Нерадостная доля выпала девочке. Хорошо, что она пока не понимает этого. Может, посоветоваться с Русаком? Он парень добрый — придумает, как быть. Может, возьмет и сам поедет к детям... Тогда придется остаться вдвоем с Климчуком. Да, положение еще больше усложнится. Хоть Егор и без оружия, однако может такое выкинуть, что и не придумаешь.

Фактически они с Русаком конвоируют в штаб изменника. Там уж его заставят все рассказать, не отвертится. И все же, пожалуй, Русаку ничего говорить не стоит. Главное — скорей бы добраться до дядьки Андрея.

Старый лес постепенно редел — меж стволами теперь все чаще просвечивала синева неба. Впереди показалась большая поляна. На открытом месте легче идти и веселей. Они ускорили шаги, радуясь предстоящему привалу.

И вдруг остановились, озадаченные: в конце поляны на стволе толстой вербы что-то белело. Похоже, была приколота бумага.

— Братцы! Видите? — Русак показал на вербу. — Что же это такое, а?

— Мишень, — предположил Вадим, — тут учились стрелять. Иди-ка посмотри, что да как.

Русак осторожно, краем поляны, пробрался через кусты к вербе. Через несколько минут он вернулся. Хмурый, насупленный.

— Ну?.. Чего это ты?

— Подойдите — увидите. Полезно посмотреть.

Поляна была когда-то полем, а теперь заросла мелким осинником. Вот и верба. Тут, оказывается, состоялся партизанский суд. Справа от дерева сложенное из жердей подобие скамьи — издали ее и не заметишь. На земле окурки, обрывки бумаги. На листе, приколотом к дереву, написано черной краской: «Паникер и провокатор Прокоп Жуковец, житель поселка Митковичи, подбивал партизан сдаться в плен. От имени белорусского народа здесь, на этом месте, он расстрелян. Смерть немецким прислужникам!»

— Прокоп! — не удержался от восклицания Егор.

— Ты что, его знал? — спросил Вадим.

— Был в сельпо продавцом, хомуты, веревки продавал, керосин...

— Хотел и людей продать, гад. Вот шкура! Я его тоже знал. Да как не знать? Однажды надул меня на десятку. Костюм покупал, так он самовольно цену накинул...

— Вот, вот, за ним этот грех водился, — быстро подхватил Егор. — Дурак, скрутил себе голову. И детей оставил, понимаешь, целую кучу — восемь у него было!

Вадим пристально следил за Егором. Сокрушается, осуждает. Слова говорит правильные. А сам-то кто? Не лучше Прокопа. Неужели, негодяй, не боится, не чувствует, что и самого такая участь ожидает?

— Все-таки жалко человека, — сетовал Егор. — Может, уж слишком...

— Надо, чтоб и другим неповадно было, — твердо объявил Русак. — Паника — страшное дело... Сам видел такое, когда проходил со своим взводом через Слоним.

— Ты в кадровых войсках был? — спросил Вадим.

— Ну да, в кавалерии служил. Видишь, галифе...

— Нечего, братцы, стоять, — напомнил Вадим. — Видно, что недавно здесь были партизаны. Значит, они где-то близко. Хорошо бы сдать им поскорей мешок.

— Донесем как-нибудь сами, — возразил Климчук. — Столько мучились. Отдадим лично в руки дядьке Андрею, пусть порадуется подарку из Москвы. Да вот Миша говорил — командир может и к медали представить.

Вадим мысленно чертыхнулся. Ну и ну! Подавай ему самого дядьку Андрея. Интересно, зачем? С какой целью? О медали думает, а сам хочет разнюхать, разведать...

Какое же у него задание на этот раз? Только бы из-

под носа не скрылся, гад, а то наделает беды. Может, все-таки арестовать его, связать руки? И с Мишкой, как на грех, поговорить не удастся. Главное, чтоб не спугнуть предателя...

Когда Криворотый и Вадим снова взялись за носилки, Вадим заметил, что руки у того дрожали.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ночное небо светлело, но поляна еще звенела головами, из радиоприемника лилась тихая мелодия.

Алесь истомился в ожидании. Он то привставал, то присаживался, прячась в кустах. Беспокоили мысли об Аллочке: только бы не проснулась, не заплакала... Хотел даже сходить посмотреть, спит ли она, но эта долгая отлучка могла бы нарушить все его планы.

Мысли неотступно возвращались и к Вадиму Николаевичу.

Было бы просто здорово, если бы вдруг из-за деревьев появился Вадим Николаевич с партизанами. Они бы здесь наделали тарараму!..

А может, Вадим Николаевич и вправду уже здесь? Может, он подобрался с ребятами к поляне, все видит, все слышит и ждет только удобного случая? Вон шевельнулись кусты и вроде кто-то выглядывает... И голова... Неужели?..

Алесь взгляделся попристальнее — нет, кусты неподвижны, все как и было.

Долго, что ли, будут тут веселиться?! Алесь с ненавистью оглядел женщину. Он уже давно понял: во всем виновата она. Это из-за нее фрицы собрались здесь танцевать.

Толстый офицер уже не раз подводил ее к палатке, но она вырывалась из его рук и возвращалась к костру. А то вдруг убегала к Черному Дубу, к лодке. Но толстяк догонял ее, упрашивал, насильно вел обратно. Она сердилась, отворачивалась, но потом начинала хохотать. И они опять мирились и снова танцевали...

Несколько раз Алесь видел, как они подходили к столу и офицер наливал женщине вина.

Возле костра теперь сидел краснолицый часовой — он грелся у огня и отдыхал, а караульную службу нес другой солдат, худой, с вытянутым лицом.

Медленным, размеренным шагом он обходил поляну, пристально осматривая все вокруг, то и дело наклонялся и подбирал то камешек, то шишку, то ветку и тщательно разглядывал.

На высокой мохнатой ели с ветки на ветку быстро перелетала белочка. Услышав треск веток, часовой схватился за автомат, вскинул голову и застыл. Поняв, кто был нарушителем спокойствия, зашагал дальше.

Толстый солдат, которого мысленно Алесь окрестил кабаном, подкинул в костер веток, огляделся по сторонам и забрался в палатку. Автомат он захватил с собой. «Небось оставит его у входа, — подумал Алесь, — не будет же спать с ним в обнимку!» Парнишка весь напрягся. «Пора начинать, — будто кто-то шептал ему со стороны. — Может, подождать? Может, Вадим Николаевич... Никаких может! — тут же оборвал себя Алесь. — Только раки ползут назад».

Он медленно, боясь хрустнуть веткой, двинулся к Черному Дубу, к просеке. Там подальше от поляны... И лодка и шалаш в стороне, а это очень важно.

В руках парнишки тесак от лопаты, казалось, потяжелел. Нужно так ударить этого дохлого фрица, чтобы без промашки!

Наконец добрался Алесь до Черного Дуба. Затаился за старой елью.

Вокруг тихо-тихо. Только цвиркает где-то в траве кузнечик и шуршат листья березки.

Из своего укрытия Алесь хорошо видел озеро. Укутанное тонкой пеленой тумана, оно шевелится, как живое.

Вот в конце просеки показалась фигура часового. Ну совсем как привидение! Все ближе, ближе. Только шаги тяжелые. Он громко кашляет. Вот он уже рядом, большой, ненавистный. Алесь еще крепче прижимается к дереву, готов слиться с ним, почти не дышит.

Только бы не заметил, проклятый враг, не почувал опасности. Еще минута — и Алесь упустит удобный момент. Он поднимает руку, замахивается... Трещит под ногами ветка! Алесь успевает заметить, как солдат испуганно оборачивается, и — ударяет его лопатой.

Солдат приседает и медленно валится на землю. Сердце парнишки неистово колотится. Он замирает, озирается. Потом дрожащими руками с трудом приподнимает немца, снимает автомат.

Сквозь деревья видно, как трепещет свет костра, как

черные кольца дыма поднимаются вверх. Неужели никто не видел и не слышал? Значит, удача?!

Алесь вешает автомат на шею, хватается за приклад и примеривается, как он будет стрелять. Какое-то время он стоит на месте. Потом хватается часового за ноги, тащит в кусты.

А на востоке уже пробивается розовое марево, пока еще чуть видимое в ночных сумерках. Скоро начнет светать. Теперь нельзя терять ни минуты. Быстрее в шалаш, за Аллочкой — и в лодку.

Если подумать, то обстановка сейчас сложилась на редкость удачной... Может, из автомата да по фашистам? Ведь все спят, а самый крепкий сон на рассвете!

И Алесь не побежал к шалашу — повернул обратно. Шел, словно на крыльях летел: легко, быстро, бесшумно. Страх уже не чувствовал. Только волновался, что не успеет, не сумеет все сделать, как задумал.

Перед тем как выйти на поляну, Алесь остановился, неторопливо огляделся — не грозит ли опасность? Нет, все спокойно. Около костра никого. Он горит уже лениво, словно тоже в дремоте.

Вдруг пареньку почудилось, что мелькнула чья-то тень. Может, это часовой поднялся? Может, он жив? Алесь похолодел. Но нет, кругом все было по-прежнему спокойно и тихо.

Алесь крался между деревьями, руки крепко стискивали автомат, указательный палец лежал на спусковом крючке. В случае опасности он готов был стрелять во врагов в упор.

Сначала к солдатской палатке.

Под ногами хрустнула ветка. Но это не пугает его: если и проснутся солдаты, решат, что там ходит часовой.

Свет костра меркнет. Поляна погружается в серые сумерки... Вот и палатка. Ударить очередью отсюда, из леса, чтобы враги никогда не проснулись?..

В палатке трое солдат и офицер, это он высмотрел еще днем... Начнется стрельба, из соседней палатки выскочит офицер, он вооружен. А женщина? У нее, наверное, тоже есть пистолет. Силы будут слишком неравны.

Подожди! Можно и по-другому.

Заглянуть в палатку и посмотреть, где автоматы? А если их тихо, незаметно забрать? Очухаются они, бросятся искать оружие, а Алесь с девочкой будут уже далеко. Ищи-свищи... Тем более что вход в солдатскую палатку не прикрыт пологом — это ему на руку.

Мальчик делает шаг к палатке. Оттуда доносится мощный храп. Спят враги, спят! Еще шаг. Вход совсем рядом. Зыбкий свет проникает в палатку. Алесь наклоняется, заглядывает внутрь. Солдаты спят вповалку на широких матрацах. Две пары ног — в носках. Двое солдат прямо в форме, даже в сапогах. При входе деревянная стойка. На ней оружие. Алесь протягивает руку, нащупывает автомат. Осторожно вытаскивает из палатки, кладет на траву. Потом лезет за следующим. Кто-то шевелится во сне. Страх пронизывает парнишку, но он заставляет себя остаться на месте. «Только без паники!» — уговаривает себя. Тихонько протягивает руку к стойке. Еще один. Осторожное движение, и еще один автомат лежит у палатки. Алесь переводит дух.

«Удача! Ура!» — мысленно ликует он. Берет автоматы в охапку и, осторожно обогнув палатку, скрывается в лесу.

Тут, в лесной глуши, до него начинает доходить смысл всего происшедшего, и он ясно осознает всю опасность, которой он подвергался в случае неудачи. Быстрым взглядом он еще раз сквозь ветви деревьев окидывает поляну.

Все та же мирная картина. Фашисты спят и даже, наверное, видят сны.

А его ждет Аллочка. Теперь скорей обратно. Пока не очухались враги. Скорей, скорей! Забрать девчушку — и в лодку, к своим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Оксана выскользнула из палатки, осмотрелась тревожно. Подошла к костру, бросила в него несколько поленьев, примостилась рядом на чурбачке.

Позади нее из палатки полковника слышалось раздраженное бормотанье. Полог откинулся, и вышел сам Носке. Он был без френча, мощную грудь его обтягивала белая шелковая рубашка. Полковник увидел Оксану. «Нет, надо наказывать подобных упрямиц...» — Полковник был раздражен. Конечно, самое мудрое на его месте — махнуть на все рукой, вернуться в палатку и поспать, чтобы подняться с ясной головой... Только как он будет выглядеть перед Вильгельмом? «Ах, этот Вильгельм!» — со злостью подумал полковник. Вот вам и охота на лоне природы! Вместо косули «добрый друг»

подсунул какую-то тощую козу, а фрейлейн Оксана вообще загадка даже для такого опытного сердцеда, как он, Фридрих Носке. Нет, полковник не привык отступать. Теперь он не будет церемониться, демонстрировать перед этой белорусской девицей хорошие манеры. Она от него никуда не денется...

С этими мыслями полковник подошел к костру.

Услышав шаги за спиной, Оксана испуганно вскочила. Нахмурив брови, она строго глядела на полковника.

Он усмехнулся, хотел подойти поближе. И когда Оксана совсем рядом увидела его холодные глаза и похотливую ухмылку, она нагнулась к костру, схватила дымящуюся головешку.

— Господин полковник, — сказала она решительно. — Богом прошу, отойдите. Я за себя не ручаюсь...

— Вы не шутите? Неужели не понимаете: жизнь ваша в моих руках. А ну, марш в палатку!

— Господин полковник! Вы пользуетесь правами сильного. Но это бывает и опасным. Вы можете убедиться в этом сегодня...

— Вы дерзки и неблагодарны. Переходите всякие границы... Мне уже начинает все это надоедать. Говорю вам вполне серьезно, фрейлейн Оксана.

— В палатку я не пойду. Мне и тут, у костра, хорошо. Ночь уже прошла, господин полковник.

Неожиданно из солдатской палатки выскочил рыжий толстяк. Лицо у него было растерянным. Он топтался у входа с глупым и смешным видом.

Следом за ним из палатки появился офицер. Он поспешно, на ходу застегивал френч, повторяя одно и то же:

— Мой бог, брось шутить! Мой бог, что ты наделал?

Рыжий обежал вокруг палатки и вытянулся перед офицером:

— Пропало оружие, господин лейтенант.

— Пропало? Как это пропало, Ганс?.. Расстреляю! Негодяй! Ты все проспал!

Полковник оглянулся на голоса. Оксана бросила головешку в костер и насторожилась.

Еще два солдата вылезли из палатки.

— Нет, нет! — кричали они, растерянно разводя руками.

— Что такое?! — гаркнул полковник. — Что вы там потеряли?

К Носке подскочил обер-лейтенант. В предутренних сумерках лицо его было белым как полотно.

— Господин полковник, — хрипло забормотал он. — Мы ничего не понимаем. Исчезли автоматы. Они были в палатке. Может, вы, господин полковник?..

— Что?! — возмутился Носке. — Что вы такое говорите, обер-лейтенант? Исчезли автоматы?.. Как исчезли? Куда?..

— Не знаю, господин полковник.

Носке резко обернулся, окидывая взглядом поляну.

— Где часовой? Почему нет часового?

— Он должен быть тут...

— Должен. Но его же нет...

— Я проверю, господин полковник. Сейчас же проверю, — ответил обер-лейтенант, с тоской глядя на полковника.

Солдат, посланный для осмотра просеки и берега озера, вернулся ни с чем.

— Тревога! — крикнул полковник, выхватывая из кобуры пистолет. И тут же с ненавистью взглянул на офицера. — Вы, обер-лейтенант, настоящая свинья. Вы все проспали. Расстреляю!..

Офицер стоял ни жив ни мертв.

— На острове партизаны! — отчеканил полковник. — Слышите, партизаны!

Только теперь фашисты уяснили весь ужас своего положения. Если исчез часовой, он, без сомнения, убит. Значит, за ними следят. На них нацелены автоматы и карабины...

Полковник старался сохранить самообладание. Повернувшись к обер-лейтенанту, он приказал:

— Прекратить панику! Занять оборону!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Спрятав в густом орешнике фашистские автоматы, Алесь сбежал к лодке, забрал весла и старательно припрятал их в прибрежных зарослях. Это на тот случай, если немцы спохватятся и бросятся к озеру. А отплыть на лодке без весел и не смогут.

Теперь скорей по просеке, мимо Черного Дуба, в чащу.

Вот и чаща, еще достаточно темная, в предутренних сумерках. Мальчик бежал и не слышал, что уже самые

ранние птички запевают свои песенки в густых кронах деревьев, не чувствовал, как ветки больно хлестали его по лицу, цеплялись за одежду.

Дорога к шалашу по прямой начиналась от узкой полосы елочек, что тянулась по низине вдоль леса.

Вот кривая береза, потом толстый вековой клен с могучим зеленым шатром, а дальше целая стайка молодых стройных сосенок.

В сосняке Алесь остановился. Ему послышался звук, похожий на человеческий голос, даже почудилось, что кто-то назвал его по имени. Мальчик замер. Неужели сбылось то, о чем он все время думает?.. Он прислушался, но звук не повторился.

Вадим Николаевич! Вот кого не хватает сейчас на острове. Эх, вместе бы они показали врагам, что такое партизаны!

Алесь понял, что ослышался, и зашагал к знакомым сосенкам. Вот и шалаш. Парень заглянул внутрь, позвал вполголоса:

— Аллочка!

В ответ ни звука.

— Аллочка, где ты? — уже испуганно спросил Алесь. Молчание.

Девочка пропала, словно провалилась сквозь землю. Видно, проснулась и, испугавшись чего-то, отправилась искать его, Алесья... Или... Это предположение было менее вероятно, но вполне допустимо. Учитель вернулся на остров ночью, искал Алесья. А не найдя его, забрал Аллочку и уплыл, чтобы потом опять возвратиться... Нет, вряд ли Вадим Николаевич оставил бы его на острове одного. Вернее, девочку разбудил голод, и она пошла искать Алесья.

Если так, то она далеко не уйдет. А потом стала бы плакать. Но ее не слышно. Алесь на всякий случай быстро obeжал вокруг шалаша. Но девочки нигде не было.

И ведь как судьба шутит с человеком. Там, на поляне, такое сделал, что сам бы не поверил. А тут, под бокom, — такая неудача. Внезапно до слуха долетели голоса. Алесь насторожился. Это немцы... Проснулись. Теперь там переполох. «Ага, заварил кашу, теперь сам ее и расхлебывай!»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Теперь фашисты имели в своем распоряжении два пистолета и охотничье ружье. Оружие не ахти какое. Но оно давало возможность держать оборону.

Полковник стоял с пистолетом в руках, плечом к старой сосне. Рыжий солдат с охотничьим ружьем залег за большим пнем, держал на прицеле просеку и ту часть леса, что выходила на восточный берег острова. Офицер занял позицию неподалеку от костра, между чурбаками, что еще недавно служили табуретками. Все ждали нападения партизан.

Что-то зловещее чудилось в наступившей тишине. Вот-вот должны были грянуть выстрелы, послышаться крики команды... Но ничего подобного не происходило.

Оксана в душе ликовала. «Ага, господа, и здесь вас нашли! Ну держитесь теперь, господин полковник! Отплатят вам партизаны за все!»

Она напряженно всматривалась в чащу. Не верила наступившей тишине. Взгляд ее искал и не мог найти ни подозрительного колыхания листвы, ни мелькнувшей тени между деревьями. Она спокойно смотрела вокруг, а мысленно твердила: «Ребята, не тяните же. Начинайте!»

Внезапно полковник повернулся к ней.

— Фрейлейн Оксана, я прошу вас, встаньте рядом.

Оксана не шевельнулась. Носке крепко схватил ее за руку, с силой притянул к сосне, сказал примирительно:

— Я прошу вас, будьте со мной. Как вы считаете, что происходит на острове?

Оксана пожала плечами.

— Не знаю, господин полковник, все так неожиданно, так загадочно.

Она взглянула на Носке, подумала злорадно: «А вы, оказывается, побаиваетесь, господин полковник!»

Носке наклонился к Оксане и попросил ее передать партизанам, что на раздумье им дается ровно три минуты, после чего будет открыт огонь.

— Братья партизаны! — громко крикнула Оксана и шагнула вперед. — Вы видите этого вояку? Он вам дает три минуты. А ну, покажите, на что вы способны!

Однако и на этот раз из леса отклика не было. Складывалось впечатление, что просто смельчакам требовались автоматы, они их достали и покинули остров.

«Вот тебе и партизаны!» — Настроение у Оксаны упало, на душе стало горько.

«Как же так, — думала она, — убили часового, захватили оружие и убежали? Надо же было взять его живым или мертвым!»

И вдруг из-за деревьев, слегка переваливаясь на слабеньких ножках, вышла совсем маленькая девочка. Все остолбенели.

Оксана зажмурилась: уж не снится ли ей все это? Девочка? Откуда? И одна-одинешенька. Кто-то послал ее сюда или сама заблудилась?.. Оксана терялась в догадках. Между тем девчушка направилась прямо к ней, позвала радостно:

— Ма-ма!

Девочка споткнулась, упала и тут же стала поспешно подниматься.

— Ма-ма! — опять закричала она и потянулась к Оксане.

Та не выдержала, рванулась к ребенку. Но полковник схватил ее руку.

— Фрейлейн Оксана, ни с места! Это провокация. Неужели не видите? Ни с места!

Девочка с трудом поднялась и заковыляла к Оксане, что-то лепеча.

— Боже мой! Откуда же эта малышка? — Оксана попыталась высвободиться из цепких рук Носке.

— Стойте! Стрелять буду! — Полковник направил пистолет на девочку.

Он был почти уверен, что у нее спрятана бомба, — верный способ взорвать их всех. Вдруг, будто не слышала, Оксана резко оттолкнула полковника, подхватила ребенка на руки, прижала к себе. Девочка была босая, в лняном платье, личико заплаканное, грязное.

— Не бойся, я с тобой... — тихо говорила Оксана. — Мы найдем маму, не бойся...

— Фрейлейн Оксана! — не выдержал полковник. — Что за шутки? Разве вы не понимаете, что ребенок партизанский? Оставьте его!

— И не подумаю! При чем тут партизаны! Это сиротка... Посмотрите, какая она, — кожа да кости, легкая, как перышко. Ее накормить надо!

Оксана хотела подойти к столу, где лежали остатки вчерашнего ужина. Но полковник с силой вырвал девочку из ее рук.

— Вы не выполняете мои приказы, фрейлейн! Я вас расстреляю! Ефрейтор Кунце! Привяжите ребенка к дереву. Это партизанский заложник!

Кунце крепко привязал девочку к сосне. Та зашлась в плаче.

Оксана хотела подбежать к ребенку, хоть как-то успокоить, но ефрейтор крепко держал ее за плечи.

— Ты не человек, Кунце. Пу-сти... Бог вам этого не простит! Увидишь — не простит...

Оксана недоумевала: «Где же партизаны? Почему молчат? Неужели не видят всего этого?..»

За спиной, в нескольких шагах, потрескивал костер. Бирюзовой голубизной сияло небо над поляной. Щебетали птицы.

Ни подозрительных звуков, ни выстрелов. Только плач испуганного ребенка.

Фашисты понемногу успокоились. Прошло еще несколько минут, партизаны не появлялись. Даже девочка, утомившись, замолчала.

Немцы приободрились. Полковник позвал к себе обер-лейтенанта. О чем-то посоветовавшись с ним, подошел к Оксане, оттолкнул солдата.

— Фрейлейн, понимаю, вы женщина, вам больно и тяжело видеть все это, но с девочкой ничего плохого не случится. Ее послал нам сам господь бог. Я вас попрошу, фрейлейн, об одной услуге.

— Я вас слушаю, господин полковник.

— Дадим вам всего лишь маленькое задание. Не торя времени, идите по просеке, — он показал рукой, — до озера. Проверьте, на месте ли лодка. Если на месте — начнем срочную эвакуацию. Спасем заодно и несчастное дитя. Только побыстрее!

Оксана не двигалась. Полковник не спускал с нее угрюмого взгляда. Помедлив, девушка направилась к просеке.

— Вам дается пять минут! — крикнул ей вдогонку Носке. — Вас ждет малютка!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Весь этот день три взвода отряда Дмитрия Дукоры вели бой с вражеским батальоном. Фашисты каким-то образом разведали, что между двумя возвышенностями к северу от Буян-озера, среди болотной топи, есть широкая полоса, по которой могут пройти даже танки.

С самого утра на этом участке началась усиленная проба сил. Сначала фашисты пустили пехоту. Предпо-

лагалось, что солдаты смогут снять разрозненные партизанские посты, взять под свой контроль болото и определить проходимые места для танков. Фашистские машины, тщательно замаскированные ветками, уже занимали исходные позиции перед самым болотом.

Но, пристально присмотревшись, с партизанской стороны можно было увидеть темно-зеленые башни с грозно нацеленными пушками. Перед тем как выступить пехоте, немцы обстреляли партизанские позиции.

Партизанские дозоры, расположившиеся и на маленьких островках посреди топи, и в рошицах и лозняках, прикрывали этот участок, как могли, и пока обошлись почти без потерь.

Связной охранной группы донес Дукоре о сложившейся обстановке и попросил подкрепления. Через час к Зеленой луже, как назывался этот участок зоны, прибыли три взвода вместе с командирами.

Фашисты за это время успели занять несколько островков на болоте, укрепили их, чтобы отсюда продолжать наступление. Партизаны видели, как несколько гитлеровцев, вооружившись длинными шестами, пробирались по болоту, обозначая путь для прохода танков.

Прибытие подкрепления окрылило партизан. Дукора с командирами взводов провел рекогносцировку местности, определил, кто в каком секторе будет действовать. Наметил оборонные задачи.

Дукора был коренастый, крепко сколоченный человек. Смуглое лицо его всегда казалось задумчивым и серьезным. Сейчас Дукора обратился к партизанам отряда:

— Наступил ответственный момент, друзья! Вся надежда на вас. Враги хотят здесь произвести танковый таран. Мы должны доказать, что ничего у них не получится. Не пропустим пехоту через болото...

— И танки не пропустим, — подхватил Лявон Толкачев, командир первого взвода.

— Расскажите, как вы это думаете сделать?

— Первое — прошу моему взводу выделить противотанковое ружье, второе — мы их утопим в трясине...

— Противотанковое ружье есть, боезапас для него — только три патрона.

— Каждый будет послан в цель.

— Что же, товарищ Толкачев, я выполню вашу просьбу. — Дукора перевел взгляд на худенького, свет-

ловолосого Ивана Батурина. — У вас, командир второго взвода, также задача не из легких. Вам необходимо всем взводом проникнуть на правый фланг противника. В вашем распоряжении три ручных пулемета, станковый «максим» и двадцать автоматов... Знаю, знаю; с боеприпасами туго. Поэтому предупреждаю: стрелять только по хорошо видимым целям и без промаха. Каждая пуля должна попасть в цель. Скажем фашистам: «Пошли по шерсть — вернетесь стриженные».

Третий взвод также получил боевую задачу. Дукура обозначил командный пункт и место сбора в случае вынужденного отхода.

Партизаны были настроены решительно. Прощаясь с командиром, обещали с честью выполнить свой долг.

Дмитрий Дукура спросил, не вернулся ли Егор Климчук. Долгое отсутствие бойца, когда каждый человек на счету, его беспокоило. К тому же выяснилось, что Климчук покинул свой взвод без разрешения. Это уже было похоже на дезертирство. Сегодня миновали третьи сутки, как он в отлучке. И теперь нужно было посылать рапорт командиру партизанского соединения.

Дукура не однажды предупреждал перед строем, что за дезертирство, переход на сторону врага, паникерство и сдачу в плен будет назначена самая суровая мера наказания.

И вот такой случай. Во взводе Климчук считался примерным бойцом, старательно выполнял все поручения командира. А на стрельбище показал себя настоящим молодцом — почти всегда попадал в яблочко.

Что могло случиться с человеком? Неужели блокада и голод сделали его дезертиром? Но он же понимал, когда шел в партизаны, что должен быть верен партизанской клятве до конца, до своего последнего часа. Эх, как бы пригодился сегодня Климчук со своим острым глазом и твердой рукой.

Дукура одернул гимнастерку, свернул карту, сунул ее в планшетку. Из-за широкого ствола дуба несколько минут наблюдал за болотом.

Фашисты по колено в воде брели вперед, к партизанским позициям. Им было трудно маневрировать на открытой местности, поросшей чахлыми кустиками и редкими зарослями лозняка. Укрыться было негде.

Партизаны не мешкали — били по врагам почти в упор. Фашисты отстреливались в ответ, однако при-

цельность была неточная — целились почти вслепую.

Но впереди танки, и это уже была серьезная опасность. Танки пока стояли неподвижные, как памятники, но пушки не бездействовали — били по позициям партизан. То здесь, то там рвались снаряды. И многие попадали точно в цель — туда, где были заранее вырыты партизанские окопы, и в маленькие островки посреди трясины, где находились партизанские позиции.

Один снаряд разорвался совсем рядом с Дукорой. Опалил лицо раскаленный воздух, с деревьев посыпались ветки. Дукора присел, прижался к комлю старой ольхи, вытер лоб. Было полной неожиданностью, что враги, оказывается, знают, где находятся сравнительно недавно вырытые окопы.

Кто-то им подсказал. И конечно, тот, кто сам участвовал в укреплении обороны. Уж не Егор ли Климчук? Ведь пропал, как в воду канул. Неужели предатель? Значит, и танки навел он. Не каждый житель из ближних сел знает, что через Зеленую лужу можно добраться до главных островов партизанской зоны, не рискуя утонуть.

Дукора огляделся, стал осторожно отходить к командному пункту. Там, на лесной опушке, под старыми елками сооружены блиндажи в два наката. Туда он приказал командирам посылать связных.

Дукора был уже на опушке, когда увидел, как юркий парнишка в пилотке, с карабином на плече, согнувшись, мчался к блиндажу. И вдруг...

Дукора замер. Рядом с блиндажом с грохотом взвился столб черной земли, блеснул рыжий огонь. «Точное попадание, — мелькнула мысль, — бьют по целям. Необходимо переносить командный пункт».

Дукора, придерживая рукой автомат, короткими перебежками бросился к блиндажу: жив ли парнишка? Добежал до блиндажа, склонился над бойцом. На земле, среди бледно-лиловых кустиков вереска, лежал Виктор Шаруба, совсем еще мальчик, связной третьего взвода. Осколки снаряда попали ему живот, глаза тускнели с каждым мгновением. Превозмогая боль, он силился что-то сказать сквозь стоны.

— Товарищ командир... скажите маме... отцу... Пусть не плачут, пусть не ждут...

— Скажу, Виктор. Скажу, дорогой! Но ты не думай — мы тебя спасем...

— Товарищ командир... солнце чернеет... Почему оно не светит?... Мама, мамочка... Помираю... — Парень впал в забытие, на губах выступила кровавая пена. Дыхание остановилось.

— Товарищ командир, — услышал Дукора, — разве так можно? Вы рискуете... Скорее в блиндаж! Тут уж ничем не поможешь...

— Только не в блиндаж, — возразил Дукора связному. — Давай к лесу.

Оба, пригнувшись, бросились к кустам.

— Кто-то выдал нашу оборону, — сказал Дукора. — Нужно все менять: и командный пункт, и огневые позиции.

Связной возразил:

— Может, это случайно. Видите, больше сюда... — не успел он договорить, как сзади, снова почти у самого блиндажа, раздался мощный взрыв.

Воздушная волна сбила обоих с ног.

— Так и есть. Нас предали... Ты из первого взвода?

— Так точно, товарищ командир.

— Передай взводному: окапываться у самого болота. Прежних позиций не занимать.

— Понял. Можно выполнять? Где вы будете?

— Вон под теми дубами...

Связной со всех ног бросился через кусты вперед, к небольшим возвышенностям, протянувшимся длинной цепочкой вдоль болота.

А бой тем временем разгорался. Вслед за танками стрельбу по позициям партизан открыли минометы. Но не все мины долетали до цели — ударившись о деревья, они взрывались, ломая и разрушая все вокруг. Немцы надеялись, что партизаны не выдержат массированного натиска техники и обратятся в бегство.

Но отступать некуда. И партизаны решили держаться до последнего патрона, до последнего бойца.

Взвод Лявона Толкачева, вооруженный винтовками, бил по фашистам, нащупывавшим переправу для танков. Часть пути, по которому должны были пройти танки, немцы обозначили колышками. В бинокль Лявон рассмотрел, что на колышки намотаны тряпки, пропитанные черной жидкостью. И тогда стало ясно: фашисты подстраховывали себя — если танкам не удастся переправиться через болото в течение дня, они это сделают ночью, при свете факелов.

Толкачев лежал в воронке от снаряда. Она еще была теплой, остро пахла взрывчаткой. Отсюда он хорошо видел своих бойцов.

— Кондрат, слышишь меня? Ориентир — сухая осина со сломанной верхушкой, справа два пальца. Огонь! — командовал из своего укрытия Лявон.

— Сергей Залыга, ориентир: ольховый пенёк, влево ладонь. Пли!

Один за другим падали фашисты в болотную топь. Но вот с берега немцы спустили понтонную лодку, тяжело груженную мешками с песком. Солдаты, что были в лодке, стали сбрасывать мешки за борт. Видно, всерьез готовились враги к прорыву через болото: сооружали дорогу для танков.

Лявон Толкачев перевел взгляд на свою позицию.

— Эй! Симон! — закричал он громко. — А ну, дорогой, ударь по понтону!

— Есть, товарищ командир, ударить по понтону!

— Андрей Заречный! Помоги Симону, чтобы не зажавела без дела твоя винтовка!

И в ответ услышал командир:

— Есть взять цель на мушку!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лихорадочно хватая губами холодный утренний воздух, Оксана углубилась в просеку. Поминутно оглядывалась, останавливалась, прислушиваясь к малейшему шороху в кустах.

Враги остались позади. Сознание этого придало ей силы, она почувствовала какую-то необъяснимую легкость, будто сбросила с плеч тяжелый камень.

В незавидное положение попал Носке со своей свитой. Поделом ему! Остров Черный Дуб оказался не очень-то милостив к фашистам. За одни сутки столько загадок и неожиданностей! Оксана не сомневалась, что на острове партизаны. Но где они?..

Внезапный шорох заставил ее остановиться. Она напряженно прислушивалась. Треск повторился. Из-за толстой старой ели выскочил парнишка-подросток с автоматом в руках. Он бежал ей наперерез. Добежав до просеки, остановился.

— Ты куда? — спросил он и направил на девушку автомат.

— К вам, к партизанам, — с вызовом ответила Оксана, — к кому же еще?

— К партизанам?

— Да, к партизанам. Пусть забирают полковника и его людей. Хватит! Нагулялись!

— И ты из этой же компании!

— Из этой, да не совсем... — Оксана вздохнула. — Послушай, к ним попал ребенок, девочка маленькая. Они решили оставить ее заложницей, понимаешь? Где ваши партизаны? Почему они медлят?

Оксана разглядывала мальчишку — худой, голенастый, в серой кепке, из-под которой выбивается беле-ый чуб, в старой клетчатой рубашке и засаленных штанах, ноги босые, грязные, в цыпках.

— Где партизаны? — парнишка вздохнул. — Там, в болоте Комар-Мох, где ж им еще быть?

— А тут кто? Кто убил часового?

— Я, — с гордостью ответил паренек. — А потом забрал вот... — он кивнул на автомат,

— Ты?! — изумилась Оксана. И тут же спросила: — Куда ты девал автоматы?

— Смотри, какая хитрая! Автоматы? Зачем они тебе?

— Как зачем? Чтобы задержать этих бандитов. Нужно освободить ребенка. Они его там задушат. Мальчик, не тяни, дай...

— Ого, какая ты! Дай, а потом меня в расход — и к ним. Дудки!

— Ничего ты не понял, хлопче. Я — подпольщица, я...

— Ой-ой, ты уже и подпольщица. А чем ты это докажешь?

— Я послала партизанам, дядьке Андрею, важное донесение...

— Ну послала, то и хорошо... Умеешь заговаривать зубы, вижу, умеешь...

— Ты не веришь мне, хлопец, не веришь? А время дорого. Пойми, донесение очень важное для них, очень.

Услышав это, Алесь насторожился еще больше. «Постой-ка, она про донесение твердит. Может, о той записке, что переправлял неизвестный через озеро?..» Он решил на всякий случай уточнить и спросил:

— А что в том донесении? А ну скажи!

— Егор Климчук — предатель. Он знает план блокады.

Алесь смотрел на девушку удивленно и радостно. Трудно было поверить, но слова были те, именно те... Он читал вместе с Вадимом Николаевичем.

— Правильно! — сказал Алесь. — Значит, ты... ты обманывала фашистов?

— Говоришь — «правильно», как будто знаешь текст донесения?

— Конечно, знаю!

— И Алешку Годуна знаешь? Он разве был тут?

— Алешку я не знаю. Кто он такой?

— Он вез донесение.

— А-а-а. — Алесь отвел в сторону взгляд.

— В чем дело? — спросила Оксана, догадываясь, что случилось самое ужасное и непоправимое.

— Алешку убили... Его лодку фашисты забросали минами.

— Минами?.. — Оксана прикусила губу, глаза наполнились слезами. — Господи! Да как же это... Алешечка, родненький! Убили... Все из-за меня. Все из-за меня...

Последние слова она прошептала еле слышно и опустила голову.

Вот так встреча! Девушка, оказывается, не предательница, как он думал, она своя. Это открытие обрадовало Алесь. Но не успел он сказать и слова, за деревьями мелькнула тень. Оксана увидела, что он замолчал и напрягся.

— Чего ты?

— Нас окружают, девушка.

— Меня зовут Оксаной. А тебя?

— Алесь!

Обстановка усложнялась. Видимо, фашисты догадались, что опасность не так уж велика, что им нужно действовать, взять инициативу в свои руки.

Тень мелькнула вновь, на этот раз уже ближе к просеке.

— Оксана, следи за левой стороной. Отступаем к озеру.

Офицер-адъютант, посланный в лес полковником, понял, что его заметили, и выстрелил из пистолета. Пуля взвизгнула совсем близко от Алесь. Оксана прыгнула в сторону, спрягалась за березой. Алесь присел и нажал на курок. Он яростно посылал очередь за очередью в то место, где слышался шорох.

— Алесь, возьми левее, — зашептала Оксана. — Смотри, вон там, за черным выворотнем. — И она показала рукой.

Парнишка сделал несколько быстрых шагов в сторону, приладился к стволу дерева и замер в ожидании. Новая автоматная очередь — и там, за выворотнем, кто-то застонал.

— Молодчина! — крикнула Оксана.

— Теперь бегом к озеру. Отходим, — хрипло сказал Алесь, настороженно оглядываясь и прислушиваясь.

Со стороны поляны послышались крики. «Да это же Аллочка плачет!..» Алесь почувствовал, что слезы застилают ему глаза. Оксана рванулась вперед.

— Назад! — крикнул он в отчаянии. — Убьют. Ты не поможешь! — Он догнал ее, резко схватил за плечо и притянул к себе.

Оксана невидяще смотрела на него.

— Пусти! Ведь там ребенок...

— Назад! Назад! — повторял Алесь.

Опустив голову, она побрела за ним к озеру.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Алесь огляделся, особенно внимательно присматриваясь к кустам справа от просеки. Там должен находиться враг. Это он стрелял из пистолета.

Все было тихо: ни шороха, ни треска сучьев под ногами. Немцы, видно, притаились, ждали удобного момента для нападения. Не отрывая взгляда от просеки, Алесь начал осторожно отходить. Тишина. Отойдя на расстояние, недостижимое для меткого выстрела, мальчик круто повернулся и побежал со всех ног. Вслед ему раздались выстрелы. Стрелял офицер, почти не целясь, просто чтобы показать Носке, что он преследует партизана.

Алесь мчался без оглядки, только ветер в ушах свистел. Нужно было во что бы то ни стало выиграть время.

«Лодку захватить... Лодку. Посадить в нее Оксану и отчалить», — стучало в голове.

Впереди сквозь листву показалось солнце, неяркое, в туманной легкой дымке. Еще немного, и Алесь выскочил на берег, заросший раковыми кустами.

— Алесь, я тут! — крикнула Оксана, выходя из-за дерева. — Давай автомат, мы им покажем!

Парнишка свернул направо и, отыскав приметную молодую елочку, выгреб оттуда два автомата. Оксана схватила один из них, и чтобы проверить, исправен ли он, повернула дуло в сторону просеки, нажала на спусковой крючок. Автомат застрекотал.

— Бьет, хорошо бьет! — обрадовалась она.

— Быстрее в лодку! Отцепи ее с причала. А я... наблюдать буду.

Повесив на шею автомат, Оксана бегом бросилась к берегу. Лодка мирно покачивалась на легкой волне. Девушка заглянула в нее.

— Весел нет! — крикнула она в отчаянии.

— Как нет? Будут. — Мальчик бросился вниз за пригорок: в суматохе, второпях забыл он, что весла тоже припрятаны. Вернувшись с веслами, Алесь дал напоследок очередь по кустам.

— Алесь! Готово!.. — позвала Оксана.

Еще раз прошел он пулями чащу: ветки на ближайших деревьях срезало пулями. Парнишка круто повернулся и побежал к лодке. Вдогонку ему хлопнул пистолетный выстрел. Враги шли следом.

Алесь на мелководе догнал лодку, схватился за борт и ловко перевалился через него.

Оксана видела, как по опушке бегали мечущиеся фигуры. Больше всех суетился голенастый офицер.

Она бросила весла, схватилась за автомат. Но Алесь крикнул:

— Гони лодку! Слышишь, гони. Я сам справлюсь.

С берега бабахнуло сразу несколько выстрелов. Одна пуля попала в борт лодки. «Нет, дудки, не удасться фрицам задержать ее». Алесь снова дал очередь по удаляющимся фигурам на берегу.

Оксана с силой налегала на весла, и лодка набирала ход. Берег убежал все дальше и дальше. Внезапно из леса грянул выстрел. Сомнений не было: били из охотничьего ружья. Оксана негромко вскрикнула и схватилась за плечо. На рукаве платья выступило кро-

вавое пятно. Оксана побледнела, но старалась улыбнуться. Улыбка вышла жалкой, растерянной.

— Бандиты! Вот вам, получайте! — Алесь послал на берег еще одну автоматную очередь. Он с сожалением снял палец со спускового крючка и опустил оружие. Потом строго приказал Оксане: — Сядь на дно.

Приподнял руку, разорвал рукав платья. Рана оказалась несерьезной — кость не задета, но кровь все еще сочилась.

— Не бойся, Оксана, по-моему, ничего страшного нет.

Девушка, поморщившись, кивнула.

— Больно? А ты терпи.

— Смотри, чтобы еще раз не пальнули.

Алесь махнул рукой.

— Пускай! Теперь уже не достанут.

Он разорвал рукав платья Оксаны и туго перевязал раненое плечо.

— Теперь сиди и не шевелись!

Алесь пристально оглядел озеро: освещенное солнцем, оно было пустынно. Утренний ветерок поднимал лишь легкую, едва заметную рябь, и вода вокруг лодки искрилась и блестела, как рыба чешуя. Кричали, носились низко над водой чайки. Было обычное утро, тихое, по-осеннему грустное...

Оксана посмотрела в сторону местечка. Она знала, что утром на остров за полковником должна была прийти лодка с солдатами. Из трубы лесопильного завода курился серебристый дым. Все вокруг казалось спокойным, не таившим опасности. Оксану это в какой-то степени утешило.

В стороне от болота Комар-Мох тоже над горизонтом стелился дым. Но это был дым от пожаров.

С берега снова грянул выстрел.

— Поздно! Не достанете! — засмеялся Алесь. Он взялся за весла и стал с силой грести. С берега стреляли еще и еще, но пули шлепались в воду далеко от лодки.

— Послушай, Оксана, давай обогнем остров и поплывем на запад.

— Делай как знаешь. Ты командир, тебе и решать. Только смотри, чтобы не нарваться нам на беду.

Оба не сводили глаз с острова. А там метались в

бессильной ярости враги. Что-то кричали. Голоса их усиливало эхо, можно было различить отдельные слова.

— Кричит полковник, — поясняла Оксана, — угрожает перестрелять всех за то, что проспали оружие.

Но вот, перекрывая шум и крики немцев, раздался отчаянный детский плач. Маленькая, едва заметная с лодки, фигурка ребенка появилась у самого берега.

— Боже мой! Что же это такое? — заплакала девушка. — Алесь, посмотри, что они делают с ребенком. Звери! Нет, хуже зверей!

Алесь опустил весла, пригляделся.

Около самой воды на берегу стояла девочка. Один солдат тянул ее на веревке, другой поднял руку, как бы для удара. Девочка пронзительно кричала и плакала.

— Алесь! Мы не имеем права бросать ребенка! — твердила сквозь слезы Оксана. — Нужно возвращаться. Отнять ребенка. Алесь, я прошу тебя, я требую — поворачивай к берегу!

— Подожди. Этим мы ничего не добьемся, фашисты перестреляют нас — мы же отличная мишень для них. — Он схватился за весла, стал набирать скорость.

— Испугался? — упрекнула девушка. — Эх ты, вояка. Ведь они убьют девочку. Убьют, я же знаю их. Насмотрелась.

— Успокойся, Оксана, они не посмеют...

— Они палачи! А ты трус! Поворачивай! Слышишь? — Она трясла Алесь за плечи. — У нас же автоматы. Мы их принудим сдаться...

Алесь подождал, пока она успокоится, сказал строго, как взрослый.

— Подумай, Оксана. Это слишком большой риск и очень мало шансов на успех. Убивать девочку им сейчас нет смысла: они надеются, что она поможет им спастись, если на острове окажутся партизаны. Ты ведь сама говорила: Носке сказал, что ребенок — партизанский заложник. Все правильно, мы идем на запад. Но мы еще вернемся, отобьем девочку. Вот увидишь...

Алесь налег на весла и неотрывно следил за островом. Голоса уже почти не долетали до лодки, не слышно было и девочкиного плача.

Оксана была в отчаянии. Она старалась понять Алесь. Наверно, он правильно рассудил. Носке решил

оставить девочку в качестве заложницы, значит, ей не причинят вреда. Оксана жалела теперь, что обвиняла Алесь в трусости. Какой же он трус? Сумел отобрать у немцев автоматы. Один!.. И ее вооружил. Парень он решительный, ловкий. Ведет себя, как взрослый, а ведь ему только четырнадцать. Она вспомнила Алешу Годуна... Как вырастают дети в войну! Будь они прокляты, фашисты!..

Алесь все так же уверенно и спокойно продолжал грести. Потом опустил весла.

— Давай, Оксана, подумаем...

— Может, вернемся? — неуверенно перебила девушка. — Мы не имеем права... Понимаешь... Осталась девочка...

— Вернемся, Оксана, — пообещал Алесь, — обязательно вернемся. И девочку выручим. Но не сейчас, позднее.

— Как бы не опоздать... — В голосе Оксаны прозвучал упрек. Она тяжело вздохнула.

— Как себя чувствуешь? Плечо болит?

— Болит... Но не беспокойся, я стерплю.

— Ну держись! — серьезно сказал Алесь и пристально осмотрел озеро. — Оксана, а кто тот офицер-охотник?

— Полковник Фридрих Носке.

— Это его дивизия окружила партизан?

— Его, проклятого!

— Ого, какой паук попал в наши сети! Оксана, ты понимаешь? Нам нужно сделать все, чтобы полковник не сбежал с острова.

— Убежать ему не на чем. Его выручат солдаты — они утром должны приехать за ним. Нам, Алесь, нужно удирать. А то попадем в новую беду.

— Ты точно знаешь, что утром?

— Точно. Об этом говорил комендант, Вильгельм Циммер. Я случайно слышала его разговор с полковником.

— Что же делать? — забеспокоился парнишка. Правда, была надежда на помощь партизан. Но кто знает, когда они здесь появятся? Знают ли они вообще про дела на острове Черный Дуб? Может, Вадим Николаевич не достиг берега... Наверное, и в самом деле лучше бежать отсюда, пока не поздно. «Эх, Вадим Николаевич!» — горестно прошептал Алесь.

Оксана вздрогнула, обернулась:

- Ты что-то сказал?
- Ничего я не говорил.
- Ты назвал какое-то имя.

— Я думал о своем друге. Вадим Николаевич нам должен помочь... — Он не успел закончить фразу, вскочил на ноги и стал тревожно всматриваться в сторону Митковичей. — Оксана, там лодка! Неужели фашисты?!

Оксана не сразу поняла, что грозит опасность: она была в замешательстве, услышав знакомое имя. Неужели Алесь говорит о Вадиме? О дорогом ей человеке?...

— Оксана, смотри же, лодка! — крикнул Алесь. — Что будем делать?

— Лодка? — переспросила она и только теперь поняла тревогу Алесь. Она увидела впереди на значительном расстоянии черную движущуюся точку. Не было сомнения — это лодка. И в ней люди. Очевидно, фашисты. Солдаты точно выполняли приказ коменданта гарнизона.

— Они! — сказала Оксана. — Нам нужно удирать, Алесь! Слышишь?

«Что делать? Убегать? После всего, что случилось?» — размышлял парнишка. Он никогда себе этого не простит. Сам лишит себя права вернуться к партизанам.

Да и как можно допустить, чтобы полковник Носке остался жив? Солдаты плывут за ним. И девочку заберут. Скорее всего просто застрелят. Выход один: остановить фашистскую лодку. А это значит — тут, на озере, дать бой. Что ж, Алесь привык к выстрелам, свисту пуль. Вот только Оксана...

— Садись быстрее, садись! — крикнул Алесь, схватил ее за здоровое плечо и усадил. Девушка вопросительно взглянула на него.

— Мы будем драться с ними, — решительно сказал Алесь и кивнул в сторону лодки. — Понимаешь, Оксана, будем драться!

— Что ты задумал? Они же нас потопят. Они вооружены... до зубов.

— А мы разве хуже? — Алесь усмехнулся. — У нас преимущество: мы нападём первыми.

Алесь сел за весла и повел лодку навстречу фашистам. Потом посадил на свое место Оксану. А сам с автоматом улегся на дно.

— Пускай думают, что ты в лодке одна!

Твердость, с какой Алесь готовился к бою, придала и Оксане решительность. Хотя бы все получилось удачно... Многое будет зависеть от нее. Оксана усилив воли заставила себя собраться, забыть о ране.

Вокруг сверкала голубизной озерная гладь. Утро обещало ясный, теплый день. Ну что же, даже если это будет последний день в ее жизни, она спокойна, потому что с честью встретит смерть.

«Но что это я, — спохватилась Оксана, — мы еще поборемся, еще посмотрим, кто кого?..» Партизанам сейчас трудней! Завтра болото Комар-Мох должно превратиться в пекло — начнется генеральное наступление на лесную крепость. Руководить будет полковник Носке.

Завтра... Но доведется ли полковнику завтра попасть в свой штаб? Это будет зависеть от сегодняшнего дня и в какой-то мере от нее, Оксаны.

Девушка гребла одним веслом, боль в раненом плече не утихала. Но это уже как-то мало тревожило Оксану. Она неотрывно следила за приближающейся лодкой. Теперь было видно — там солдаты. Трое — их силуэты четко обозначились на фоне озера. Лодка быстро приближалась. Оксана оглянулась на остров. Там, на берегу, тоже заметили лодку, забежали, замахали руками. Видимо, предупреждали об опасности.

Алесь не спускал глаз с лодки. Он лежал на дне, крепко стиснув автомат. Дуло нацелено на врагов, палец на спусковом крючке.

— Правее, — шепчет он, и Оксана исполняет команду.

Фашисты совсем близко. Девушка встала, чтобы солдаты поняли — она одна, — крикнула:

— Гей! Гей! — и замахала веслом, давая знак солдатам, чтобы они приблизились.

Солдаты оживились, закричали:

— Фрейлейн! Фрейлейн! Мы тебя спасем! — И принялись хохотать.

Оксана отозвалась:

— Я вас жду! Сюда! — И, работая веслом, начала разворачивать лодку. Она видела, как сосредоточенно следит за врагами Алесь, как побелели пальцы, стиснувшие автомат.

— Фрейлейн! Фрейлейн! Партизан — капут! Хайль Гитлер! — веселились солдаты.

— Русская русалка! Фрейлейн, выбирай себе жениха — кто лучше! Не бойся...

И тут застучал автомат Алесь. Солдат, поднявшийся во весь рост, качнулся и, согнувшись, тяжело перевалился через борт. Два других заметались в панике, хватаясь за оружие. Но две долгие автоматные очереди сразили их наповал. Неуправляемая лодка закружилась на месте.

Алесь стоял в лодке бледный, осунувшийся от напряжения. Он продолжал держать перед собой автомат. Сказал хрипло:

— Кажется, все... — Он повернулся к Оксане, спросил, вымученно улыбаясь: — Не страшно было?

— Страшно. Еще как страшно. Но мы, кажется, победили! — Она посмотрела на остров. — Они остолбенели. Все видели и все поняли. Шла помощь, да не дошла. Представляю, как взбесился полковник... А ты молодчина! Я не думала, что ты такой смельчак!

— Пускай теперь фашисты почухаются, — сдержанно усмехнулся Алесь. — Узнают, почем фунт лиха.

Он не спускал глаз с фашистской лодки, боясь, чтобы не случилось какой-либо неожиданности.

— Что с лодкой? — спросила Оксана. — Бросим или потопим?

— Нужно сначала забрать автоматы. Подгреби, пожалуйста. Хоть одной рукой. Нам нужно торопиться. Стоп! — приказал Алесь и ловко прыгнул в фашистскую лодку. Он подобрал фашистские автоматы, надел их на плечо. — Лодку возьмем на буксир.

Закрепив обе лодки цепью, Алесь перешел в свою, положил на дно трофейные автоматы и взялся за весла.

— Теперь куда? — спросила Оксана.

— Отойдем подальше от этого места. Может, из Митковичей видели, что тут дейлось. Тогда беда. За нами пошлют такую погоню, не дай бог!

— Налегай на весла. А я буду наблюдать за озером.

— У нас теперь пять автоматов! — радовался паренек.

— Это не главное, Алесь, ты подумай только, в каком положении сейчас Носке, тот славный героический полковник, который завтра должен повести своих солдат на штурм партизанской бригады! Вот бы отбить

Гитлеру телеграмму. Мол, срочно выручай своего Носке.

— Такое и Гитлеру будет. Вот посмотришь, — твердо сказал Алесь.

Лодки шли к северному мысу острова. Там был плавун, обогнув который, можно было видеть, что делается на западной стороне озера. Алесь ожидал партизанских посланцев. Они могли появиться и сегодня ночью, но не появились. Значит, могут подплыть и сейчас. Парнишка не терял на это надежды.

Должны появиться! Должны! Нужно же этому гаду Носке сбить спесь. И Аллочку надо спасти. Эх, только бы не опоздали партизаны!

Алесь споро работал веслами. Берег, на котором остались полковник с солдатами, уже давно скрылся из глаз.

Как только лодка с ходу врезалась в стену камыша, Оксана встрепенулась и радостно крикнула:

— Лодка, вижу лодку!..

— Лодку?! — Алесь бросил весла. Неужели?! Он не верил своим глазам — да, конечно, к острову Черный Дуб шла лодка, а в ней угадывалось три человека.

Там уже заметили беглецов. Вот один поднялся, приставил ладонь к глазам. Стоит, напряженно всматриваясь. Вдруг Алесь закричал:

— Да это наши! Вадим Николаевич! Наши-и-и!

Он схватил автомат и замахал им над головой:

Наши! Оксана, наши! Будем штурмовать остров. Освободим Аллочку. Ура-а-а!

Гомолко Н. И.

Г64 Лесная крепость: Повесть /Пер. с белорус.
М. Долотцевой. — М.: Мол. гвардия, 1982. —
223 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 95 к. 100 000 экз.

Остросюжетная повесть о борьбе белорусских партизан с
фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной
войны.

Г 4702120200—136254—82.
078(02)—82

ББК 84Бел7
С(Бел)2

ИБ № 3041

Николай Иванович Гомолко
ЛЕСНАЯ КРЕПОСТЬ

Редактор В. Никитина
Художник Б. Самойлов
Художественный редактор К. Фадин
Технический редактор В. Савельева
Корректор В. Авдеева

Сдано в набор 17.11.81. Подписано в печать 17.04.82. А03278.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая Усл. печ. л. 11,76. Учетно-
изд. л. 12,6. Тираж 100 000 экз. Цена 95 коп. Заказ 1893.

Типография ордена Трудового Красного Знамени, издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

95 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ